

М. В. Табрусенко

ЭТИ

НЕПОЩАДНЫЕ

КОРЕЙЦЫ...

adv_geo

Татьяна
Валерьевна
Габрусенко

Эти непонятные корейцы

Габрусенко, Татьяна Валерьевна. Эти непонятные корейцы / Т.В. Габрусенко. – М.: Муравей, 2003 (ПИК ВИНТИ). - 294, [1] с., [8] л. цв. ил.; 21 см.; ISBN 5-89737-172-5 (в обл.)

Книга рассказывает об интересных сторонах жизни Южной Кореи, о своеобразном менталитете, культуре и традициях корейцев. Автор, востоковед и журналист, долго работавшая в Сеуле, рассматривает обычно озадачивающие иностранцев разнообразные «корейские парадоксы», опираясь в своем анализе на корееведческие знания, личный опыт и здравый смысл.

Книга предназначена для всех, кто интересуется корейской культурой и современной жизнью Кореи.

путешествия и география

Fiction Book Editor Release 2.6.6
17 August 2018
FD532F4F-406C-462A-A70B-A444EF3EFBE8
1.0

Эти непонятные корейцы

Муравей
Москва
2003
5-89737-172-5

Вступление

Они были первыми

Когда в 80-е годы я училась на восточном факультете ДВГУ, моя специальность, корееведение, популярностью не пользовалась. В практической жизни от нее было мало толку. Южная Корея, о которой ходили смутно-заманчивые слухи («диктатура, но о-о-очень крутая»), была недосыгаема, как Луна, ибо с ней СССР не связывали дипломатические отношения. Северная Корея была доступна ненамного больше. Пхеньян с начала 60-х жил в свете идей чучхе, то есть «опирался на собственные силы». Свидетелей этого интимного процесса он иметь не желал, а посему дипломатические отношения СССР с этой страной были, так скажем, непростыми. Да и наши люди туда не особо стремились. В массовом советском сознании Северная Корея ассоциировалась в основном с соевым соусом (на мой вкус, довольно неплохим) да журналом «Корея», полным фотографий Ким Ир Сена на фоне новеньких тракторов, причесанных на пробор куриц-несушек и радостных негров с чучхейскими трудами в руках. Советский обыватель читал журнал не без удовольствия — всегда приятно осознавать, что кто-то живет еще хуже тебя.

При всей практической бесполезности Кореи, однако, существовали в СССР люди, которые ее искренне и горячо любили. Любили вопреки трагикомическому культу, вопреки кризисам и диктатурам. Это были ученые-корееведы. Путь в Корею им, как и другим категориям советских граждан, был закрыт. Но всеми возможными способами наши корееведы добывали информацию о Пхеньяне и Сеуле и — изучали Корею. Изучали современную экономику и древнюю культуру, этнографию и историю, литературу и язык, писали книги и словари. И воспитывали нас, учеников, в уважении к корейцам и корейской культуре.

Ушел в небытие «великий вождь», грянула перестройка, и Пхеньян под руководством наследника Ким Ир Сена, его сына Ким Чен Ира окончательно закрыл свои двери для окружающего мира.

Сейчас об этой стране достоверной информации еще меньше, чем раньше. Практически единственное, чем располагает сейчас международная общественность, — это свидетельства северокорейских перебежчиков. Увы, радостного они сообщают мало.

Зато Южная Корея открылась для россиян. И о ней стало известно много интересного. Оказалось, что «кровавая диктатура Пак Чон Хи», которой пугали советских граждан на политинформациях в 60-х годах, была весьма неоднозначным явлением.

Прежде всего, пресловутых «морей крови» южнокорейский диктатор не лил. Но и поклонником демократии в западном понимании не был. Западные ученые не пришли к единому мнению о том, как назвать политико-экономическую систему, господствовавшую до недавнего времени в Южной Корее. Ее называют и «государственным корпоратизмом», и «бюрократически-авторитарным режимом», и «рыночно-ориентированным авторитаризмом», и «бюрократическим капитализмом». Суть ее состояла в том, что генерал Пак Чон Хи, захватив в 1961 году власть в Южной Корее в результате военного переворота, сделал упор на развитие экспортно-ориентированной экономики через создание крупных многопрофильных корпораций, максимально защищенных государством от конкуренции. При этом Южной Корее

пришлось пройти через период ущемления некоторых прав и свобод, таких, как запрет левых организаций, запрет на профсоюзную деятельность, на демонстрации, замораживание заработной платы и т. д. Все это накладывалось на политику категорического антикоммунизма, доходящую порой до анекдота. Например, довольно долгое время власти запрещали корейцам слушать музыку Чайковского. По логике: если русский, значит, красный. Южнокорейские дети в 60-е годы были всерьез уверены, что северные корейцы, «пальгэни» («красные»), — это вообще не люди, а черти-людоеды с красными рожами. А чего удивляться — стоит почитать учебники тех лет. Было дело, было. Но все-таки камни в покойного Пак Чон Хи бросают сегодня в Корею только молодые и горячие. История судит по результатам, а то, что получилось в результате правления Пака, впечатляет. Из нищей крестьянской страны, какой была Южная Корея в 60-е годы, к 80-м годам она превратилась в серьезного конкурента Японии, в экономически развитое государство, вкладывающее огромные средства в развитие науки, культуры, новых технологий.

Для большинства россиян открывшееся «экономическое чудо» Южной Кореи было неожиданностью. Однако студенты-корейцы слышали о нем на университетских лекциях еще в 80-е годы.

Разрушая стереотипы советской пропаганды, преподаватели старались рассказывать нам правду о Южной Корее, не приукрашивая при этом истинную природу нашего «союзника» Ким Ир Сена, культ личности, нищету и террор, в которых живет народ Северной Кореи. Они стремились дать нам честные и максимально объективные знания о стране.

Сегодня Республикой Корея восхищаются, у нее учатся, с ней стремятся сотрудничать. Быть специалистом по Корее стало престижно и доходно. Бывшие советские студенты-корейцы побывали на Юге не по одному разу, кто-то устроился там всерьез и надолго. Изучение Кореи перешло на новый этап. Сегодняшнее поколение корееведов лучше своих учителей знает разговорный язык, лучше знакомо с современными реалиями Сеула.

Молодым повезло. Прокладывать путь через тернии им больше не надо — к их услугам комфортабельные хайвеи Знания.

И все-таки не будем забывать о первопроходцах отечественного корееведения. О тех, кто писал первые учебники истории и языка страны, делал скрупулезные переводы старинных романов, выискивал в японских и американских источниках статистические материалы о Южной и Северной Корее, создавал словари — как доказало время, весьма достойные. Первопроходцы сделали свое дело — заложили ту базу, без которой наши современные знания о Корее были бы гораздо менее глубокими. Сейчас наши учителя постарели, кто-то уже ушел из жизни. Мне хочется, чтобы имена этих людей не забывались. Вот почему свою книгу о Южной Корее я хотела бы посвятить старшему поколению корееведов. Это, прежде всего, Пак М. Н., Концевич Л. Р., Мазур Ю. Н., Иванова В. И., Никольский Л. Б., Никитина М. И., ИONOVA Ю. В., Троцевич А. Ф., Джарылгасинова Р. Ш., Рачков Г. Е., Ванин Ю. В. и другие ученые, по чьим работам училось мое поколение студентов-корейцев. С благодарностью вспоминаю я и своих преподавателей из Дальневосточного государственного университета — Серова В. М., Каплан Т. Ю., Галкину Л. В., Верхоляка В. В. Спасибо им.

Особую благодарность мне хотелось бы выразить Льву Рафаиловичу Концевичу — замечательному специалисту и прекрасному человеку, ветерану корееведения, чьи добрые советы и личное участие помогли мне в написании книги. Большое спасибо ему.

Мое открытие Кореи

В Сеуле, городе своей студенческой мечты, я прожила практически безвыездно с августа 1995 до апреля 2000 года. Училась сначала на лингвистических курсах в Сеульском университете, а затем в аспирантуре университета Ёнсе, преподавала русский язык в корейских университетах и фирмах, переводила и делала передачи для радиостанций KBS и SBS, участвовала в съемках рекламных роликов, занималась переводами книг, писала статьи для корейской прессы. С 1997 года, помимо всего прочего, стала работать в русскоязычной газете, издающейся в Сеуле, — «Сеульский вестник». С 1998 по 2000 год работала в этой газете в качестве главного редактора.

Вместе со мной в Сеуле постоянно находилась дочка Маша.

Она приехала в страну в четырехлетнем возрасте, пошла там в детский садик и школу. Благодаря Маше у меня появилась возможность ближе познакомиться с корейским миром детства, с миром корейских мам-домохозяек, с миром корейской семьи.

Сквозь призму всего этого разнообразного профессионального и житейского опыта я и познавала Корею. Корею, которая постепенно стала моей. Точней, нашей с дочкой. Сейчас мы с ней живем в Австралии — стране благополучной, прекрасной, почти как рай на земле. Но Корею и корейцев любим по-прежнему. Более того — близкое знакомство с западной культурой добавило в наш и прежде любимый образ этого народа новые оттенки.

Если коротко — что это за страна такая, Южная Корея? за народ там живет? Начну, наверное, с впечатлений Маши.

Корея глазами детей...

Когда в 1996 году моя дочка отправилась ко мне в Сеул, то вслед понесся хор озабоченных голосов родственников и друзей:

«Четырехлетнего ребенка — в Азию? Да ты с ума сошла! Что она там будет есть? И спать — на полу, что ли? С кем она там будет общаться?» Более интеллектуальные цитировали Киплинга и толковали о непреходящих различиях азиатского и европейского менталитета. В общем, всем нашим русским знакомым Корея представлялась далекой, дикой и враждебной окраиной мира, куда нога белого человека если и ступала, то по чистой случайности, и тут же поскорей старалась убраться обратно. Когда я пыталась объяснить, что в Корее не просто можно жить, но что там живется здорово, мне долго не верили, обвиняя в профессиональной предвзятости.

Детские ощущения — самые верные. Как чувствовала себя в Сеуле маленькая Маша? Однажды я спросила ее, где ей больше нравится жить — в России или Корее? Пятилетняя дочь ответила: «Россия — это моя мама. А Корея — это как тетя, понимаешь?». Сравнивая обе страны, дочка сначала справедливо отмечает достоинства России — речку на даче, бабушкины пироги, собаку Жульку. А про Корею говорит: «Там вещи красивые, в ресторанах вкусно кормят. На улицах всегда весело. И люди добрые. Везде подарки дарят и дарят».

И действительно, к этой особенности корейцев мы так и не смогли привыкнуть — удивлялись каждый раз. «Тетя Корея» ей постоянно что-то дарила. Соки, фрукты и шоколадки, игрушки и книжки. Дарили мои коллеги, сокурсники и студенты, незнакомые люди на улицах и в метро, хозяева рестораничек, магазинов и кафе...

«Знаешь, мама, какая самая лучшая в мире авиакомпания?»

Korea Airline! Я, когда вырасту, буду летать только на ее самолетах!» Еще бы. Тот королевский прием, который был оказан ей во время полета, Маша не может забыть до сих пор. Мы летели зимой, когда пассажиров было мало, и дочка, будучи единственным ребенком на борту, тут же оказалась в центре всеобщего внимания. Ее закружили в объятиях хорошенькие девушки-стюардессы.

Надарили кучу блокнотиков, карандашиков и сумочек. Ее провели по всему кораблю и показали, где сидят летчики и где заваривают кофе. В ее честь приготовили торт (!) и задули на нем свечку. Нет, Маша, поднаторевшая в международных перелетах, знает твердо: Korea Airline — лучшая в мире авиакомпания.

Этот торт заинтриговал и меня. Торт в самолете — почти как рояль под кустом. Откуда? Стюардессы объяснили, что торты на корейских авиалиниях действительно иногда подают — в честь пассажиров, которые оказываются на борту в день своего рождения. Маша именинницей в тот день не была, но для нее сделали исключение.

Чему тут удивляться? Весь «корейский период» своей жизни Маша была исключением. Этаким голубоглазым эксклюзивом.

Меня порой это даже пугало — не зазнается ли мой ребенок? Не привьется ли в ней расистский комплекс превосходства «белокурой бестии»? Почести и всеобщие восторги и взрослого-то, закаленного человека могут испортить. Но этого, слава Богу, не произошло. Маша ведь, со своей стороны, тоже составляла мнение об окружающем мире. И мнение это было вполне положительным. Недаром своим барби она перекрашивала глаза в черный цвет. Сейчас моя дочка пропагандирует Корею среди австралийских школьников. «Какая у тебя красивая кофточка, Маша!

Где тебе ее купили?» — «В Корее, конечно. Там, знаешь, какие вещи умеют делать!»

Вообще-то в Корее любой малыш — эксклюзивный. Корейцы обожают маленьких детей — как своих, так и чужих. Хотя многие корейские способы выражения симпатии к ребенку для меня, как и для других иностранных родителей, были непривычны. В парках, кинотеатрах, метро и автобусах Кореи к лицу Маши тянулся десяток рук — похлопать по щечке, а зачастую — по двум одновременно (рук, естественно, заблаговременно никто не мыл).

Все мои устные протесты и пламенные воззвания на эту гигиеническую тему, даже выступления в печати (опубликовала специально статью в корейском журнале «Сэмтхо») успеха не имели. Корейцы искренне удивлялись: «А что я такого сделал(а)? Я же говорю — красивая у вас девочка!» Моя дочка на первых порах входила в автобус, загоразивая лицо локтями. Затем выучила фразу по-корейски: «Не трогайте меня за лицо!» Помогало, но не всегда. Иногда вызывало взрыв умиления: «Умница какая! Она и по-корейски может!» — и новые ласки.

Особое внимание уделяли Маше вахтеры в нашем общежитии для иностранцев, где дочка была практически единственным ребенком, да к тому же таким экзотическим — беловолосым, голубоглазым. Выпустить ее гулять перед обедом на улицу было невозможно — кто-нибудь обязательно совал ей или мороженое, или шоколадку. Когда однажды Машина любимая игрушка упала за батарею в коридоре и рукой ее было никак не достать, вокруг злосчастной батареи сгрудились все солидные аджосси { 1 Аджосси – кор. «дядюшка». Обращение к женатому мужчине средних лет} общежития: одни утешали моего ревущего ребенка, другие тащили палки и швабры и

совещались, как лучше достать упавшего Винни Пуха. Через полчаса совместных усилий игрушка была вручена счастливой хозяйке. И еще вспоминаю, как однажды зимой в Сеуле выпал снег — событие нечастое, огорчительное для водителей, но радостное для ребятни. Дочка, истосковавшаяся по родной стихии, с восторгом выбежала на улицу — и куда-то пропала. Я заволновалась и пошла ее искать. Нашла в комнате вахтера — самого сурового и неразговорчивого из всех. Маша послушно ела грушу и смотрела мультики по телевизору, а ее сапожки сушились у обогревателя. Вахтер смотрел на меня с глубоким осуждением, как на мать-кукушку. «Он не дал мне побегать по двору, — пожаловалась Маша. — Увидел, что я в снегу валяюсь, и к себе загнал — греться».

Таких милых историй у нас с ней много набралось за пять лет. Все эти аджосси, и шустрая подружка Стефани Ли, научившая Машу, а через нее и меня, детским корейским обзывалкам (ну, в каком словаре я нашла бы, например, как по-корейски будет «Ты, несчастная козюлька!») и игре в «кави-пави-бо» {2 «Кави-пави-бо» — корейская детская игра}.

И одноклассник Эрик — полукореец-полуамериканец со смешной беззубой улыбкой, вручивший как-то Маше заколку с надписью «I love you».

И дворцовый комплекс Чангёнкун, куда мы ходили по воскресеньям кормить карпов. И традиционные китайские статуи львов в университете Енсе, знакомые до последней шербинки, излазанные вдоль и поперек за четыре года. И народные танцы под музыку «нонъяк» {3 Нонъяк — доел, «крестьянская музыка». Народный жанр, представляющий собой танцы под национальные ударные инструменты. Один из самых ярких эпизодов — скачущие по кругу танцоры, в такт музыке крутящие головами и описывающие сложные фигуры длинными лентами, прицепленными к шапкам} по выходным на Инсадоне {4 Инсадон — старинный ремесленный квартал Сеула, сейчас — аналог нынешнего российского Арбата. Там продаются старинные и современные изделия корейских ремесленников, редкие книги, кисти и бумага для занятий каллиграфией и т. д. По выходным часто проводятся фестивали народной музыки и танца}, после которых Маша по полдня крутила кисточкой на шапочке, подражая танцорам.

И смуглые подростки в необъятных штанах, отплясывающие рэп на Тэханно {5 Тэханно — студенческая, молодежная улица в Сеуле. Подростки собираются там и пляшут современные танцы, собирая вокруг импровизированной сцены зрителей, среди которых бывают люди самых разных возрастов} (мы уже знали их в лицо и были горячими поклонницами самого тощего и прыгучего). И улыбчивая аджумма {6 Аджумма — кор. «тетушка». Обращение к замужней женщине средних лет.} из соседней кондитерской, то и дело подсовывавшая дочке только что вынутую из печки сладкую булочку с приговором «Собисы!» {7 Искаженное английское service. Частое выражение в Корее. Употребляется для обозначения чего-то бесплатного, входящего в услуги заведения. В данном случае булочка в услуги, конечно, не входит}.

И полная добродушная тетушка из ресторанчика «Кхоккири» («Слоненок»), у которой Маша всегда сама заказывала любимый набор блюд — манты, рис и бульон с яйцом, а тетушка в ответ, расплывшись в улыбке, произносила одну и ту же фразу с явственным диалектом провинции Кенсандо: «Хорошо! Сейчас несу!» — и накладывала ей миску риса полной горкой. Весь этот пестрый калейдоскоп людей, вещей, событий составляет тот незабываемый образ доброй, ласковой «тети Кореи», который сложился у моей дочери в душе. Кореи как важной части внутреннего мира. Как важной части планеты, на которой она живет.

«Похвали ее ребенка — и она зарежет последнюю курицу», — гласит корейская поговорка. Точнее не скажешь. Доброе, сердечное отношение корейцев к моей дочке не могло не тронуть меня и располагало к этому народу еще больше.

Конечно, были у нас и свои сложности с чужой культурой и менталитетом — о них я расскажу ниже. Привычных продуктов тоже не всегда хватало, хотя от голода мы с ней там не страдали. Но, несмотря на это, в Корее нам с Машей было хорошо. И я очень рада, что моя дочка с детства узнала, что люди и страны бывают разными и культуры — разными, но от этого люди не перестают быть людьми, а культуры — культурами. Этого простого знания, увы, так часто не хватает взрослым.

...и Корея для взрослых

А чем Корея дорога мне, чем особенно привлекательна? Прежде всего мне нравится молодая, свежая энергия этой страны. Общий позитивный настрой людей, дух созидания, которым охвачена Корея. Очень симпатичны атмосфера порядочности и честности, культ неустанного труда, на совесть сделанной работы.

Радуют вежливость и доброжелательность корейцев, отсутствие в них агрессивности. Вызывает уважение кроткое и стоическое терпение, с которым этот народ всегда встречал выпадавшие на его долю испытания. Трогают преданность корейцев семейному очагу, любовь к детям, почитание стариков, верность в дружбе, отсутствие в корейском менталитете эгоизма. Я люблю Корею, потому что она маленькая и домашняя, и вдоль нее можно проехать за один день. Люблю ее узкие улочки с запахами жареных личинок шелкопряда и отвара женьшеня, люблю традиционные чайные и дорогие европейские рестораны, веселые рынки и лощеные супермаркеты, зеленые горы и рисовые поля. Мне в этой стране уютно, спокойно и легко.

Чем больше занимаюсь я Кореей, тем больше привлекательного нахожу и в ее культуре, и в народе. С каждым годом корейцы мне понятнее. Ведь, несмотря на очевидную разницу культурных традиций наших народов, у русских и корейцев много общего.

А меж тем я не раз убеждалась в том, что средний россиянин знает о Корее и корейцах примерно столько же, сколько о биологии кишечнорастворимых. Вроде бы соседями по планете русские интересуются, не заиклившись на себе, как те же американцы. И тем не менее Корея остается для большинства россиян землей чужой и незнакомой. Хотя дипломатические отношения между нашими странами установлены уже больше 10 лет назад, Корея нам ближе не стала. В массовом российском сознании она все еще выглядит как безликий поставщик телевизоров и детских колготок. О самой же стране известны в лучшем случае журналистские штампы: «молодой индустриальный тигр», «загадочная страна Востока». Часто ее вообще не воспринимают серьезно — так, что-то маленькое и узкоглазое, невнятно-азиатское... Непонятное что-то.

И даже среди россиян, которые живут в Корее и работают с корейцами бок о бок, есть немало таких, кто эту страну не понимает и не принимает. Живут годами, а ни друзей не приобрели, ни хороших знакомых. Держит их здесь только приличный заработок. По моим наблюдениям, такие люди делятся на две группы.

Первая — это те, кто понимает корейцев и не желает. Это радостно недовольные, с наслаждением брюзжащие. Те, кому ужасно приятно наконец-то почувствовать себя белыми и цивилизованными. В советское время эти же самые люди подобострастно прогибались перед поляками, прибалтами. В Корее новоявленные европеоиды

находятся в состоянии непрерывной гордости. Гордятся храмом Василия Блаженного, собором Парижской Богоматери, американской демократией и русскими танками, 46-м размером ботинок, 5-м размером бюстгальтера, способностью выпить бутылку водки не закусывая... Все эти разнородные понятия они объединяют для себя в некую расплывчатую категорию «европейского менталитета», носителями которого себя считают — естественно, в противовес «дикой Азии», у которой все «не как у нормальных людей». О том, что подобный «менталитет», а проще говоря, расизм в Европе не в моде вот уже лет пятьдесят, не догадываются по причине тотального незнания европейских языков и культуры.

Понятно, что убеждать в чем-то этих заскоружлых личностей бесполезно. «Европеиды» Корею не видят, потому что видеть не хотят — не хотят терять редкий шанс самоутвердиться и почувствовать себя первыми парнями на деревне. Играть в белых колонизаторов в пробковых шлемах они будут долго и с упоением. В Корее это безопасно — корейцы люди мягкие, неконфликтные, с дураками спорить не привыкли. Я же, глядя на этих «носителей европейской культуры», всегда тайне мечтаю об одном — чтобы оказались они как-нибудь в другой, менее толерантной части Азии. В каком-нибудь особо горном районе Афганистана, например. И попробовали бы продемонстрировать там свое «бремя белого человека».

Но есть и другая группа недовольных Кореей — люди нормальные и, в общем-то, без расистских замашек. Те, кто не понимает ее искренне. Те, кому трудно приспособиться к незнакомой стране при всем желании и старании. Почему в Корее этим людям трудно?

Мне кажется, основная причина — в их подсознательных евроцентристских ожиданиях, которые эта страна не оправдывает. В ошибочном представлении, что преуспевающий мир может опираться только на европейско-американские ценности. Ценности эти нам и близки, и понятны — мы сами воспитаны в той же культурной традиции. И, несмотря на все антизападные настроения последнего времени (чаще всего по принципу — «зелен виноград»), русский человек в глубине души уверен, что европейские ценности — единственно возможная основа прогрессивного общества. К национальному своеобразию он морально готов где-нибудь в Африке, но не в экономически развитой Корее.

А Южная Корея, несмотря на все свои сияющие небоскребы и потоки новеньких машин, — это не Европа и не Америка, и сталкиваться с разительными отличиями от всего, что с детства кажется нормой, здесь приходится на каждом шагу. Хотя к этой стране я отношусь с глубокой симпатией, мне она часто кажется другой планетой. Не все на этой планете безусловно, не все ее традиции россиянин может принять. Но никто и не требует от нас слагать панегирики всему, что увидим. Главное, что необходимо при встрече с чужой традицией и культурой, — не вставать в позу поучающей добродетели, не цепляться за детали, не кривиться от диссонансов, а внимательно вслушаться в хор незнакомой жизни. И тогда не укроется от нас ее красота и правда.

Все, что надо для этого, — это открытый ум и сердце, без которых Страна утренней свежести, как традиционно называли корейцы свою землю, останется для иностранца закрытой.

Как создавалась эта книга

Как у любого иностранца в чужой стране, впечатления и соображения о местной жизни у меня накапливались постепенно. Я не вела специальных записей, только в письмах к родным сообщала разные забавные случаи. Но как-то на радиостанции KBS мне предложили самой сделать серию передач под названием

«Корейские пословицы». Мне показалось скучным просто зачитывать народные изречения в переводе на русский и разбирать их с лингвистических позиций, как это обычно делалось в русских сборниках корейских пословиц. Я решила знакомить слушателей с пословицами, привязывая их к событиям корейской истории и культуры, к любопытным чертам корейского менталитета. Судя по письмам радиослушателей, передачи понравились. Как-то раз один из присутствующих в студии корейцев заметил: «У вас интересно получается. Может, вам вообще начать писать книгу о Корее?»

Мой корейский опыт, наложенный на корееведческое образование, вскоре заинтересовал и других людей. В 1997 году в Корее появился «Сеульский вестник» (СВ) — русскоязычная газета в Сеуле, и я с самого начала стала сотрудничать с ней.

СВ отличается от обычных зарубежных русскоязычных изданий.

Те, как правило, только освещают жизнь русской общины в чужой стране и перепечатывают материалы из российских газет. Перед СВ стояла другая задача. В Корее практически нет русской эмиграции, а значит, нет и стабильной русской общины. Люди, которые приезжают в страну, работают в ней хотя и подолгу, но все-таки временно, чаще всего, не зная ни культуры, ни языка Кореи. «Сеульский вестник» был создан для того, чтобы помочь им приспособиться к незнакомой среде. Я в этой газете постоянно вела две рубрики — «Восток — дело тонкое» и «Мы и они», в которых старалась подробно отвечать на наиболее частые вопросы россиян о Корее и анализировать непонятные ситуации, в которые попадают иностранцы.

Затем некоторые мои очерки о Корее стали появляться в российских изданиях — «Путешествие вокруг света», «Восточная коллекция», «Российские корейцы», в казахстанской «Коре ильбо» — и были выложены на некоторых интернетовских сайтах.

Сотрудничество с «Сеульским вестником» я продолжаю и сейчас, находясь в Австралии, — благо что современные средства связи позволяют не сильно отрываться от корейской жизни. На основе всех этих материалов написана книга, которую вы держите в руках. Я не ставила перед собой задачу последовательно описывать страну, ее историю, экономику или географию. Меня интересовали исключительно люди, «быт и нравы», как сказали бы в XIX веке.

Так что получился сборник разнокалиберных рассказов о наиболее интересных и необычных сторонах жизни современной Южной Кореи, о своеобразном менталитете южнокорейцев. В книге я попыталась объяснить корейские парадоксы, руководствуясь опытом, корееведческими знаниями и здравым смыслом.

Надеюсь, что моя книга поможет россиянам открыть для себя дальневосточного соседа и лучше понять психологию корейцев.

Глава первая

О еде и других «культурных шоках»

С чего начать разговор о Корее? Наверное, с того, с чего начинают разговор с иностранцем сами корейцы. Первым вопросом, как правило, будет: «Как давно вы приехали в Корею?»

А следующим: «Нравится ли вам корейская кухня?» Ответить отрицательно невозможно — нанесешь корейцу кровную обиду.

А если по-честному?

Ну, для начала: что такое «корейская кухня»? Большинство россиян полагают, что знают ответ на этот вопрос. Вон она, корейская кухня, на ближайшем рынке. Морковка по-корейски, спаржа, опята. Недавно в одном из московских магазинов мне попалась в руки книжка — «Корейские салаты». Как и следовало ожидать, в ней предлагались все те же рецепты «корейской морковки». Большинству поклонников этой замечательной закуски невдомек, что к Корее она не имеет никакого отношения. Это кухня наших советских или российских этнических корейцев — то, что они смогли сотворить из продуктов, которые были в России под рукой. Это их местные оригинальные произведения, нашедшие немало приверженцев среди россиян именно по той причине, что сделано все это из привычных продуктов. А в Южной Корее кухня совершенно другая, с русскими кулинарными традициями не имеющая ничего общего. Какая же она, корейская кухня?

Во-первых, по сравнению с «корейской морковкой» она зверски острая. Корейская кулинария не отличается особым разнообразием специй — в основном это красный перец, соевая паста, соевый соус и уксус. Для России достаточно необычно, но по сравнению с китайской, малайской, вьетнамской кулинарией этот джентельменский набор довольно однообразен. Однако кладется он в пищу в невообразимых количествах, так что корейское блюдо обычно приобретает красный цвет. Если в древнерусском языке «красный» обозначало «красивый», то в корейском «красный» — это еще и «острый», «вкусный».

Во-вторых, корейская кухня отличается необычным для нас набором продуктов — мало мяса, почти нет жира, зато много зерновых, соевого творога и овощей. Есть немало рыбных блюд.

По некоей непонятной мне причине рыба в Корее очень дорога для страны, окруженной морями.

Знаю, что некоторые иностранцы, в особенности россияне, к «настоящей» корейской кухне привыкают без проблем, кому-то она нравится. Но со мной, к сожалению, случилось по-другому. Первые полгода я честно питалась только в корейских ресторанах.

Поначалу было вкусно, необычно и, главное, чрезвычайно легко.

Похудеть за три месяца на 5 кг без малейших усилий — какая современная женщина не мечтает о подобном чуде! Но постепенно все вкусы и запахи стали казаться однообразными — все та же соя и паста из нее, все тот же красный перец. А через полгода стал болеть желудок, появилась аллергия на соевый творог, и я поняла —

корейская кухня, за исключением пары-тройки нейтральных блюд, не для меня. Было очень досадно — ведь это означало отказ от дешевого и качественного корейского общепита.

Приходилось готовить дома или есть в ресторанах китайской и японской кухни. Такие заведения в Корее очень распространены и вполне доступны по ценам. Японская и китайская кухня не отличается остротой и нашим с дочкой европейским желудкам вполне подходила. А с исконной корейской кухней наши отношения, увы, так и не сложились. Это было одной из причин, по которой я не стала отдавать дочку в корейскую школу, — в школьных столовых в Южной Корее подается на стол все только корейское, то есть «красное».

Чтобы читатель не упрекнул меня в излишней гастрономической придирчивости, замечу, что «кулинарные проблемы» возникают у многих гостей страны. Если непрехотливые россияне в целом к корейской кухне приучаются, то куда трудней приходится американцам и австралийцам — эти очень тоскуют по знакомым продуктам. Им не хватает привычных сосисок, йогуртов, сыров и «здорового хлеба», то есть испеченного из нескольких разных злаков или цельного зерна. Австралийцам, кроме того, мало фруктов. Немцам плохо без колбас и хорошего пива — эти продукты, по общему мнению, не особенно удачные в Корее. С удивлением обнаружила недовольных и среди ближайших азиатских соседей Кореи — вьетнамцев, китайцев, малайцев. Им не нравятся вкусовое однообразие и излишняя острота корейской кухни. Как-то раз я разговорилась на кулинарные темы с одним узбекским студентом в Сеуле. Он питаться в корейском общепите не мог вообще. Этому стройному, как лоза, юноше не хватало... жира.

Однако у некоторых блюд корейской кухни есть горячие иностранные поклонники. Тот же молодой узбек, к примеру, в невообразимых количествах поглощал жареные пончики с начинкой из бобовой пасты, которые продаются на уличных лотках, — это, пожалуй, единственное жирное блюдо корейской кулинарии.

(Сами корейцы уличные пончики считают крайне нездоровой едой и оправдывают их присутствие в корейской кухне тем, что блюдо это не исконно корейское, заимствовано из Китая.) Большинству гостей страны нравится кимчхи — корейская острая квашеная капуста. Она на удивление хорошо дополняет любой национальный рацион. Русские ее любят за то, что хорошо идет под водку, австралийцы накладывают на сэндвичи. Западным иностранцам нравится и пулькоги — это корейский вариант японского жареного мяса сукияки. А я лично из всей корейской кухни предпочитаю блюда из отбивного рисового теста — тток. Это тесто готовят в самых разных вариантах — и жарят в остром соусе, и заправляют им супы, и готовят из него своеобразные пирожные — рисовые хлебцы. Тток, впрочем, также трудно назвать чисто корейским блюдом, ибо он есть и в китайской, и в японской кулинарии. По консистенции тток очень вязкий и напоминает мое любимое сырое тесто, которое в детстве запрещала есть мама — говорила, что будет заворот кишок. А его, оказывается ест целый регион, и хоть бы хны. Правда в прошлом году в Японии, как я прочла в прессе, какая-то бабушка на новый год все-таки подавилась.

Так что каждый находит себе в корейской кухне блюдо по вкусу. Но есть среди иностранцев и те, кто корейскую кухню любит всю без исключений и предпочитает ее любой другой. По моим наблюдениям, весьма часто это — белые мужчины, женатые на кореянках. Тут уж не разберешь, с чего началась любовь — с сердца или с желудка. Любопытно, что среди таких «неофитов кичмхи» много толстяков, хотя вроде бы корейская кухня отложениям жира не способствует.

«Застольный шок»

Самый кроткий и терпеливый иностранец, настроенный к Корее благодушнейшим образом, рано или поздно неминуемо сталкивается с тем, что в переводе с английского именуется «культурным шоком». Это когда остро ощущаешь, что все вокруг не так, как надо. То же ощущение в тяжелой форме — это когда хочется взять автомат и...

У каждого — свой культурный шок. Американцы шокированы тем, что в Корее жители говорят по-корейски, а не на «универсальном языке», каковым им представляется свой собственный. Любители животных возмущены недостатком квадратных метров на звериную душу в Сеульском зоопарке и тем, что импотенты в Корее лечатся супом из собачьего мяса. Растрепанные западные феминистки ужасаются затюканности корейских женщин. Западных плейбоев корейки как раз устраивают, но почему-то не нравится не вполне действующий, но все еще пропагандируемый местный принцип: «только после свадьбы» ... В общем, у кого что болит.

Не буду лукавить и утверждать, что востоковедческое образование уберегло меня от каких бы то ни было культурных шоков и обеспечило олимпийским спокойствием и неизменной благожелательностью на все пять лет проживания в Корее. Ничего подобного. У меня тоже были свои шоки. И самый первый, с которым я столкнулась, — это корейская манера есть. Это был действительно шок, который ударил и долго не давал прийти в себя.

На бумаге это не описать. Чмоканья, чавканья и сладострастные всхлюпы, подсасывания и восторженные высывания языка. Ням-ням, чмок-чмок, хлюп-хлюп... Все смачно, торопясь, обжигаясь, с брызгами и последующим отрыгиванием... Нет, литературный язык здесь бессилён.

В первую же неделю нахождения в Корее мне стало ясно, что я не могу есть в студенческой столовой. Не могу смотреть рекламу пива «Хайт» по телевизору, где крупным планом показан волосатый мужской кадык, внутрь которого с утробным урчанием, как в унитаза, всасывается пиво. А потом пена течет по подбородку, и... сочный, жирный звук отрыжки. Пейте пиво «Хайт», короче говоря. Приятного аппетита.

Один мой приятель-болгарин завел себе корейскую подругу.

Девушку симпатичную, большеглазую, бойко болтающую по-английски. Однажды он пригласил ее провести вечер в ресторане на Итхэвоне, где на двери висела табличка: «Только для иностранцев. Корейцам вход запрещен». (В Корее в иностранных кварталах можно порой встретить заведения с подобными надписями — свидетельства попыток местных властей уберечь корейскую нравственность от растлевающего зарубежного влияния.) Большеглазая девушка в глазах бдительного охранника вполне сошла за иностранку, и пара заняла свое место в углу за столиком.

Принесли какой-то сугубо западный стейк с картошкой, и наши герои приступили к еде. И вот тут-то девушка выдала себя. Она зачавкала так, что все кафе перестало жевать и молча уставилось на нее. Не помогли ни большие глаза, ни английский язык.

Как большинство иностранцев, я была вначале уверена, что чавканье за едой — следствие дурного воспитания корейцев. Что их просто не научили есть в детстве мамы. Оказалось — еще как учили. Только не по-нашему.

Моя корейская подруга рассказывала, что ей в детстве сильно доставалось от мамы как раз за противоположное — за то, что ест беззвучно, тихо. В глазах мамы это выглядело

как черная неблагодарность за ее труд. Она, мол, готовила, старалась, а ребенок теперь сидит выпендривается — ковыряется в тарелке, вместо того чтобы с аппетитом съесть все, что дают. С аппетитом — значит, с причмокиванием. Чтобы показать, что ему вкусно.

Я неоднократно убеждалась, что чавканье во время еды действительно является частью национального застольного этикета корейцев. Правда, этикета именно фактического, действующего.

В корейских книгах о традиционных застольных ритуалах такой информации вы не найдете. Наоборот, там вас будут убеждать, что в соответствии с традиционными правилами вежливости есть за столом надо мало, тихо и молча. Но правила правилами, а жизнь жизнью. Помните «золотое правило», которое в советское время активно проповедовалось в школах и детсадах: «Когда я ем, я глух и нем»? Проповедовать его можно было сколько угодно — но представить себе нормальную дружную российскую семью, где за столом все сидят молча, просто невозможно. То же и в Корее. Не все предписываемое в книжках отражает ее реальную ситуацию, реальные правила приличия. Европейски образованный кореец, который даст фору любому белому в искусстве виртуозно обращаться с ножом и вилкой, будет есть на официальном приеме абсолютно беззвучно, маленькими аккуратненькими порциями. Однако по возвращении домой, где его ждет приготовленное мамой кимчхи-чиге {8 Кимчхи-чиге — суп из кимчхи, острой квашеной корейской капусты}, он, как почтительный сын, будет чавкать и брызгаться так, что хоть святых выноси. И съест все до дна, будьте уверены. Никаких «мало и тихо».

«Палли-палли»

Ну хорошо, пусть чавкают, пусть отрыгивают, думала я. Но зачем так спешить? Скорость, с которой корейцы справляются с содержимым всех этих бесконечных блюдец и мисочек, наполненных панчханами {9 Панчхан — закуска. Для корейского стола характерно разнообразие панчханов, которые выставляются в маленьких тарелочках, в количестве от 4—5 в обычных столовых и 8—10 в богатых ресторанах} темп, с которым в желудок вливается дымящийся и красный от перца суп и заталкивается солидный комок клейкого риса (корейцы не любят длинный и сухой рис, который в России зовется вьетнамским), и вообще вся эта пожарная суета вокруг столика с едой меня сильно озадачивали. Ни приятной застольной беседы, ни неторопливого наслаждения пищей — все наспех, молча, «палли-палли», то есть «быстро-быстро».

Когда я пыталась расспрашивать корейцев о причине такой спешки, все говорили примерно одинаково: дескать, жизнь у нас деловая, напряженная, некогда за столиками расслаживаться. Но я-то замечала, что, после того как на тарелках не останется ни крошки, вся суета внезапно стихает, люди расслабляются и могут еще полчаса просидеть в ресторане, покуривая и болтая о всяких пустяках. Эту загадку раскрыл мой корейский приятель, замечательный человек, который стал для меня настоящим гидом по Корее. Он ответил просто и честно: «Да это привычка такая, с детства. Приучились мы тогда есть быстро, чтобы больше досталось».

Царь-Голод

И вот тут на поверхность выходит огромный культурный и исторический пласт, которого никогда не увидит поспешный западный критик корейских застольных привычек. Не смешной, а печальной оказывается корейская традиция спешить за столом. Она прямое следствие Голода, который владел этой страной на протяжении веков. «В мире есть царь, этот царь беспощаден, Голод — название ему...» Когда за столом собирается большая семья, а миски полупусты, тут не до приятных разговоров — успевай только жевать и глотать, пока другие тебя не обогнали.

А голодать корейцам приходилось часто. Меня поразило случайно найденное в словаре слово: «весенний голод». Значит, понятие это было настолько привычным, что в языке сложилось специальное выражение. Как отголосок этой страшной реальности, звучит корейская пословица: «Сват по весне хуже ворога» (свата, пришедшего в гости, полагалось угощать по закону гостеприимства, а угощать весной было нечем). Или поговорка о богатой деревне: «Здесь семь домов из десяти живут, не голодая» (речь идет о деревне богатой: то, что из десяти семей три обязательно голодают, считалось естественной издержкой).

Читая корейские романы о совсем еще недавнем прошлом Кореи — 50—60-х годах, поражаешься тому, какое огромное место занимает в них тема голода. Это постоянный, привычный фон, на котором разворачиваются все события. Роман Ким Чу Ёна «Рыбак не ломает камышей», во многом автобиографичный, ужаснул меня именно вот этим фоном, мимолетными упоминаниями. Мальчик, возвратившись из школы в жаркий летний день, не бежит на речку — он знает, что после купания захочется есть, а еды в доме нет. Братья весной встают на рассвете, чтобы успеть первыми из деревенских детишек добежать до бесхозной акации у дороги и подобрать осыпавшиеся за ночь лепестки — набить животы голодной весной. Или сцена зарождения первой любви. Слабенькая от голода девочка не может спуститься с крутого обрыва, и главный герой, мальчишка, должен помочь ей, коснуться ее руки. Это было в 50-е годы. Когда у нас издавалась книга «О вкусной и здоровой пище».

О том, как недавно распрощалась с Царем-Голодом Южная Корея, свидетельствует отрывок из сочинения одной моей корейской студентки. Вот что она написала на заданную тему «Воспоминание о детстве»: «Когда мне было шесть лет, наша семья в воскресенье отправилась на прогулку. Старшему брату родители купили вареное яйцо, а мне нет. Родители сказали, что это дорого. Мне было очень обидно». Для нее, двадцатилетней, вареное яйцо было в детстве лакомством, недоступной роскошью. А в моем детстве, которое было как минимум лет на 15 раньше, мамы с бабушками плясали вокруг детей: «Ну, съешь кусочек! За маму, за папу...» В книге «Ваш ребенок», зачитанной до дыр моей юной мамой, предостерегали от опасности перекормить малышкой излишним количеством яиц и сливков.

И еще один сюжет с вареным яйцом, уже из жизни современной. Как-то я брала интервью у прихожанки православной церкви Св. Николая в Сеуле. Интервью было длинным, аппаратура барахлила, а вокруг еще бегали наши дети, мешая записывать.

Одна приветливая корейская тетушка, член церковной общины, решила нам помочь. «Пойдемте-ка со мной, пока тут мамы заняты, — предложила она ребятишкам. — Я вам что-нибудь вкусненькое дам. Вареное яйцо, например. Хотите?» Чувствовалось, что предлагаемое угощение казалось ей самой очень соблазнительным. По недоуменным же лицам наших детей было ясно, что ее приманка не работает: «на яйцо» они не клонут.

Да, корейцы, нынче сытые и сверхсытые, голод хорошо помнят и знают цену самой простой еде, пусть даже ее вокруг вдоволь. Как на всю жизнь усвоили цену корки хлеба наши блокадники.

Культ еды

В начале главы я упомянула о том, что вопрос о еде прозвучит сразу же после того, как вы начали с корейцем разговор.

«Нравится ли вам корейская пища?», «Вы уже пообедали?», «Что вы сегодня ели?» — эти необычные для нас вопросы в Корее звучат непрерывно. Один мой знакомый западный иностранец расстался со своей корейской девушкой только потому, что устал по пяти раз на дню отвечать ей на вопрос — что он сегодня ел?

А потом выслушивать замечания о том, что именно этого-то есть ему не следовало. Приятель углядел в поведении подруги покушение на свою драгоценную privacy и бежал без оглядки.

Он не понимал, что девушка была корейкой и хотела, как лучше. Она хотела показать, что любит его, а как могла это сделать корейка, не расспрашивая мужчину беспрестанно о здоровье живота его? Корейский юноша был бы в восторге от такой заботы.

Еда в корейском менталитете — это очень и очень серьезно.

С этой частью мышления не в силах справиться ни годы, ни расстояния. Помню, как знакомый сахалинский кореец, молодой парень, в студенческие годы часто повторял непонятную мне тогда поговорку: «Едой и родителями не шутят». Я еще тогда подметила, что наши российские корейцы о еде могут говорить вдохновенно и бесконечно — как мужчины, так и женщины.

Таковы и их соотечественники в Сеуле. Отношение к еде как к драгоценному источнику жизни, высшему благу, лучшему досугу и наслаждению является неотъемлемой частью современной корейской культуры. На вопрос, как провел выходные, что делал, кореец обычно ответит: «Ел». Или: «Хорошо провел. У нас с друзьями была вечеринка, на которой мы ели...» (далее следует перечисление). Когда на радио я переводила программы под рубрикой «Путешествие по новой Корее», там то и дело встречались тексты следующего содержания: «Это город Н. Он известен особо вкусным сортом лука. Вот и сейчас здесь шумит базар.

Предлагаем вашему вниманию интервью с господином К., торговцем луком. Он расскажет, как ему удалось вырастить такой лук». Или: «Это город Х. В этом городе прекрасно готовят лапшу. Каждую осень в нем проводится конкурс на лучшее приготовление лапши. В этом году победительницей конкурса стала госпожа Пак. Предлагаем вашему вниманию интервью с ней». А вот совет из корейского журнала, как расслабляться в течение рабочего дня: «Прикройте глаза и подумайте о том, что вы будете сегодня есть на обед. Вспомните поход в какой-нибудь любимый ресторан...»

Кстати, об обеде. Вся деловая жизнь в Корее вымирает с 12 до часу дня. Это — обеденное время, которое соблюдается нерушимо и свято. Пусть метеорит упадет на землю — в 12 часов ты должен сесть за стол. Даже если ты еще не голоден — ешь. Ешь, давась от отвращения. Потому что так надо, так принято. Пообедать в 12 часов — это почти что священная обязанность, и корейцы, вообще-то не слишком склонные изнурять себя пунктуальностью, исполняют эту обязанность так же истово, как

правоверный мусульманин намаз. В учебнике корейской грамматики я встретила пример к выражению «ничего не поделаешь»: «Хочешь не хочешь, а ничего не поделаешь — обедать надо». За обедом и после обеда все присутствующие сосредоточенно и серьезно говорят все о том же — о еде. Вкусно — невкусно, полезно — бесполезно, освежает — не освежает.

Эта сторона корейской жизни нередко раздражает россиян.

Хотя поесть мы, в общем-то, любим, разговоры о еде в нашей культуре не приветствуются, ибо считаются признаком недостаточной духовности человека, свидетельством узости его интересов. Трудно представить себе двух российских профессоров, в присутствии студентов, упоенно вспоминающих подробности съеденного накануне обеда. Такая модель поведения характерна скорее для чеховских мещан, чем для людей интеллектуального труда в России. А в Корее подобная ситуация с профессорами типична. Как и простой народ, корейские интеллектуалы говорят о еде много и со вкусом, не боясь показаться окружающим ограниченными. Да что там профессора! Во время визита южнокорейского президента Ким Тэ Чжуна в Пхеньян в июне 2000 года главы обеих Корей — и те не могли удержаться от того, чтобы не свернуть на кулинарную тематику. Ким Чен Ир счел должным отметить, в частности, что южнокорейская кимчи {10 Кимчи — квашеная корейская капуста} слишком солон, в отличие от водянистой пхеньянской, что суп нэнмён {11 Нэнмён — холодная лапша в говяжьем бульоне, любимое блюдо корейцев в жару} вкусен только тогда, когда его едят медленно, не спеша... В западном мире подобные замечания на официальном приеме были бы смешны даже в устах женщин. Для корейских же лидеров разговоры о еде служили такой же вежливой «затравкой», как для англичан разговоры о погоде.

Обед как всеобщий эквивалент

Любопытным следствием культа еды в Корее является традиция расплачиваться едой, чаще всего обедом или ужином в ресторане, за одноразовую работу или услуги. Сами корейцы такую оплату с удовольствием принимают и часто предпочитают ее деньгам — как в советское время сантехники предпочитали брать за ремонт унитаза бутылку водки вместо денег. Однако иностранцев этот корейский обычай устраивает далеко не всегда. Во-первых, проводить вечер за столом с данным человеком ты, возможно, не хочешь (дело делом, а ресторан — это все-таки досуг), во-вторых, далеко не всегда обед, которым тебя угощают, тебе нравится.

Мне самой приходилось много раз сталкиваться с ситуацией, когда вместо расплаты «всеобщим эквивалентом» меня вели в деликатесный, по корейским понятиям, ресторан и кормили такой, по моим понятиям, отравой, от которой потом было просто нехорошо. Причем стоили эти рыбные потроха с перцем столько, что я с дочкой могла бы питаться на эту сумму неделю. Однако сказать корейцу прямо, что ты обо всем этом думаешь, чаще всего невозможно. Человек угощает дорогим кушаньем с такой искренней гордостью, с таким торжеством во взоре: «Это изысканное, очень редкое блюдо! Раньше такая рыба подавалась только к королевскому столу!» «Бедные корейские короли, бедная я», — крутились в голове жалобные мысли. Но делать нечего — приходилось есть.

Некоторые специальные моменты для россиян и украинцев

Разговоры о еде непременно ждут и иностранцев, так что к этому надо быть заранее готовым. Тут мне хотелось бы дать читателям несколько советов во избежание возможных ошибок, которые могут испортить вам репутацию или отношения с корейскими коллегами. Итак, еда, некоторые специальные моменты.

Во-первых, стоит учитывать, что в еде корейцы на редкость консервативны и свою национальную кухню оценивают, как единственно правильную. Она считается у них, вполне официально, «самой здоровой в мире», и большинство корейцев с этой оценкой согласны. Более-менее приемлемы японская и китайская, хотя японская считается «слишком сладкой», а китайская — «слишком жирной». Все остальное воспринимается как баловство, а не как нормальная еда. Тот, кто посещал шведские столы в дорогих ресторанах Сеула, где широко представлены все основные кухни мира, мог с удивлением заметить, что из всего этого изобилия кореец выберет только свои национальные блюда. Моя подруга, работавшая в России с корейскими туристическими группами, жаловалась на то, что угодить корейцам с едой было невозможно: обеды в самых наших лучших ресторанах их не устраивали. Меню, куда входили осетрина на вертеле, блины с икрой, изощреннейшие солянки, корейцы капризно браковали и требовали подать свой родной тосирак. И так происходит везде. В какую бы страну кореец ни поехал в качестве туриста, он не проявит никакого интереса к чужеземной кухне, уверенный заранее, что обед, в который не входит рис (причем рис именно корейский, клейкий) и кимчи, — это не обед. Не будет пробовать даже из любопытства. Вот почему популярные в других странах фестивали иностранной кухни в Корее не встречаются равным счетом никакого энтузиазма населения. То ли дело фестиваль кимчи!

Свои, отечественные продукты корейцы также считают самыми лучшими, самыми качественными. В Канберре есть специальный магазин — Kim's groceries, где продаются продукты, привезенные из Кореи. Я с удивлением обнаружила, что там продают не только «родной» рис, кимчи и соевую пасту, но даже корейский майонез. В Австралии, где в магазинах продаются десятки сортов первоклассного майонеза, местные корейцы-иммигранты предпочитают переплатить (продукты из иностранного магазина стоят заметно дороже) и купить свой, который, не знаю, из чего уж делается, но не портится, находясь открытым без холодильника, месяцами. И тем не менее: «корейский майонез — значит, лучший майонез».

Это убеждение насчет превосходства своих продуктов над зарубежными, впрочем, характерно практически для всех народов — ни русские, ни австралийцы здесь не исключение. Так вот, упаси вас Господь задеть этих священных коров и заметить, например, что в корейских фруктах многовато химикатов, или пожаловаться на то, что суп из соевой пасты пахнет недостаточно изысканно.

Не надо, пожалуйста, не обижайте ваших корейских собеседников. Особенно если вас угощают чем-то домашним — маминым соленьем или хурмой из дедушкиного сада. Это святое. Надо съесть и попросить добавки.

Во-вторых, корейские собеседники будут интересоваться и вашей национальной кухней, в частности, задавать вопрос: «Что у вас является основной пищей?» Для сытых индустриальных стран, где люди питаются много и разнообразно, этот вопрос звучит странно. Индийцы же или малайцы корейцев отлично понимают. Поняли бы их, кстати, и русские крестьяне вплоть до начала XX века — те, кто питался отнюдь не

заливными стерлядями и черной икрой, как нам это порой представляется, а в основном черным хлебом с луком.

«Основная пища» Кореи — вареный рис. Так было традиционно, и так продолжается сейчас. Правда, в случаях неурожая корейцы ели другие злаки — просо, ячмень, пшеницу. Но без особого удовольствия. Рис в Корее считается идеальной пищей. Есть к нему приправа — хорошо, нет — ничего страшного, будут есть так. Собственно, вся остальная корейская кулинария — та самая, зверски острая — создана как добавка к пресному рису. Вот почему корейское выражение «Ты поел?» дословно звучит как «Ты поел рис?».

Американцы-австралийцы-европейцы обычно затрудняются ответить на вопрос об их основной национальной пище. Современная диетическая тенденция в этих странах нацелена на максимальное разнообразие продуктов, на их пропорциональное соотношение. Нет в современной европейско-американско-австралийской кухне основной пищи. Но корейцы сами нашли ответ на свой вопрос. По аналогии с рисом они решили, что «основная западная пища» — хлеб. Бесплезно доказывать им, что это не совсем так, что хлеб в этих странах едят далеко не всегда, что в большинстве западных ресторанов его надо заказывать отдельно и платить за него отдельно, как за самостоятельное блюдо. Тебя не понимают. Потому что так не бывает. У китайцев есть основная пища, у японцев есть основная пища. Даже у всяких там малайцев с вьетнамцами. А вы что, рыжие?

Мы вот именно что рыжие. Но корейцам этого тоже не втолкуешь. После многолетних бесплодных попыток я сдалась. Хорошо, пусть будет хлеб. Но пусть и «основная русская пища» будет тоже хлеб. Запомнили? Никогда не говорите, что русские едят «в основном картошку». Картошка для корейцев — второсортный продукт, и вы сильно уроните честь державы, если скажете, что «основная пища русских — картошка». Корейцы тут же решат, что «несчастные русские» (а именно такой наш образ сейчас доминирует в корейской прессе) не могут позволить себе вдоволь хлеба, не говоря уже о такой роскоши, как рис. То, что рис можно не любить и предпочитать ему жареную картошку, кореец понять просто не в состоянии.

И, наконец, запомните: угощать корейца русскими блюдами в надежде его поразить — дело безнадежное. Не тратьте зря пороку и не переводите продукты. Корейцам, которые красный перец начинают есть с пеленок, любая пища без добавления этой специи кажется безвкусной. Наши борщи и блины, пельмени и кулебяки — все для них «жирно» и «пресно». Такие русские деликатесы, как икра или балык, также оставляют их равнодушными. Сало вызывает брезгливость: есть сырой жир свиньи! Да как это можно? Конечно, вслух вам этого не скажут. Но если вы напоролитесь на собеседника не слишком деликатного, можете заметить ему между прочим, что в России такое же отвращение внушает людям сырая рыба или жареные личинки тутового шелкопряда, которых едят в Корее. Думаю, впрочем, что до подобных разборок дело не дойдет. Каждый останется при своем мнении и будет есть свое — кто сало, кто личинки.

В утешение украинцев могу добавить, что запахи самых изысканных сыров также вызывают у корейцев приступы тошноты.

Мой знакомый кореец, который пять лет жил во Франции, не без гордости говорил, что «преододел себя и научился есть сыр».

Собачий вопрос

Говоря о еде, не могу избежать одной темы, которая обычно волнует западных иностранцев и смущает корейцев. Это — употребление собачины в корейской кулинарии.

То, что корейцы традиционно ели собак, никогда и никого не смущало. Ну да, ели. Как на Западе едят коров и свиней, не особо заглядывая во внутренний мир этих животных. В конце концов, чем та же свинья хуже собаки? Умное, интеллигентное, между прочим, животное. Сколько невидимых миру трагедий разыгрывалось испокон веку в российской деревне, когда деревенский ребенок вдруг полюбит веселого смышленного поросенка, играет с ним, как с другом, а потом лишенные сантиментов родители делают из его друга колбасу. Точно так же корейцы ели собак.

На бедной земле, с ее вечным недостатком пастбищ для крупного скота, собака была истинным спасением для корейского крестьянина: растет быстро, плодится часто и помногу, чего еще?

И если говядину кореец ел от силы пару раз в жизни (вол был ценной тягловой силой), то свинина и собачина были гораздо более доступны.

Собачина считалась и ценным стимулятором половой функции, что вполне понятно — на фоне преимущественно зернового и растительного рациона она была одним из редких источников белка. Вот почему собачье мясо не рекомендовалось употреблять мужчине во время путешествий — чтобы вдали от жены и наложниц не натворил всяких глупостей.

Никогда не приходило в голову корейцам, что этой кулинарной традиции можно стесняться. Но — на корейскую землю пришла глобализация, и некоторые национальные традиции предстали перед корейцами совсем в ином свете. Всем в Корее стали известны слова Брижит Бардо, ныне неистовой защитницы животных:

«Нация, которая ест собак, — это нация дикарей!» Несмотря на всю глупость, уость, бестактность этого высказывания, оно задело корейцев за живое. Старой традиции стали стесняться настолько, что во время Олимпиады в Сеуле все ресторанчики с собачьим мясом были закрыты. Потом они открылись, но под весьма туманными названиями (правда, кто захочет — поймет). Молодые корейцы в разговорах с иностранцами ни за что не признаются в том, что их нация ест собак — не хотят прослыть «дикарями».

Стыдливому отношению к старой традиции способствовало и появление нового для Кореи института домашних питомцев — маленьких собачек. Эта немислимая в прежние времена роскошь становится все более модной индустрией в богатеющей Корее. Для собачек изготавливают бантики, колокольчики и искусственные косточки, им красят челки, одевают в попонки. Для собачек устраивают конкурсы красоты и выставки экстерьера. О «национальных породах собак» стали издаваться книжки, авторы которых ничтоже сумняшеся утверждают, что корейские собаки, оказывается, всегда исполняли исключительно сторожевую и декоративную функцию на корейском подворье. Домашние собачки стали в Корее символом цивилизованности. Сама мысль о том, что вот такое симпатичное существо можно съесть, молодому и очень сытому поколению корейцев, воспитанных на западных фильмах вроде «Бетховен», кажется кошунственной.

Но — Богу богово, а кесарю кесарево. Существует в Корее особая порода собак, фотографии которых не публикуют на обложке журнала «Корея». Этим везет гораздо

меньше. Их, в отличие от домашних питомцев, едят. По-прежнему считается, что их мясо стимулирует половую функцию. Это качество корейцы приписывают, кажется, всем национальным продуктам. Правда, мои знакомые русские мужчины, пробовавшие собачину, утверждают буквально все в один голос, что никаких изменений в себе не заметили. Но если корейцам так легче — пусть верят. Вера — великая сила. Это вам любой Кашпировский скажет.

Проблема заключается, однако, в том, что с приходом на корейскую землю западных этических норм собачьи рестораны и рынки собачины оказались как бы на полулегальном положении. Считается, что ресторанов этих как бы нет, а посему никакого гигиенического контроля за этой сферой со стороны государства не ведется. Уже были зарегистрированы случаи заболевания посетителей ресторанов, где подается собачина. Причина — отравление недоброкачественными продуктами.

В корейском парламенте на повестку дня неоднократно выносился вопрос: что же делать с любителями собачьего мяса?

Казалось бы, самое разумное — легализовать старую традицию, отделив домашних питомцев от мясных собак. Это и предлагали некоторые умеренные члены парламента. Однако им противостоят более молодые депутаты прозападной ориентации, в частности от партии зеленых, которые эмоционально утверждают, что есть собак — лучших друзей человека! — моральное преступление, ни больше ни меньше. Судя по молодому и здоровому напору, с которым проводятся эти выступления, питаются гуманисты хорошо и белок в их рационе наверняка присутствует — свиной или говяжий.

Что бы ни говорили сейчас молодые корейцы, очеловечивание собак, которое свойственно испокон веков западной культуре, для традиционной корейской культуры чуждо. И никакого преступления в этом я лично не вижу, хотя сама являюсь страстной любительницей собак и собачину по этой причине есть, конечно, не стану. Мне кажется, чтобы с полным правом осуждать корейцев за поедание собак, надо быть строгим вегетарианцем. Для мясоедов же это вопрос не этики, а традиции. Ведь не испытывает же Запад комплекса неполноценности перед индуистами, для которых бифштекс — это тоже попрание всего святого. Наоборот, во время визита Путина в Индию местное правительство стыдливо прятало от белого человека своих священных коров. Вот он, евроцентризм в действии...

Что же касается перспективы поедания собак в Корее, то очень может быть, что следующему поколению корейцев сама мысль о том, что собаку можно съесть, покажется дикой. К этому, кажется, идет дело. На данном же этапе с этой национальной традицией приходится считаться даже самым решительным реформаторам.

Интересно, кстати говоря, отношение сахалинских корейцев к собачине. Они тоже свято верят в ее ценность и используют как средство для восстановления сил после болезни. Однако, как рассказывали мне, едят они собаку не со своего двора, а с соседского (а соседи, наоборот, их собаку). Считается (думаю, не без русского влияния), что есть свою собаку нельзя, в собаке заключен дух дома.

Поделись конфетой своей...

Еда, бесконечная еда и разговоры о еде. Полки книжных магазинов, заполненных книгами кулинарных рецептов и изданными чуть ли не на гербовой бумаге списками ресторанов страны.

Включаешь телевизор, и по какому-нибудь из каналов кто-нибудь обязательно ест. Сплошной культ еды, повсеместная жратва, вездесущее потребление, никакой духовности... Так может охарактеризовать Корею впопыхах русский критик. И ошибется.

Потому что культ еды здесь есть, а вот культура эгоистического потребления нет. От последнего есть сильное противоядие — духовная крестьянская, по сути дела, общинная культура, которая сохранилась и сохраняется усилиями всех воспитательных учреждений Кореи. Ее основной постулат — поделись. Поделись едой с голодным. Раздели трапезу с другом. Угости сладостями соседского ребенка.

Этот принцип действует в Корее безоговорочно и повсеместно. Как-то мне пришлось долго ждать автобуса на остановке, где кроме меня мерзло еще несколько человек. Рядом, под навесом, продавались горячие пирожки с бобовой пастой. Один из моих товарищей по несчастью, пожилой кореец, вдруг подошел к ларьку, купил пакет с десятью пирожками и... раздал нам всем по штуке, не забыв, конечно, и себя. Его поступок не вызвал у людей никакого удивления — дескать, чудит дед. Нет, все спокойно поблагодарили и начали есть.

Молодые люди в Корее воспитаны в той же традиции. В университете на перемене между лекциями студенты обычно забегают в буфет — за печеньем, конфетами. И никто никогда не ест принесенное в аудиторию один, обязательно поделится если не со всеми, то уж обязательно с сидящими рядом. Есть в одиночку нельзя, это некрасиво, это стыдно. Когда кореец говорит: «Он ест потихоньку, украдкой от всех», — то это в его устах звучит как характеристика плохо воспитанного, малокультурного, потенциально не порядочного человека.

...Сажусь в междугородний автобус. Мое место — рядом с ветхой, почти черной от солнца корейской бабушкой-крестьянкой.

Она собирается есть вареную кукурузу, но, увидев меня, разламывает початок и протягивает мне половину: «На! Ешь!»

Было что-то необыкновенно трогательное в этой бабушке с кукурузой, в ее жесте, исполненном бесхитростной доброты. В этой старой, как мир, традиции человеческого общежития. Сейчас в западных странах эта традиция быстро исчезает. Те же студенты в аудиториях австралийского университета достают свои гамбургеры у всех на глазах и жуют в одиночку, даже не подумав, что кто-то рядом может быть голоден. Каждый сам отвечает за свой желудок. В интернациональном детском садике в Сеуле, куда ходила моя дочка, воспитательница-американка внушала детям перед завтраком: «Все, что принесли с собою, вы должны съесть сами. Не делитесь пищей с соседями!» Дело в том, что среди ее воспитанников было много корейских детишек и делиться пищей для них было естественно — так они привыкли в семьях. То и дело в коробочке из-под завтрака у дочери я обнаруживала то «не нашу» колбасу, то чужие рисовые печенья. Откуда? «Это меня Лайза Ким (Джеймс Пак, Стефани Чон и т. д.) угостила», — следовал обычно ответ.

Наверное, по-своему воспитательница была права. Каждый должен есть свое. А то наестся ребенок соседского шоколада и ходит потом с диатезом. Да и вообще — зачем делиться? Голодных нет, в экономически развитой стране каждый может купить себе практически любую еду. Но... Что-то все-таки есть в этом рассуждении глубоко

неверное, извращенное. Приучая человека есть в одиночку, «под подушкой» — не рубим ли мы сук, на котором сидим? Традиция делиться пищей хранила род людской в самых тяжелых испытаниях. Она отличала нас от диких зверей, она сделала нас людьми. Эта традиция кровно связана со всем добрым, что есть в человеческой душе, — милосердием, состраданием к слабому, вниманием к ближнему.

Будут ли способны на эти чувства дети из австралийской школы, в которую ходит дочка сейчас? Дети, которые, в отличие от своих корейских сверстников, едят исключительно каждый свое.

Глава вторая

Бей Конфуция, или перестройка по-корейски

Первое, что узнает о Корее белый иностранец, — это то, что здесь едят кимчхи. А второе — что страна это конфуцианская.

Собственно, это-то и есть основной «культурный шок». Если с кимчхи иностранец еще может как-то примириться, то второе открытие ему приходится, как правило, куда меньше по вкусу.

Даже по отзывам исконно конфуцианских соседей, Корея на сегодняшний день является самой ортодоксальной конфуцианской страной на Дальнем Востоке, оставившей далеко позади своего учителя — Китай. Следствия конфуцианской идеологии в Корее бросаются в глаза сразу: и замкнутость корейца в рамках семьи, и неравноправие женщин, и беспрекословное подчинение любого младшего любому старшему, и превалирование долга перед свободным выбором во всех аспектах жизни, и прочее, прочее.

Эти явления не могут не вызвать внутренний протест у человека, выросшего в обществе, где в качестве моральных идеалов, пусть и не всегда реализованных, ему внушались принципы «свободы, равенства и братства». Умом мы понимаем, конечно, что все народы живут по-разному и каждый имеет право на свою культуру и свои заблуждения. Но все равно не можем сдержать насмешек по поводу корейских семейных порядков, где добродетельная супруга снимает мужу носки, уступает ему место в метро, выхватывает из рук тяжелые сумки, а супруг — не инвалид, а вполне здоровый мужик — воспринимает эти пляски вокруг своей персоны как нечто само собой разумеющееся. Не может не злить безумно сложная иерархия на корейской фирме, где простейшего вопроса не решить напрямую — нужны сложнейшие извивы и изгибы тела перед всеми возможными авторитетами. Трудно не ухмыльнуться, глядя, как меняется на глазах, разговаривая с начальником по телефону, корейский приятель — нормальный еще минуту назад, он вдруг начинает что-то нечленораздельно бормотать, ерошит, как подросток, волосы, вытягивается в струнку, хотя все его примитивно-подхалимские штучки с того конца провода не видны...

Мне хорошо знакомы эти приметы корейской жизни — так же, как и чувства, которые они вызывают у иностранцев. Правда, для меня все это не было таким откровением, как для других гостей Кореи, — я все-таки изучала эту страну много лет, прежде чем в

нее приехать. Знала я и о китайском морально-этическом учении конфуцианства, которое проникло в Корею примерно в середине I тысячелетия до н.э. и получило там официальный лидирующий статус лет 600 назад. Это учение рассматривает общество как семью со строгой иерархией и беспрекословным подчинением «отцу», то есть старшему по возрасту мужчине, с жестким понятием долга, установленными ритуалами и рамками поведения, за пределы которых выходить нельзя. Я не отношу себя к последователям этого учения, однако гораздо больше личных чувств к конфуцианству меня всегда интересовало отношение к нему современных корейцев.

Итак, в экономически развитой и вполне модернизированной Корее конфуцианство до сих пор в силе. В корейских школах дети по сей день проходят «самган орюн» (три принципа и пять отношений) и прочие конфуцианские постулаты. Правда, конфуцианцем никто из молодых сейчас себя не назовет, и в разговорах с иностранцами корейцы с готовностью признают все недостатки традиционной морали. Само слово «конфуцианский» в устах корейского студента звучит часто как «домостроевский», «кондовый» («профессор у нас очень конфуцианский», «он к женщинам относится по-конфуциански»). Однако те же студенты, называющие самодура-преподавателя «конфуцианским профессором», вовсе не ставят под сомнение свою обязанность носить за ним зонтики и книги, кланяться и почтительно выслушивать любой бред из его уст, то есть действовать в строгом соответствии с конфуцианскими правилами. Многие американцы подобную двойственность корейского поведения относят на счет заботы или недостатка образованности. На мой же взгляд, дело тут в другом. В этой двойственности как нельзя лучше проявляется корейский характер: при внешней уступчивости для корейца характерно фантастическое упрямство, стремление тихой сапой сделать все по-своему. В данном случае — по-своему жить. Это корейцам как-то удается, и я за них не могу не порадоваться. Надо же умудриться: несмотря на всю глобализацию, на Интернет, на контингент чужих войск на территории — ни одного радикала, ни одного перестройщика...

Но не так давно мне стало ясно, что этого добра хватает и в Корее.

Как-то в магазине я увидела книгу профессора Ким Ген Иля «Конфуций должен умереть, чтобы страна жила» {12 Ким Ген Иль. Кончжага чугоя нарага санда. Изд-во «Пада чхульпханса», 1999}.

Заинтригованная решительным названием, я немедленно купила ее. И не пожалела.

Оказалось, что я приобрела бестселлер — 30 тысяч экземпляров «Конфуция» были распроданы за первые 10 дней после выхода в свет. Англоязычная газета «Корея геральд» {13 «Корея геральд» — англоязычная газета, выходящая в Сеуле} назвала эту книгу «глотком свежего воздуха для тех, кто устал от устаревшей социальной доктрины». После такой выразительной рекламы я тут же углубилась в чтение «социальной бомбы», автор которой, корейский специалист по классической китайской литературе, профессор университета Санмен, на протяжении 320 страниц эмоционально доказывает, что все беды современного корейского общества, являются, оказывается, результатом проникновения конфуцианства на корейскую землю. «Кризис МВФ» {14 Экономический кризис 1998 года}, японская колонизация {15 В 1910—1945 годах Корея была официально аннексирована Японией}, отсутствие творческой инициативы молодежи, порабощение женщин, сословность, патриархальные пути — все принесло на корейскую землю оно, ненавистное.

Звучало это, по корейским меркам, весьма революционно. Понятно, почему хвалила книгу англоязычная газета. Идеи корейского автора фактически повторяли все

претензии к этой стране приезжих преподавателей английского, сердитых на Корею за то, что она — не 51-й американский штат. Было очевидно, что эти люди, основные читатели англоязычной «Корея геральд», примут книгу радикального профессора «на ура» и с удовольствием помогут своим ученикам отряхнуть прах старого учения с корейской земли. Но мне почему-то присоединяться к ним не хотелось. Я-то приехала из страны, где прах с ног отряхивали не однажды, и каждый раз — с самыми печальными последствиями.

Бей Конфуция, спасай Корею?

Сомнения в правоте автора начали закрадываться у меня с первых страниц. Подозрительно большим показался список грехов, взваливаемых на беднягу Конфуция, умершего аж в 479 году до нашей эры. На память приходил перестроечный стишок о человеке, который со страшной головной болью просыпается наутро после попойки и, с отвращением обзревая свою загаженную комнату, прочувствованно изрекает: «До чего же довели коммунисты-суки!» Рецепт вечного счастья, предлагаемый уважаемым Ким Ген Илем, так же чарующе прост: убей Конфуция (коммунистов, евреев, негров — список можно продолжить) — и будет тебе и экономика процветающей, и комната чистой, и вообще небо в алмазах. А ведь очевидно, что не сам Конфуций пришел на эту землю и поработил ее — корейская земля приняла его, потому что его учение лучше, органичнее других подходило к народной психологии и условиям страны.

«Мы были когда-то ясными и чистыми людьми, людьми, полными уверенности в себе, а превратились в затоптанных «корейцев-конфуцианцев» с промытыми мозгами», «мы отстали от мира на 100 лет» ... — читаю я откровения г-на Кима. Интересно, а откуда уважаемый профессор взял столь точные сведения о моральном облике людей, которые жили на корейской земле до торжества на ней конфуцианства, то есть по меньшей мере 600 лет назад?

И неужели современные корейцы (безусловно, люди конфуцианского мышления), которые за 30 лет вырвали свою страну из тяжелой нищеты и вышли на мировой уровень технологии и науки, — это лишь «затоптанные» люди с «промытыми мозгами»?

Если звезды зажигаются...

В чем же так «отстали от мира» соотечественники мистера Кима?

Отсутствие личной свободы и демократии — вот что ставит профессор Конфуцию в вину в первую очередь. Конфуцианское понятие долга в основном связывает корейца с окружающим миром — долг перед семьей, родителями, долг перед фирмой, долг перед страной... И нет в этом пожизненном долговом обязательстве места свободному творческому полету, сплошное «насилие над личностью» ...

Все почти верно, но... ведь и окружающая жизнь не оставляет корейцу особого места для полета, она сама — одно большое насилие. Бедная земля досталась корейцам, да и той мало. Выжить на ней можно только за счет нескончаемой работы. Работать же беззаветно и неустанно можно только при условии жесткой внутренней дисциплины и осознании долга — что и предлагает корейцу конфуцианство. Этой же цели выживания служит и строгая конфуцианская субординация, уважение к установленному порядку и, что скрывать, подавление требований отдельно взятой личности — не будь этого принципа, передрались бы, наверное, люди на этой маленькой земле насмерть. Это

ведь не Россия, не Америка — уйти корейцу в случае конфликта некуда. Поэтому выход предлагается самый простой — не конфликтовать, не рыпаться и не выпендриваться, а работать для своих детей, для родителей, на благо рода и страны. Выживать. И пока выживание остается для нации актуальной задачей — будет жить и Конфуций, никаким самым привлекательным западным учениям его не заменить.

Я вовсе не хочу идеализировать конфуцианство — как у любой общенациональной идеологии, у него есть свои издержки. Сама «широкоформатность» тому залогом — не может идеально подходить одно учение всем до одного. Как демократия родила не только несомненные достоинства Америки, но и армию бездельников, сидящих на разнообразных пособиях, так и конфуцианство, сдерживая свободу личности, не могло не породить связанные с этим проблемы. И тем не менее в целом работу этого учения в Корее нельзя не признать эффективной. В список современных заслуг конфуцианства можно внести и «чудо на Хангане» {16 Ханган — река, протекающая через центр Сеула. Так официально называется экономический прорыв Южной Кореи, начавшийся в 1960-х годах}, и сбор золота населением в период «кризиса МВФ», что позволило покрыть 30% валютных долгов государства, и низкий уровень преступности в корейских городах. Да вот хороший пример. В 1999 году государство бросило клич — не бездельничать во время чхусока, праздника осеннего урожая, а ударно поработать. Чхусок — праздник давний, в народе любимый, как у нас Новый год. Призывы работать во время этого праздника выглядели, с точки зрения западного человека, почти кошунственными. В Корее, где отпуск у человека составляет всего пять дней в году, отнимать и эти несколько осенних дней — законных выходных? Окажись трудящиеся в подобной ситуации где-нибудь в Латинской Америке, они бы наверняка начали демонстрации протеста против такой сверхэксплуатации и путем несомненно демократической борьбы обеспечили бы себе священное право на отдых. И... остались бы при той же нищете. А в Корее люди вышли на рабочие места без лишних рассуждений: надо — значит, надо. И были открыты магазины и рестораны, трудились рабочие на заводах. Своей безропотной работой они не только обогащали своих хозяев, как могло бы показаться, — но и наращивали ВВП Республики Корея, зарабатывали деньги для своих семей. И это единственно правильный выбор в стране, где нет молочных речек с кисельными берегами. Долг и дисциплина — на этих конфуцианских китах успешно держится преуспевание корейской нации.

Возможно, профессору милее был бы другой образ своего народа: корейцев, свободных как птицы, как ковбои в прериях. Но забывает он о том, что нет в Корее прерий и не сформировались здесь исторически вольные ковбои. А искусственно лепить их из лояльного коллективистского народа сейчас — это не только смешно, но и опасно. У «ковбоев» ведь свои проблемы, решать которые Корея не приучена: в корейских школах, например, дети с автоматами не бегают, друг дружку не расстреливают, как это происходит в самой свободной стране мира...

Зачем же стулья ломать?

Со своими же проблемами Корея не без успеха разбирается.

Конфуцианство, каким бы нетерпимым ни казалось оно западному человеку, учение вполне гибкое и умеет приспособливаться к переменам — иначе не смогло бы просуществовать более двух с половиной тысяч лет (просуществовать ли столько демократия американского образца, еще вопрос). У нас на глазах многие устаревшие правила конфуцианства отмирают, заменяются новыми под воздействием естественного течения событий. Свободнее становятся женщины в Корее, и

освобождает их не истерическая феминистская революция, а рост технического прогресса, изобилие домашних машин и общественных услуг, которые делают ненужным затворничество женщины в доме. Увереннее становятся позиции молодых на фирмах и предприятиях, и это опять же не следствие чьего-то бунтарства, а естественный результат экономического развития: для эффективной работы сейчас требуются свежайшие знания, которых нет у стариков, но которыми обладают вчерашние студенты. Так что старая мораль естественно приспосабливается к дню сегодняшнему. Дайте срок — и уйдут из корейской действительности жены, снимающие со своих повелителей носки, и будут в Корее 30—40-летние руководители концернов. Жизнь сама все расставит на места. «Убивая» же Конфуция волевым решением, можно добиться вещей непредсказуемых и неконтролируемых. Ведь конфуцианство за долгие века крепко срослось с Кореей, и вырвать его можно только «с мясом», то есть разрушив те разумные, гуманные моральные основы, которые оно заложило когда-то в корейский менталитет.

Хотя именно этого, похоже, и добивается автор книги. Моральные основы корейского общества, построенные на долге перед окружающими, а не на свободном полете чувства, его тоже не устраивают. Грязь он умудряется найти даже в таких бесспорных вещах, как конфуцианский принцип «сыновней почтительности» и долг ухаживать за родителями в старости. Держать в молодой семье старика — это ведь сплошное нарушение свободы личности, это так обременительно, несвоевременно, нецивилизованно...

Как раз накануне того самого чхусока мне довелось посмотреть по телевидению мудрый и трогательный фильм «Обещание», который лучше, чем любые логические доводы, опровергает Ким Ген Иля. Сюжет фильма прост. У старого деревенского учителя умерла жена, и он, не в силах оставаться один в опустевшем гнезде, переезжает в Сеул к старшему сыну. Но в богатом столичном доме старик приходится не ко двору. И курит-то он в комнате, и дружбу свел с каким-то сапожником во дворе, и музыку буддистскую слушает, действуя на нервы строгой католичке невестке, и от тостов с апельсиновым соком на завтрак нос воротит, и образованным внукам за провинность (обижали слабого) подзатыльников в сердцах надавал... В общем, не «догоняет» дед современной жизни, и продвинутые дети начинают вежливенько, но верно перекрывать старику кислород. Отец в доме сына становится полностью одиноким. Единственный его собеседник — фотография умершей любимой жены. С ее портретом старик разговаривает по утрам, ему, волнуясь, рассказывает о семейных новостях, с ним же советуется и горячо спорит... Так и не найдя себе добрую, понимающую душу среди живых детей и внуков, отец тихо уезжает обратно в деревню, поближе к могиле жены, оставив детям записку — не взыщите, мол, я всех вас люблю, только я человек деревенский, Сеулу не подхожу.

Во всем правы вроде бы дети в этой истории: нельзя в комнате курить, и апельсиновый сок — вполне нормальный напиток, не хуже рисового отвара, и подзатыльники — не самый лучший педагогический прием... Но почему образованные сын с невесткой оставляют у зрителя впечатление сволочей, которым нет прощения? Да потому что эти дети убили Конфуция. Сочли устаревшим священный долг ухаживать за отцом, не пожелали по-человечески приспособиться, прислушаться и понять родного человека. И их просвещенная свобода обернулась самой дикой, первобытной черствостью по отношению к старику, которому нужны были их любовь и поддержка.

...Не только безграничная свобода рождает добро в человеческой жизни. Рождает его и долг, причем, возможно, гораздо чаще. Ведь не свободное парение чувств, а долг заставляет нас вставать ночью к плачущему ребенку, менять судно парализованному

деду, держать в доме одряхлевшую собаку. Тяжелы подчас эти обязанности, и свободу нашу они безусловно ограничивают. Но откажись мы от них — разве можем называться тогда нормальными людьми? И разве может одно лишь качественное медицинское обслуживание, которое предлагает профессор в качестве альтернативы «сыновней почительности», заменить теплоту родных рук и глаз? Улучшать медицину надо, никто не спорит, но зачем же, как говорится, стулья ломать? Зачем разрушать то, что прекрасно работало тысячелетиями?

Прораб корейской перестройки

В одной из глав Ким Ген Иль с пафосом пишет: «Наши подростки — это культурные сироты. Они живут в нашей стране, но открыто говорят: «Я не люблю Корею». Они становятся западными детьми». А разве не этого он добивается своей книгой, пестрящей ссылками «а вот на Тайване...», «а в Японии считают...», «а в Америке говорят...» и при этом размазывающей свой «испорченный Конфуцием» народ по стенке. Даже корейская пицца у Ким Ген Иля оказывается пропитанной «духом авторитаризма и отсутствием индивидуальности». Ее, видите ли, готовит хозяйка, решая за всю семью, что есть. То ли дело западный стейк, в который каждый член семьи, будучи яркой индивидуальностью, добавляет соус по вкусу...

Верно говорит корейская пословица: «У немилой снохи даже пятки похожи на куриные яйца». Не мила профессору своя родина, как не мила она всем в мире перестройщикам. Потому и разрушать ее ему не жалко.

Ким Ген Иль — явление не новое и, главное, далеко не оригинальное. Еще Бунин писал в 1891 году:

*...Они глумятся над тобою,
Они, о, родина, корят,
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...
Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей...
Глядит с улыбкой состраданья
На ту, что сотни верст брела,
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла...*

...Книга Ким Ген Иля в Корее встретила не одни восторженные отклики. Не избежала она и критики. Но, к сожалению, большинство критиков, с трудами которых мне довелось ознакомиться, были из лагеря хотя и противоположного, но ничуть не менее опасного. Националисты, этноцентристы, ультрапатриоты — персонажи, хорошо известные нам по российской действительности.

К счастью, патриоты в Корее бывают не только с приставкой «национал». Все больше становится людей, которые любовь к своей стране соединяют с хорошим образованием, уважением к чужой культуре и широтой взглядов на мир. О различных сторонах корейского патриотизма — в следующей главе.

Глава третья

Миражи в центре Сеула, или парадоксы корейского патриотизма

Все лето 1999 года составу нашей редакции пришлось провести в Сеуле. Мы изнывали от жары перед компьютерами в офисе и литрами пили холодный чай. Время от времени подходили к окну и поглядывали вниз. Там, в каменном мешке Чанханпхлна {17 Один из районов Сеула. Редакция «Сеульского вестника» расположена прямо напротив рынка подержанными автомобилями — железо, пыль... Б-р-р.}, роились тучи машин, а вдали дымились в душном мареве горы, явно не желая добавлять нам оптимизма. И только одна картинка радовала взор. Внизу, в фонтане на пересечении дорог, плескались корейские мальчишки. Когда в одежде, а когда и просто голышом, худенькие смуглые чертенята брызгались, толкались, орали от восторга, и даже с 7-го этажа было видно, как им весело. Купание в фонтанах — это обычное развлечение городских детей в Корее, которые на лето не выезжают, как их российские сверстники, на дачу или в детский лагерь, а остаются в городе. Но, в отличие от измученных жарой взрослых, дети не унывают. Они и в душном Сеуле умудряются создавать себе островки свободы и радости, и смотреть на веселых купальщиков нельзя без улыбки.

Особенно летом.

Мальчишки в фонтане заряжали нас положительными эмоциями все лето. Каково же было наше удивление, когда мы неожиданно узнали, что любовались... миражами, призраками! Не купаются, оказывается, корейские дети в фонтанах, да еще без штанов. Слишком для этого изысканны и воспитаны. Не то что их сверстники — «маленькие дикари» из Узбекистана. Именно в этом старалась убедить нас некая Квак Юн Ди, волонтер Корейского агентства по международному сотрудничеству КОЙКА, работающая в Узбекистане, в своем интервью газете «Коре ильбо»¹⁸ за 16 июля 1999 года. «Коре ильбо» — газета бывших «советских» корейцев, издается на русском языке. На вопрос корреспондентки Алевтины

Им: «Что вас удивило в Узбекистане больше всего?» — Квак Юн Ди сказала буквально следующее: «Я очень удивилась, увидев совершенно раздетых детей, плещущихся в фонтане! У нас в Корее это невозможно, у нас дети плавают только в бассейнах и одетыми в купальники».

Однако нам было тоже невозможно не верить собственным глазам — с ума, как известно, сходят поодиночке, а не всей редакцией сразу. И еще менее возможно было поверить, что коренная жительница Кореи никогда за всю жизнь не видела на родине

купающихся в фонтанах детей. Соврала корейская волонтерка. И ведь как интересно это сделала. Умудрилась не упомянуть ни одной достопримечательности Узбекистана, не сказала ни о красочных нарядах женщин, ни о роскошных горных пейзажах, ни о плове с шашлыками. А вместо этого как бы ненароком «лягнула» чужой народ, противопоставив «темному» Узбекистану с «совершенно раздетыми» детьми (ах, моншер, какой моветон!) чинный образ приличной, благовоспитанной Кореи («а ля Швейцария»). Для человека, который видел Корею хотя бы мельком, этот образ смешон своим полным расхождением с реальностью, ибо при всем желании чинной Корею никак не назовешь.

Да и откуда вдруг взяться чинности и условностям в стране, еще вчера крестьянской, простой? Купание детей в фонтанах — это еще цветочки. Куда больше впечатляют западных иностранцев другие не очень пуританские обычаи Кореи. Например, привычка корейских мам брать с собой в баню мальчиков-школьников или купать разнополых детей уже вполне сознательного возраста в одном тазу голышом. Или обычай корейских взрослых дергать мальчиков за «перчик» в знак симпатии (примерно, как по головке погладить). Или манера корейских ребятишек хватать в игре друг друга за «эту самую» часть тела. (Говорят, что именно от этой распространенной детской игры и пошло не очень приличное, но употребляемое корейское выражение «пураль чхингу». Его примерно можно перевести как «друзья по пиписькам», то есть друзья с раннего детства.)

Обычаи для нас странноватые, прямо скажем, господин Фрейд их вряд ли бы благословил. Однако, несмотря на все эти «перчики», корейцев никак не назовешь разнузданным, развратным и даже просто гиперсексуальным народом. Скорей наоборот. На мой взгляд, в корейских мужчинах, даже в самых зрелых, гораздо больше юношеского романтизма, милой мальчишеской робости, чем в «приличных» европейцах. Видимо, не все в психологии так однозначно, как это порой кажется.

Я не говорю, что старые обычаи надо холить и лелеять, — я говорю о том, что нечего особо комплексовать по поводу существования подобных традиций. Ну, купаются корейские дети в фонтанах без штанов. А в Австралии мамы проводят в женскую раздевалку бассейна пяти-шестилетних мальчиков. А в Финляндии во многих общественных саунах мужчины и женщины моются вместе. А в болгарских деревнях братья с сестрами частенько спят в одной постели вплоть до подросткового возраста. Все страны с сильными деревенскими корнями к этим вопросам подходят достаточно просто. И во всех происходит постепенное, естественное вытеснение этих старых обычаев новыми, городскими нормами приличия. Однако в Корее стараются как-то идеологически закамуфлировать все то, что не вписывается в господствующие ныне в «цивилизованном мире» нормы поведения.

Тактика, до боли знакомая нам по советским временам, — настойчивые попытки всячески отбелить, стерилизовать, причесать и разукрасить живую реальность страны в глазах иностранцев, нарисовать «правильный» образ Кореи, совершенно не заботясь о правдоподобии картинки. Сам образ при этом отнюдь не постоянен. Постоянны лишь художественные приемы — грубые натяжки, а подчас и прямое вранье.

В Корее секса нет?

Или нет ничего, кроме секса?

В 1996 году на занятиях в Сеульском университете нас, иностранцев, попросили поделиться своими впечатлениями о корейской культуре. Я стала рассказывать о том, как прочла много лет назад «Верную Чхунхян» в русском переводе, как поразил меня красивый язык, необычные образы произведения. Преподавательница удовлетворенно кивала головой до тех пор, пока я мимоходом не обмолвилась как о художественном достоинстве повести об изысканных описаниях любовных сцен. «Нет, нет! — оборвала она меня чуть ли не в панике. — В повествовании о Чхунхян нет никаких любовных сцен! Там говорится о чистой, целомудренной любви!» Я предположила, что, может быть, просто читали мы разные варианты повествования, ведь тема Чхунхян — это «бродячий сюжет» корейского искусства и существует повесть в разных пересказах. Но корейская преподавательница стояла на своем, доказывая, что любовных сцен не могло быть в принципе. Что классическое корейское искусство, в отличие от западного и японского, возвышенно и до низменных тем не опускалось никогда, а то, что я читала, — это, видимо, злостное извращение шедевра корейской литературы западным переводчиком.

В то, что А. Троцевич, известная советская переводчица и востоковед, сама от себя добавила эротические мотивы в «Верную Чхунхян», поверить было трудно. Да и сама идея неземной чистоты корейского искусства на протяжении веков как-то не убеждала. Нет ведь на земле ни одного народа, в искусстве которого с той или иной степенью откровенности не отражалась бы такая важная часть человеческой жизни, как эротика, секс.

Почему корейцы должны вдруг стать исключением? Да, образцов старого искусства подобного направления было не особенно много, и действительно, японцы корейцев в этом отношении сильно перещегооляли — их эротическая живопись, к примеру, отличается куда большей откровенностью. Но все-таки и в Корее «секс был». Был некогда в стране и весьма вольный жанр «пхэсоль» в литературе, и «чхунхва» («весенние картинки») в живописи. Да и корейские художники-классики, вроде Танвона Ким Хон До или Хевона Син Юн Бока, рисовали порой такие смелые произведения, что какому-нибудь Тито Брассу до них далеко. (Не зря Син Юн Бока в свое время попросили из официальной Академии.) Можно ли назвать эти творения высокохудожественными, вопрос другой. Главное, что они были, точно так же, как на Западе и в Японии, и преподавательница не могла не знать об этом.

В «Чхунхян» эротические мотивы были совершенно явными и недвусмысленными. Это я могу теперь подтвердить под присягой, потому что не так давно делала подстрочный перевод повести для нового издания. Однако стыдиться за «Чхунхян» нечего. Эротика там настолько возвышенная, гармоничная, лирическая, что только она одна ставит «Чхунхян» в ранг лучших произведений всей мировой литературы.

...Сейчас флюгер мифологов относительно роли секса в корейской традиции, похоже, меняет свое направление. Все чаще тебя пытаются убедить в прямо противоположном: пишут то о необыкновенном сексуальном «драйве» корейцев в древности (это на бедной-то земле, где рисовое поле надо было за лето только прополоть дважды, чтобы получить хоть какой-то урожай), то о сексуальном гигантизме корейских предков (это на рационе с постоянной нехваткой белков — основной пищей корейцев были зерно да квашеная капуста). За этой переориентацией видно немного детское стремление «задрать штаны» (а точнее, сняв оные) бежать за Западом. Но ладно бы просто сочинялись легенды о сексуальных доблестях дедушек. Гораздо хуже, когда в этом же контексте переосмысливается и старое корейское искусство.

Желание представить его в виде непрерывной «Кама сутры» было бы смешно, когда бы не было так грустно.

В 2000 году, через четыре года после нашего спора с преподавательницей — защитницей «традиционной морали», на корейские экраны вышел еще один фильм «Сказание о Чхунхян», который журналисты тут же окрестили «Чхунхян нового тысячелетия».

Особая новизна его состояла в том, что режиссер фильма Им Квон Тхэк, человек немолодой, заслуженный и уважаемый, снял исполнительницу роли Чхунхян, 16-летнюю школьницу (то есть, по-нашему, 15-летнюю, потому что корейцы прибавляют при исчислении возраста один год), в любовных сценах обнаженной.

Он жаловался журналистам, что во время съемок столкнулся с проблемой — подростки-исполнители, оказалось, не имели никакого сексуального опыта, даже на уровне поцелуев, не имели даже точных представлений о сексе, и во время любовных сцен ему приходилось учить их тому, что, собственно, надо делать.

Не знаю, как вас, уважаемый читатель, а меня от этих признаний передернуло. Как-то очень напомнило мне все это секс-ликбезовские эксперименты в особо продвинутых школах начала перестройки, когда маленьких девочек на уроках учили правильно надевать презерватив. Конечно, любовные сцены в фильме были, по западным меркам, более чем скромными. Но ведь надо знать, что такое корейский подросток — это младенец по сравнению со своими западными ровесниками.

В голливудской «Лолите» снималась гораздо более старшая и опытная девочка — и то съемки обставлялись строжайшими ограничениями. 18-летняя актриса там не только ни разу не появляется обнаженной: во время съемок сцены у Гумберта на коленях — и то она сидела на незаметной глазу зрителя подушечке. Конечно, фильм «Лолита» сильно уступает книге по накалу страстей. Но все равно американцы поступили правильно. Даже ради самого высокого искусства нельзя развращать реальных подростков.

Это хорошо почувствовала и корейская общественность — недаром «творческие искания» Им Квон Тхэка вызвали возмущение многих зрителей. Однако режиссер, как и моя преподавательница когда-то, сослался на... традиции. Он ничтоже сумняшеся заметил, что верность литературному источнику была им строго соблюдена: героям «Сказания» было по 16 лет, любовью они занимались активно и в любовные минуты, естественно, обнажались. Читайте нашу замечательную национальную классику внимательно, господа журналисты...

И снова о еде. Кулинар-националисты

Есть в Корее еще один миф. Весьма необычный и, пожалуй, самый распространенный и идеологизированный. Это — миф кулинарный. Миф не просто о необычайной полезности корейской кухни, а — поднимай выше! — о неоспоримом превосходстве ее над всеми кухнями мира. И в особенности — кимчхи, корейской квашеной капусты. Это не гипербола. Помню название сюжета в утренней программе сеульского телевидения SBS: «Мы должны доказать превосходство кимчхи всему миру». Вот так.

Просто и скромно. (Не буду домысливать, каким образом корреспондент SBS собирался накормить весь мир корейской капустой. Надеюсь только, что не так, как воспитательница в детском садике кормила меня манной кашей: «Не будешь есть — за шиворот вылью».)

Кулинарный миф родился в Корее недавно и, в общем-то, в качестве противодействия. Вроде черного расизма в Америке. Дело в том, что до недавнего времени корейцы стеснялись есть свою квашеную капусту и супчики из соевой пасты. Все это считалось пищей грубого простонародья. Классические корейские романы, обычно включающие в себя подробное описание пиров благородных героев, не упоминают ни кимчхи, ни соево-капустных супчиков. Точнее, упоминают тогда, когда хотят подчеркнуть простоту, незамысловатость трапезы кого-то из действующих лиц.

(Например, когда герой «Верной Чхунхян» королевский ревизор Ли Моннён приходит на пир под видом нищего, ему в знак презрения подают кимчхи из редьки, салат из проросших бобов да деревенскую бражку макколли — блюда, ныне весьма распространенные в Корее.) Запах у этой пищи весьма характерный и, прямо скажем, не способствующий социализации. А чего вы хотите, к примеру, от смеси чеснока, перца и слегка подтухшей рыбной приправы (чоткаля) — основных специй для заквашивания кимчхи? Японцы во время полувековой колонизации Кореи старательно внедряли в корейский народ комплекс неполноценности по поводу пахучей национальной кухни. Говорят, что корейцев японские полицейские сразу вычисляли по запаху кимчхи. Люди стеснялись, комплексовали, но все равно ели. Во-первых, потому, что выбирать было особенно не из чего. А во-вторых, нравилось. Нравится же итальянцам чеснок, арабам — лук, а туркам — горох. И ничего, едят и не комплексуют. Наши щи из квашеной капусты или салат из тертой редьки — думаете, намного благоуханнее для иностранного носа?

Где-то с 80-х годов ситуация изменилась. Корейцы экономически окрепли и почувствовали за собой право есть то, что нравится, не испытывая угрызений совести за недостаточную «цивилизованность». И абсолютно правильно почувствовали. Давно пора, и слава Богу. Но на этом, к сожалению, они не остановились.

Примерно в то же время идеологи страны стали старательно формировать новое отношение к национальной кухне. Из стыдливо-оборонительного оно превратилось в наступательно-агрессивное. Корейскую кухню объявили чуть ли не венцом творения и кладезем всех положительных начал. И естественно, не саму по себе, а в противовес всему остальному кулинарному опыту человечества. Работа в этом направлении продолжается и по сей день. «Война пиц — война культур» — так звучит название недавно изданной в Сеуле книги профессора истории Чу ЁН Ха.

Приобрела я эту неумолимую книжечку в 2001 году, когда была проездом в Сеуле. Люблю подобное чтение. В сонно-умиротворенной Австралии пригодится — стимулирует выброс адреналина.

Казалось бы, всё с этим профессором и ему подобными ясно.

Ан нет. Ясно не всем. Я с удивлением узнала, что некоторые россиянки в Корее оказались падкими на подобные рассказы. С безоговорочной детской внушаемостью наши хозяйки повторяют вслед за корейскими мифотворцами: «Корейская кухня такая здоровая — ни капли жира, ни грамма холестерина! А русская (западная) такая вредная: тяжелая, жирная...» Знакомая русская кореянка, прожившая в Корее три года и уезжавшая с хроническим гастритом (до Кореи у нее не болел желудок, хотя в России она жила в общежитии и питалась в студенческих столовых), тем не менее с пеной у рта доказывала мне полезность корейской кухни. Как в старой песне: «Поверила, поверила, и больше ничего».

Ну, что ж. Придется подискутировать.

То, что корейская кухня может понравиться, у меня сомнений не вызывает. То, что кто-то ее может без проблем переваривать, — верю. Но вот насчет якобы бесспорной и всеобъемлющей полезности... Мой личный, до встречи с кимчхи беспроблемный желудок решительно не соглашается с этим. И не только он один.

Давайте подумаем. «Ни капли жира» — и при этом неизменное море перца. Это же пытка для слизистой оболочки. Может быть, у кого-то она крепче моей, не спору. Но ведь недаром в Корее уже школьники пригоршнями заглатывают таблетки «для пищеварения», а фразу «сохва антвеё» («желудок болит», «проблема с пищеварением») слышишь здесь так же часто, как «здравствуйте». То, что от регулярного употребления большого количества красного перца — альфы и омеги корейской кулинарии — портится желудок, давно известно тем народам, кто имел с Кореей длительные исторические контакты: китайцам, японцам, вьетнамцам — они, в отличие от нас, на удочку этого мифа не попадают.

Вред красного перца известен и образованным корейцам. Те, кто читают здесь популярную медицинскую литературу, знают, что медики давно призывают корейцев к сокращению этого продукта в рационе. Ибо в стране растет процент смертности от рака желудка (как и в других «красноперченых» странах — в Мексике, например), хотя в целом на Западе этот процент уменьшается. Да и народная медицина Кореи не слишком жалуется эту специю. Красный перец там давно имеет репутацию продукта, «плохо действующего на голову» (возможно, здесь имеются в виду его возбуждающие свойства) и потому не рекомендуемого учащимся и абитуриентам. Некоторые народные медики именно красный перец винят в плохом зрении и глазных заболеваниях корейцев. Недавно авторитетная корейская газета «Мэиль синмун» написала еще об одном вредном действии избытка соли и перца в рационе — оказывается, такая пища вымывает из организма кальций, которым и так небогата традиционная корейская кулинария, и является причиной широкого распространения костных заболеваний в этой стране.

Никто не отрицает: есть в традициях корейской кулинарии вещи полезные — обилие овощей и разнообразие трав, быстрая термическая обработка продуктов и т. д. Но полезно в этой (как и в любой другой) кухне далеко не все — вот почему медицинские издания Кореи все чаще пишут о необходимости менять рацион в пользу более здорового. Однако мифологам никакая наука не указ. Даже популярную фразу «сохва антвеё» они умудряются истолковать в свою пользу. Нет, заявляют они, желудки у корейцев болят не от перца, а... от мяса и хлеба, от распространившихся ныне западных традиций питания. Вот если бы корейцы ели, как их предки, рис с кимчхи, то у них, также, как и у их могучих предков, было бы отличное здоровье (предки эти жили, для справки, в среднем 25—28 лет). Ведь корейская кухня — это самая здоровая кухня в мире! Ведь именно в кимчхи (корейской квашеной капусте) воплотилась гармония Вселенной, великие принципы инь и ян...

Вы в это верите, дорогие мои впечатлительные соотечественницы? Тогда посмотрите на фотографии старой Кореи. На этих фотографиях нет признаков необыкновенной вселенской гармонии. Там мы видим худые лица, кривые ноги и приземистые недоразвитые тела предков современных корейцев — результат отнюдь не продуманной диеты, а привычного недоедания с внутриутробного возраста. Неужели затюканные жизнью женщины с этих фотографий думали о принципах инь и ян, заквашивая на зиму кимчхи? Нет, их мысли были только о том, как бы растянуть до весны скудные запасы риса — практически единственного поставщика калорий в рационе, да как бы не испортилась, упаси Бог, капуста — поэтому они и засыпали ее докрасна перцем.

«Наши предки мудро относились к питанию. В корейской кухне практически нет жира и мяса, все продукты отличаются низким содержанием холестерина». Неужели кто-то может всерьез подумать, что вот эта молодая, но уже изможденная корейская крестьянка с иссохшей грудью, торчащей из-под коротенькой кофточки, устало глядящая на нас со старой фотографии, не ела жира и мяса потому, что следила за уровнем холестерина в крови? Она рада была бы взять его — да негде. «Жирная пища» была признаком недоступного богатства, что заметно, например, по «новому роману» Кореи {19 «Новый роман», синсосо́ль, — литературное направление начала XX века в Корее}. Бедные героини этих романов, мечтая о богатстве, упоминали прежде всего не красивую одежду, а именно жирную пищу. Детишки другого знаменитого литературного героя, Хынбу («Сказание про Хынбу и Нольбу»), «никогда не пробовали мяса» — и не из принципиальных пацифистских соображений, конечно, а по причине беспросветной бедности, что и подчеркивает этой фразой автор. Вот как создавалась эта кулинарная традиция — рис да соя, да овощи с перцем, да горсточка сушеной рыбки по великим праздникам, — и фотографии наглядно показывают нам, как выглядят люди, вскормленные исключительно «самой здоровой в мире пищей».

А теперь пройдитесь по сеульским улицам и посмотрите на их рослых, красивых потомков: длинноногих девушек, широкоплечих парней. На одном рисе с кимчи такими дети не вырастают. У них в рационе, помимо риса и овощей, в большом количестве присутствуют практически недоступные их предкам мясо и рыба, молоко, йогурты и соки, джемы и булочки, то есть продукты западные, столь нелюбезные сердцу корейского кулинар-националиста.

Так что ж, это значит, что всей Корее теперь надо переходить на сдобные булочки из французских кондитерских? Отказаться от родных пищевых традиций? Да упаси Боже. Булочки — не панацея, молоко — не эликсир бессмертия. От большого количества подобной пищи вывь растут только вначале, потом начинают расти вширь.

Все гораздо проще. Дело в том, что не существует в мире ни одной идеально сбалансированной традиционной кухни. Не может ее быть. Ибо любая кухня формировалась стихийно из того, что чаще было под рукой. В любой кулинарной традиции в чем-нибудь да переко́с — или перца многовато, или жира, или мяса.

В западных странах, кстати говоря, за национальные кулинарные традиции никто, как за святой стяг, не держится — всем понятно, что пища должна быть прежде всего полезной. В таком направлении на Западе реформируются старые и разрабатываются новые кулинарные книги. Этим объясняются периодические всплески «диетической моды» в Австралии и Америке то на азиатскую, то на средиземноморскую, то на какую-нибудь еще «не свою» кухню. Даже в «прекрасной Франции» с ее разнообразнейшей кулинарией и довольно консервативными нравами давно уже не в чести традиционные идеи глубокого обжаривания продуктов или многочасового вываривания говяжьих хвостов для соуса.

Традиция — это бывает очень хорошо. Однако это не абсолютное хорошо. Традиции хороши не все, не всегда и не для всех.

Сейчас, когда человек вооружен реальными медицинскими знаниями и обладает материальной возможностью выбирать свою пищу сознательно, из кулинарной традиции незачем делать культ.

С точки зрения здоровья, с точки зрения здравого смысла — зачем в современной Корее, с ее нынешним обилием свежих овощей и фруктов в любое время года, создавать культ кимчи?

А то, что это именно насаждаемый культ, у меня нет никаких сомнений. Где в России можно найти научно-исследовательский институт киселя? А «научно-исследовательский институт кимчхи» в Корее есть. Кого в Англии озаботит тот факт, что нынешние дети не слишком жалуют традиционные пудинги? А в Корее о детях, отказывающихся есть кимчхи, снимаются передачи, авторы которых, признанные диетологи, серьезно объясняют родителям, как приучать ребенка к этому якобы жизненно необходимому продукту. Для привлечения детей изобретаются новые рецепты кимчхи, куда входят, помимо капусты с перцем, такие чужеродные элементы, как лимон с сахаром и ананас. В какой стране в университетах вы найдете что-либо подобное «факультетам кимчхи», которые есть в некоторых корейских университетах?

Настоящим апофеозом этого культа явился недавно изобретенный в Корее «райсбургер», который подается в местных сетях быстрого питания. Райсбургер представляет из себя два обжаренных комка вареного риса, сплюснутых в форме гамбургера. Что лежит между этими комками, вы, надеюсь, догадались.

Правильно, кимчхи. В результате получается якобы «здоровый продукт». Так утверждает реклама. А ведь райсбургер — это тот же проклятый диетологами фаст-фуд, с тем же запахом стократно пережаренного масла. Фаст-фуд в принципе не может быть здоровым.

Не знаю, подсчитал ли кто-нибудь, сколько народных денежек вбухивается в содержание этих капустных музеев и факультетов, в оплату многочисленных профессорских мест для ученых, защищавших диссертации по околокапустным темам, вроде пресловутого автора «Войны пицц» Чу Ён Ха, по истории горшков, в которых капуста заквашивается, по проблемам глобализации кимчхи. Но материальные затраты еще не самое страшное. Дело в другом. Ведь кимчхи — это, напоминаю, пищевой продукт. Это капуста, заквашенная определенным способом. Для кого-то она полезна, а для кого-то откровенно вредна. Точно так же, как и любой другой продукт. Однако мифологизация кимчхи приводит к тому, что ее диетическая ценность в Корее объявляется некоей непререкаемой моральной догмой, любые сомнения в которой рассматриваются как попрание базовых национально-этических ценностей.

К примеру, пару лет назад в некоторых корейских школах вводилось начинание — курсы национальной адаптации для детей, которые долгое время прожили с родителями за границей и теперь вернулись на родину. Первой задачей, которую поставили перед собой работники курсов, — приучить «испорченных западным влиянием» детей есть кимчхи. Иначе, по их мнению, дети не смогут вырасти «настоящими корейцами». Организаторы были полны решимости — вот прямо так взять и начать приучать — через «не хочу». Как моя воспитательница с манной кашей во времена коммунистического тоталитаризма. Ни одному из пламенных патриотов не пришло в голову, что кому-то из детей напичканная красным перцем капуста может быть просто противопоказана.

Так что не так уж безобидны это квасные, то бишь капустные патриоты. За кулинарные мифы, которые они из благих идеологических побуждений внедряют в общественное сознание, люди порой расплачиваются здоровьем. Когда любящие родственники приходят в палату к больному, только что перенесшему операцию по поводу рака желудка, и приносят баночку с красной от горючего перца капустой (случается это в Корее сплошь и рядом), а медики на это безобразие — ни слова возражения, то это уже не смешно...

А зачем вообще нужны мифы?

Разнообразны и причудливы творения корейских мифотворцев. Миф о том, что только по причине особой любви к ребенку корейская мать носит его на спине (не то что западная женщина, равнодушно заталкивающая свое чадо подальше в коляску, с глаз долой). И о превосходстве заклеенных бумагой окон над окнами, застекленными — оказывается, великие предки заклеивали окна бумагой намеренно, чтобы создать интимный полумрак, которого не может быть в банально светлой западной комнате. Миф о преимуществе завязок на традиционных корейских штанах перед западными пуговицами. И о том, что только в Корее вокруг постели умирающего собирается родня, а во всех других странах человека якобы бросают одного. Миф о том, что только корейский колокол «Эмилле» издает солидный низкий звук, а колокола всех других народов легковесно и легкомысленно побрянькивают. Какую область корейской жизни ни возьми, везде окажутся свои мифы, и для одного их перечисления потребуется не одна книга.

Прямая или подспудная цель всех этих сказок — доказать, что

Корея самая-самая и корейцы тоже самые-самые. Цель, конечно, благородная и патриотическая. Но загвоздка вся в том, что мифы — создания хрупкие. Они имеют обыкновение рушиться от контакта с реальностью и погребать под обломками авторитет не только самих мифотворцев, но и авторитет страны, культуры, который якобы защищают.

Давно подмечено — самые жесткими, нетерпимыми критиками

Кореи и ее жителей являются порой не кто иной, как... зарубежные корейцы, «кёпхо», то есть люди, которые должны все это, казалось бы, любить «по должности». И тем не менее именно от кёпхо слышишь порой такие отклики о Стране утренней свежести, что становится не по себе и хочется броситься грудью на защиту огульно осмеиваемой корейской державы. Странно, не правда ли? И ладно бы в рядах нигилистов были только благополучные американские корейцы, вскормленные жирным гамбургером

Так ведь и выходцы из Латинской Америки, и из бывшего Советского Союза... А на самом деле никакого парадокса тут нет.

Именно своим братьям по крови корейские мифотворцы в виде пасторов церкви и разнокалиберных миссионеров-волонтеров промывают мозги с особой интенсивностью, именно на их среду рассчитаны все эти мифы о корейской истории и современности.

Сначала «паства» в них горячо верит (ибо все мы дети в душе, всем нам хочется верить в сказку), а потом, при близком контакте со страной, общении с живыми людьми, разочаровывается (ибо реальность от сказки всегда далека) и уже безудержно отрицает все и вся. Так наиболее вероятные друзья страны превращаются чуть ли не в ее ненавистников — злейшему врагу Кореи самой коварной подрывной работой не добиться такого эффекта.

Зачем это вранье — вот вопрос, которым невольно задаешься. Еще можно как-то понять мифологию при диктаторских, кровавых режимах — там есть язвы, которые надо скрывать, там мифы нужны из соображений хотя бы эстетических, как макияж для трупа. А зачем это Корее? Она ведь сама по себе, в чистом виде — хорошая страна, с нормальными нравственными ценностями, с большими экономическими успехами, с интересной культурой и традициями. Конечно, есть здесь свои недостатки и сложности, как есть они в любом государстве — страна ведь живая, реальная, населена вовсе не ангелами. И тем не менее ей не нужно строить «потемкинские деревни» и окружать себя баррикадами вранья. Корею и настоящую есть за что любить и уважать.

Не понимают этого только люди с глубоким комплексом национальной неполноценности. Хотя корейские мифотворцы — вполне взрослые дяди и тети, их самооценка неустойчива, как у тинэйджеров, которым надо что-то непрерывно доказывать всему миру. Чего стоят одни только корейские «страсти по Нобелю» — болезненное стремление всеми правдами и неправдами получить престижную премию, нервные поиски виновных в том, что все еще не получили... Как трудные подростки, мифотворцы одновременно и болезненно застенчивы, и поразительно нахальны. С одной стороны, эти люди стесняются признаться в том, что корейские мальчишки, как и маленькие узбеки, купаются в фонтанах. Они отрицают, что корейцы спят на полу, едят собачье мясо, заключают браки через свах и даже — что снимают обувь перед входом в дом. Да-да, не удивляйтесь. В корейских сериалах мне уже приходилось видеть положительных героев, разгуливающих по квартире в уличной обуви и дующих пиво «из горла», точь-в-точь как американцы, хотя в действительности в Корее такого свинства вы не встретите. А с другой стороны, те же закомплексованные личности активно наступают, сочиняя бредовые мифы о пяти тысячелетней Корее — матери мировой цивилизации и о моральном превосходстве корейских носков над носками всех времен и народов. Мой любимый пример — поражающая своим воинствующим идиотизмом фраза из рекламного листка, представляющего иностранцам коллекцию современной корейской керамики: «Как известно, наша великая керамика имеет 1000-летние традиции. Поэтому с нашей коллекцией ни в какое сравнение не идет известная французская (?) картина «Мона Лиза», имеющая всего лишь 400-летнюю историю» ... Деятеля, проводящего подобные художественные параллели, по-человечески жаль. Его хочется погладить по голове и дать теплого молока с медом.

О лягушках в колодце

Хотя, впрочем, одним комплексом неполноценности тут ситуацию не объяснишь. Ведь нетрудно догадаться, кто это написал. Какой-нибудь солидный профессор искусства керамики. Не владеет ни одним иностранным языком. Не читал за свою жизнь ничего, кроме книг по керамике, написанных его собратьями — корейскими профессорами. Не видел ничего, кроме корейских фабрик по производству керамики. Всю жизнь славит глиняные горшки отечественного производства, и вполне искренне — ведь на них сделана его диссертация, на них покоится его благополучие... «Лягушка в колодце» — так убийственно точно определяет деятелей подобного кругозора корейская пословица.

И вот такая «лягушка» берется за дело пропаганды культуры. Какую реакцию, кроме смеха, может вызвать у иностранца не только конкретная коллекция, но и вообще корейская керамика после подобного рекламного представления? Кто разглядит ее красоту за безобразной идеологической упаковкой? Человеческое сознание работает обобщенно, и далеко не у каждого посетителя выставки хватит желания разобраться, продрасться сквозь коросту по-детски хвастливого вранья.

О пропаганде национальной культуры

Все вышесказанное, однако, не означает, что пропаганда национальной культуры вестись не должна — должна, обязательно, иначе под напором глобализации погибнет и сама традиция, и уважение к ней. Только делать это надо умно, чтобы не превращать объект пропаганды в посмешище. Руководствоваться не патриотическим энтузиазмом и блеском глаз, а знаниями, интеллектом и чувством меры. Не держать за дураков зрителей, читателей и слушателей. Просвещать их без жульничества и подтасовок, с

минимальным количеством мифов (оставим этот минимум как поправку на честные ошибки и естественную необъективность гомо сапиенса).

Есть ли в Корее люди, способные это сделать?

К счастью, есть. Не все корейские интеллигенты бросились «убивать Конфуция». Есть в Корее настоящие, не «лягушинные» патриоты — умные, спокойные, уверенные в себе и своей стране люди. Чаще всего я встречала их среди образованной молодежи, тех, кто знает языки, бывал в других странах и может адекватно оценивать нишу Кореи в мировом сообществе. Голоса таких людей в официальной пропаганде пока не очень слышны. Но они уже звучат, и звучат замечательно.

Недавно я увидела в магазине книгу, название которой по-русски примерно переводится как «Знаете ли вы, как правильно жили наши предки». Я открыла ее, будучи уже готовой посмеяться над очередной порцией исторических сказок. И была приятно удивлена логичностью рассуждений, спокойной сдержанностью стиля. Задача книги — рассказать о старой культуре страны, о том, чем были обоснованы многие стороны традиционного быта, которые сейчас кажутся нелепыми, доказать, что отнюдь не все в старой Корее было плохо, — в общем, вполне нормальная пропагандистская, просветительская задача. И тем не менее ни одной грубой фактической натяжки и эмоциональной передержки, ни одного агрессивного наскока на Запад или «наезда» на Японию, обычных для книг подобного рода, я не обнаружила, хотя были там и похвалы кимчхи (а почему бы не похвалить вкусное блюдо, в конце концов?), и вездесущая керамика. «Ну ведь могут же писать нормально! — обрадовалась я. —

Интересно, кто это такой умный?» Автором книги оказалась выпускница университета Ихва. Год рождения — 1968.

Таких книг и таких людей в просветительском деле Кореи пока, увы, мало. Но, слава Богу, этих людей — настоящих патриотов — намного больше в обычной жизни. И хотя они обычно заняты другими делами, общаясь и работая с иностранцами, именно эти нормальные люди и словами, и делами неведомо для себя ведут пропаганду своей страны, создают тот действительно привлекательный образ Кореи, который, узнав, нельзя не полюбить.

Вот, например, профессор Ким Хён Тхэк из Сеульского университета иностранных языков. Человек на редкость умный и адекватный, он, на мой взгляд, являет собой образец здорового патриота. Ким Хён Тхэк прекрасно образован, свободно владеет русским и английским языками, имеет большой опыт жизни за рубежом — и при этом любит свою страну. Родную культуру он воспринимает широко, через призму других культур. И поэтому рассуждения Ким Хён Тхэка о Корее всегда оригинальны и полны неожиданных параллелей. Для меня разговоры с этим корейским профессором были огромным интеллектуальным удовольствием. И всегда я немного жалела о том, что он в силу профессиональной занятости вряд ли напишет когда-нибудь просветительскую книгу о Корее для россиян. А это был бы весьма интересный труд.

И еще об одном из таких «здоровых патриотов» я часто вспоминаю. Это служащий крупной корпорации, и зовут его тоже мистер Ким. Он всегда казался мне «человеком на своем месте», счастливым и на работе, и в семье. Выходец из семьи мелкого деревенского торговца, Ким смог поступить в столичный университет, пройти конкурс в престижную фирму, несколько лет учился в Европе, после чего, как он сказал, «с радостью и облегчением» вернулся домой. О Корее мой знакомый мог говорить часами, и на любой свой страноведческий вопрос я получала от него подробнейший, а главное, прямой и честный ответ. Ким гордился успехами родины и никогда не

мифологизировал нищету, из которой она недавно поднялась, не лицемерил и не врал. И при этом с особой теплотой и любовью он говорил мне о Корее не индустриальной и модернизированной, а простой, немножко деревенской и очень симпатичной — о той Корее, из которой он вышел сам, из которой вышло большинство его соотечественников — о Корее мальчишек в городских фонтанах. Дух ее жив и поныне в больших городах, но почему-то именно эту Корею часто пытаются скрыть от глаз иностранца пугливые официальные пропагандисты.

Как-то раз я задала Киму «провокационный» вопрос: получают ли корейцы Нобелевскую премию? Он улыбнулся и сказал: «Может быть, корейцы Нобелевской премии так и не получают. Но разве это так важно? Ведь мы хороший, честный, работающий народ. Мы уже и так сколького добились безо всяких премий.

Лично мне они не нужны. Ведь люблю же я свою жену, хотя она не «мисс Корея». И свою страну люблю без Нобелевской премии — такой, какая она есть».

Глава четвертая

Корейцы и юмор

Улыбчивый народ

По сравнению с россиянами корейцы на редкость улыбчивы.

Они улыбаются легко, радостно — так и хочется улыбнуться в ответ. К улыбке в Корее привыкаешь как к норме поведения, и отсутствие ее воспринимается как резкий диссонанс.

В корейский магазин, где тебе не улыбнулся продавец, заходить второй раз не хочется, хотя никто тебе там вроде не наругал, не обсчитал. Корейцы прекрасно осознают власть улыбки.

«Улыбка — основа торговли», «Разве плюнешь в улыбающееся лицо?» — говорят корейские пословицы.

Не стоит думать, однако, что улыбаются корейцы исключительно по расчету. В России, где народ в обращении по-северному холодный, почему-то принято считать, что улыбчивые народы «только с виду такие, из вежливости», а мы, дескать, на лицо ужасные, зато добрые внутри. С этим утверждением трудно согласиться. В самой по себе вежливости и приятной внешней форме поведения нет, по-моему, ничего порочного: непонятно, почему их в России всегда противопоставляют душевной теплоте. За всех южан и капиталистов не скажу, но в Корее улыбка и смех — вполне естественное состояние людей. Если у вас скверно на душе, то стоит только зайти в какое-нибудь кафе или ресторанчик, да хоть бы просто пройтись по людной улице — и вы окажетесь в море чужих улыбок и смеха, которые лучше любого психотерапевта поднимут вам настроение.

Интересно, кстати говоря, что много улыбаются и смеются в Корее именно нормальные, «правильные» люди, которые и составляют лицо города. Улыбаются родители своему малышу на прогулке. О чем-то хохочут старики в парке, похлопывая друг друга по коленям.

Заливаются на весь рынок торговки носками с соседних прилавков.

О чем-то весело щебечут аккуратненькие девчушки по дороге в школу, а их с радостным гиканьем обгоняют взъерошенные мальчишки. Смеются студенты на остановке университетского автобуса и служащие из «Самсунга», идущие компанией на обед. А вот во всяких подозрительных «веселых» районах города смеха почему-то не слышно — только грохот музыки да пьяные перебранки. Все иностранцы сходятся во мнении, что жрицы любви из «кварталов красных фонарей» в Корее — на редкость суровые и мрачные особы, которые свои обязанности исполняют пунктуально и профессионально, но без тени улыбки или каких-либо других признаков симпатии к клиенту. Да и прочие служители порока в Корее предпочитают действовать в неулыбчивой тишине. Как хищные птицы — которые почти никогда, как утверждают орнитологи, не поют.

А обычные люди в Корее доброжелательны, улыбчивы и приветливы. И поверьте — это замечательное качество. Идешь по улице, и вдруг сзади тебя окликают чей-то восторженный голос:

«Учитель! Это вы? Здравствуйте! Как давно мы с вами не виделись!» Оглядываешься — и видишь улыбающееся лицо знакомого студента, которому в прошлом семестре вкатил «неуд». Кажется, никаких особенно приятных ассоциаций у него вызывать не должна. Но нет — сияет, лучится свежестью, доброжелательностью и радостью, спрашивает о жизни, треплет Машу по щечке, приглашает сходить вместе в театр — сейчас такой спектакль интересный в «Созыкчане» {20 «Созыкчан» — малый театр. Популярный молодежный театр в районе Тэханно в Сеуле.} начинается, пойдете вместе, учитель! Эта веселая, дружелюбная энергия так тебя захватывает, что после расставания со старым знакомым еще минут десять идешь по улице и автоматически улыбаешься.

Над чем корейцы смеются?

Но, несмотря на всю веселость и доброжелательность здешнего народа, россияне часто задаются вопросом: а понимают ли корейцы юмор? Возникает вопрос не случайно — нашим шуткам корейцы практически не смеются. Почему?

Часто наших шуток корейцы действительно не понимают, а иногда просто не хотят показать, что поняли. Ведь российские анекдоты и шутки часто затрагивают сексуальную тематику, которая в конфуцианской стране не может считаться приличной, а с иностранцами корейцы стараются приличия строго соблюдать. Между собой на эти темы они пошутить могут, но, как правило, делают это только в однополых компаниях ровесников.

Анекдоты, поговорки на сексуальные темы у корейцев есть, и достаточно ядреные. Знающих корейский язык отсылаю, к примеру, к «Энциклопедии корейских ругательств», выпущенной недавно издательством «Хангук мунвон» {21 Чонг Тхэ Рюм. Хангугый ексолъ пэкква. Изд-во «Хангук мунвон», 1997}: сие творение вас не только научит квалифицированно ругаться по-корейски, но познакомит с миром корейского сексуального юмора. Шутки, которые приводятся там, не относятся к

разряду приличных, однако, являясь «национальными по форме и интернациональными по содержанию», вполне понятны и смешны россиянину.

А вот о юморе корейских комедий, телефильмов и проч. такого не скажешь. У него есть своя специфика, по причине которой мирно пить чай с булочками под корейскую комедию невозможно. Это юмор, так сказать, туалетной ориентации, довольно распространенный в некоторых азиатских странах, но которого почти не встретишь ни в западной, ни в российской культуре.

Вот вам, для примера, несколько корейских комедийных ситуаций.

1. В студенческом пансионе (хасуке) занят туалет, и девушка использует вместо него красивую вазу в комнате хозяйки. Потом ваза кому-то понадобилась, и...

2. Юноша пришел в гости к соседям, очень приличным людям.

Пошел в туалет и... засорил унитаз. Остаток вечера он пытается его прочистить и, естественно, сильно при этом пачкается.

3. Мальчик на свадьбе держит шлейф невесты и при этом думает об одном — как бы сходить в туалет.

4. Свидание юноши и девушки в кафе. Девушка пошла в туалет. Ему захотелось тоже. Мужской был занят, он пошел в женский. Слышит, как девушка обсуждает с подружкой проблему — нет туалетной бумаги, может быть, воспользоваться вместо нее носками? Юноша возвращается на место за столиком, девушка выходит позже — без носков. Конец любви.

5. Брат с сестрой после ужина решили подслушать, о чем говорят родители, и спрятались в шкаф. Там на них обоих напал приступ метеоризма. Не выдержав взаимной «газовой атаки», они вылезают из шкафа.

В России человека подобный юмор смешит в возрасте примерно от двух до пяти. Неудивительно, что в нашем доме только Маша по достоинству оценила корейские комические телесериалы, в частности «Три женщины, три мужчины», где беспрестанно кто-то пукал или ходил мимо унитаза. Корейцы же не устают потешаться над этим до самой старости. Туалетная направленность в немалой степени характерна и для их сексуального юмора. Вот пример корейского анекдота, который я перескажу, из цензурных соображений, шершавым языком плаката. Невинный жених во время первой брачной ночи ошибочно принимает семяизвержение за мочеиспускание. После рождения дочери он с досадой замечает: «Эх, лучше бы я тогда сходил по большому — родился бы сын».

При всем уважении к корейскому народу признаемся, братцы-иностранцы: нам не смешно. Даже если владеем корейским языком — не смешны истории про Чхве Бурама (популярный герой анекдотов, при одном упоминании имени которого корейцы заливаются смехом), не смешно, когда смотрим корейские комедии, активно не смешно при просмотре корейских комиксов. Нам не смешно — но хочу в связи с этим предостеречь читателей: не впадайте в распространенное снобистское заблуждение, не считайте, что у корейцев «нет чувства юмора» или что у них «дурацкие шутки». Поверьте, наши шутки кажутся им не менее дурацкими.

Помню, как на заре своего пребывания в Корее я пыталась объяснить корейским студентам русские предлоги «до» и «после» и рассказала в качестве иллюстрации старый анекдот: совет, который дал молодоженам врач по поводу предохранения от беременности. «Пейте томатный сок. — До того или после того? — Вместо того».

Корейцы вежливо посмеялись. Потом один поднял руку и серьезно спросил: «А можно пить для этого не томатный, а апельсиновый сок?»

Видимо, такова природа юмора вообще — он остается самым безошибочным показателем принадлежности человека к определенной культуре. Один-единственный анекдот вытаскивает на поверхность сразу такой огромный пласт сознания, что об этом впору писать отдельную книгу. Юмор разоблачает множество мифов и ложных логических построений. Вот, например, японцев корейские анекдоты смешат. И сколько бы ни твердили националисты обоих народов о кардинальных и непроходимых различиях японской и корейской культур, это значит одно — культуры — это близкие.

Или понятие «европейского менталитета» русских. Вроде бы все правильно, русская культура имеет много общих традиций с европейскими. Однако давно замечено, что русские анекдоты про водку, как правило, совершенно не воспринимаются представителями западноевропейских культур. Точно так же не воспримет большинство россиян шуток англичан или австралийцев с их извечной мертвецкой темой. («Слышал, что вы беременны близнецами. — Ничего, надеюсь, один из них умрет» — ну как, очень смешно?)

Гораздо больше, чем в «европейский» или «азиатский менталитет», я лично верю в менталитет, так сказать, общесоциальный — конфуцианский ли, социалистический. Общность юмора — лучшее доказательство. Поражаешься, насколько быстро находятся темы для общения и общие шутки в разговорах русских не только с болгарами и чехами, но и с монголами и китайцами. Вот уж кто искренне веселится анекдотам типа: «Сидят трое пьяных на рельсах». А китайцы и вьетнамцы, в свою очередь, от души хохочут над корейскими юмористическими ток-шоу, и это тоже понятно — тут вековая общая конфуцианская традиция.

Так что юмор, смех — лучший индикатор вовлеченности человека в определенную культуру. Можно прожить в другой стране много лет, можно блестяще выучить язык, можно соединиться, наконец, узами брака с иностранцем — но пока вы не начнете смеяться над тем же, над чем смеются люди в этой стране, — вы в ней остаетесь чужаком. В Корее я пока чужак. Но над гонконгскими комедиями уже смеюсь. Значит, не все потеряно.

Глава пятая

Корейское отношение к труду

Трудолюбивы ли корейцы? Странный вопрос, скажете вы.

Трудолюбие этого народа, равно как и его соседей, японцев и китайцев, давно сделалось национальным стереотипом, так что утвердительный ответ на этот вопрос гарантирован даже со стороны тех, кто в реальной жизни с корейцами никогда не сталкивался. Многие россияне всерьез убеждены в том, что всякий кореец прямо-таки рождается трудолюбивым как пчела — с наследственной сверхзадачей работать и работать на благо родного улья.

Первое впечатление от Кореи — именно такое: уважение к труду, доходящее до культа, пронизывает всю жизнь страны.

Менталитет корейцев построен на твердом постулате: работать должен каждый, ибо только усердная работа, и ничто иное, приносит в жизни успех. Поэтому в Корею работают даже нищие. В поездах метро вы почти не встретите примитивного кланччэня:

«Подайте убогому!» — оно здесь работает слабо. Корейский нищий, как правило, либо поет под магнитофон (часто, кстати, довольно неплохо), либо продает в поездах жевательные резинки чуть подороже обычного.

В Корею работа занимает в жизни мужчины основное место. Это не просто источник дохода, это пульс и средоточие его жизни. Ни о каких хобби здешний народ не имеет представления. Все, чем кореец занимается помимо работы (курсы иностранных языков, компьютер и т. д.), так или иначе связано с карьерными соображениями. Если кореец направился в горы, бассейн или на теннисный корт — будьте уверены, что время там он будет проводить с сослуживцами или «нужными людьми». Кореец, горящий на работе, имеющий всего несколько дней отпуска в году, — это не герой-стахановец, а норма здешней жизни.

С работой здесь срастаются плотью и кровью, и когда ее лишают, то начинают просто пропадать, как показали это массовые увольнения во время экономического кризиса. Остаться без работы плохо в любом обществе, но если для русского человека сокращение — это лишь одна из пакостей, выкинутых в очередной раз родным государством, неприятность, с которой нужно справиться, то для корейца — это крах всего святого в жизни. Немудрено, что реагируют на увольнения здесь куда круче нашего — бросаются с крыш, избивают с горя жен, по-черному запивают, просаживают в карты последние семейные накопления и проч. Трудно было предположить ранее, что лояльный мистер Ким в аккуратненьком костюмчике способен выкидывать такие темпераментные кренделя — и все потому, что лишился службы.

Всего этого, казалось бы, достаточно, чтобы объявить корейцев тружениками мира номер один. Это утверждение близко к истине, хотя и не без некоторых особенностей, которые неизбежно бросаются в глаза всякому, кто приближается к корейской жизни вплотную.

Панфиловец над пустой тетрадкой

Я об этих особенностях вспоминаю всякий раз, когда приходится бывать во время сессии в библиотеке университета. В эти дни она набита битком и смотрится необыкновенно фотогенично. Так и хочется заснять на пленку этих юношей и девушек, сменяемых прилежанием и жаждой знаний и обложенных на удивление толстыми книжками. Но если восхищенному журналисту взбредет в голову задержаться в храме знаний минут на 10, он легко заметит, что отнюдь не всегда книжки эти студент читает. Гораздо чаще он просто сидит, уставившись в пустую тетрадку, причем делает это с непостижимым упорством и терпением. Книга может быть раскрыта, может нет — тут подход индивидуальный. Но с места этот мученик науки не сойдет, как панфиловец, до самого закрытия библиотеки.

Иностранные специалисты, работающие в корейских фирмах, отмечают подобный феномен и в деловой сфере. Корейский служащий может во время рабочего дня пить кофе, курить, листать справочник, ковырять в носу, вертеть карандаш — но ни при каких обстоятельствах не уйдет домой, когда ему положено — в 6 или 7 часов вечера. Ни начальство, ни коллеги его просто не поймут. Да и родную жену скорее всего хватит удар, появившись ее благоверный самсунговец или хёндаевец на пороге дома при свете дня. Кодекс чести примерного корейского служащего предписывает ему дневать и желательно ночевать на работе (пусть даже он в это время от нечего делать рассматривает игривые картинки в Интернете), а жену и детей помнить по фотографиям на рабочем столе.

Встает элементарный вопрос: кому и зачем это надо?

Иголка из скалы

И вот тут объяснение может дать любопытная сказка, по происхождению китайская, однако имеющая широкое хождение в Корее. Герой сказки делает себе лодку из ствола дерева при помощи... иголки. В другом варианте этой сказки, включенном в корейские учебники по «морали» (есть такой предмет в корейской школе), некая старушка делает себе иголку из куска скалы, отбивая ее колотушкой. Эта пожилая леди вошла в корейский учебник не как пример старческого слабоумия, а для того, чтобы дать понять другому герою той же сказки, каким важным делом является труд. Иными словами, и герой, ковыряющийся в стволе иголкой, и энергичная старушка — это символы корейского трудолюбия.

Чему же учит эта сказка сегодняшних корейских детей? Тому, что труд — это самоценность. Труд зачастую не ради результатов, а ради самого процесса. Чтоб, как говорят в армии, служба медом не казалась.

Усердный недосып

Проявляется это порой в самых нелепых, на взгляд западного человека, формах. Например, не спать перед экзаменами и учиться ночи напролет примерно за неделю до них считается для корейского абитуриента делом чести. Это выражается в популярной студенческой поговорке: «Четыре часа спишь — провалишься, три часа спишь — поступишь» (спать четыре часа считается много). На защите диплома студент должен выглядеть зеленым и дохлым, иначе вызовет подозрение в недостаточном усердии.

Мою иностранную подругу, например, накануне защиты диплома в Сеульском университете научный руководитель напрямую укорил за слишком цветущий вид — неоспоримое свидетельство ее лени. И никто не задается здесь все тем же элементарным вопросом: зачем это надо? Эффективно ли подобное многочасовое просиживание штанов в офисах и библиотеках без сна и отдыха? Способен ли утомленный мозг сотворить что-то новое или хотя бы запомнить старое?

Нет, такой вопрос никому не приходит здесь в голову. Ибо отдыхать — это всегда плохо, это безделье, а работать — всегда хорошо. Таким немудреным принципом руководствуется корейская мать старшеклассника, безжалостно стягивающая одеяло с сына на рассвете — после того как он до двух ночи прокемарил над книжкой. Нечего дрыхнуть! Вставайте, сэр, вас ждут великие дела! Примерно такой сценарий своей нелегкой жизни нарисовал мне знакомый корейский школьник. По данным статистики, в среднем школьник в старших классах (особенно в престижной школе, вроде школы иностранных языков) спит не более 5—6 часов в сутки. Чтобы не заснуть на уроках, дети применяют всякие взбадривающие штучки, вроде препаратов женьшеня или так называемого карандаша от сна (им мажут веки, чтобы не заснуть). То, что корейские старшеклассники вообще ходят на своих ногах, объясняется, думаю, тем, что остальные часы они досыпают над книжками.

Хуже всего приходится юным дарованиям. Эти начинают не высыпаться с раннего детства. Я была знакома с одной корейской девочкой, которая в свои пять лет уже мечтала о выходных. Она имела неосторожность проявить талант к пению. И хотя известно, что в таком нежном возрасте голос еще не сформировался и учить пению ребенка рано, воодушевленные родители наняли ей целый полк учителей — развивать и натаскивать до полного изнеможения. Зачем? Все по тому же принципу старой сказки — труд ради труда.

Страна очкариков

С культом труда связана одна любопытная особенность корейцев, которую замечают все гости страны. Заключается она в том, что в Корее... любят носить очки. Образ корейца в очках стал привычным даже в восприятии Запада. В австралийских «мультикультурных» рекламах корейцы всегда изображаются одетыми в аккуратненькие костюмчики, с книгой или ноутбуком в руках — и в непреременных золоченых очках.

(Вообще золоченые очки — забавная деталь. По непонятной мне причине мода на оправы в Корее на редкость консервативна. За те пять лет, что я прожила в этой стране, стили одежды и обуви менялись каждый сезон. И только очки оставались одинаковыми — продолговатые, металлические, золотого или серебряного оттенка.)

В Корее действительно у многих людей плохое зрение, в том числе и, увы, у детей, даже совсем маленьких. В интернациональном детском садике, в который ходила моя дочка, около трети корейских детишек носили очки — факт довольно грустный.

Корейские родители под влиянием общего ажиотажа вокруг «раннего обучения» начинают очень рано учить детей читать и работать на компьютерах — лет с 3—4. Конечно, на зрение это действует плохо. Образование и близорукость напрямую связаны между собой: по статистике, до эпохи всеобщей грамотности в Корее, как и в других странах Дальнего Востока, близоруких людей практически не было.

И все же — почему именно очки? В наше время в развитых странах их серьезно вытесняют контактные линзы, есть и оперативные пути исправления близорукости. Но создается впечатление, что все это как-то не очень пользуется спросом в Корее.

А дело в том, что носить очки в Корее считается красивым, ибо в массовом сознании очки — свидетельство высокого интеллекта, образования, утонченности, то есть тех качеств, которые в Корее высоко ценятся. И если на Западе близорукость рассматривают как побочный отрицательный эффект образования, стараются его скрыть, надевая линзы, то корейцы близорукость, наоборот, всячески подчеркивают, надевая очки даже тогда, когда легко можно обойтись и без них (бывает, надевают даже очки с простыми стеклами). Очки для корейца — безусловный плюс. Они означают, что человек потрудился на славу.

Таким образом, очки в Корее превратились в необходимый предмет туалета образованного человека, признак интеллигентности. Примерно, как у нас в послевоенные годы шляпа и очки считались признаком «городской штучки» — помнится, в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» звучала фраза: «А еще очки одел! Интеллигент! Вырастили вас на свою голову!» И видимо, именно этой своеобразной эстетикой можно объяснить ту беспечность, с которой корейские родители относятся к детской близорукости. Ведь недаром в корейской рекламе в качестве представителя нового образованного поколения часто изображают младенца в очках — вот, мол, такой маленький, а уже такой умный.

Конечно, не только корейцы связывают образованность, утонченность с очками. Те, кто интересуется жизнью западных телезвезд, мог легко заметить, что в последние годы громила Ван Дамм тоже вдруг стал носить очки в золотой оправе, хотя деньги на хорошие линзы он, думается, мог бы найти. Цель очевидна: показать белому свету, что хоть он и Ван Дамм, но книжки тоже читать умеет.

Культ труда и его результаты

Иностранцев, которые работают с корейцами бок о бок, обычно настолько раздражает вся эта мазохистская показуха (тем более что корейцы часто требуют ее и от них, как требовали от моей подруги замученного вида перед экзаменом), что они готовы порой всю корейскую жизнь, весь труд свести только к этому. Если на белого новичка Корея еще производит впечатление работающей, трудолюбивой страны, то поживший здесь с год иностранец — это, как правило, уже закоренелый скептик, который, услышав распространенное выражение «hard-working Korean» («упорно работающий кореец»), обычно заливается истерическим хохотом (что называется, довели человека).

И забывает скептик, что есть, есть у корейского труда результаты. Не говоря уже об экономических достижениях всей страны, достаточно вспомнить те бытовые стороны корейской жизни, которые мы давно воспринимаем как должное. Море недорогих симпатичных кафе и ресторанчиков. Дешевые быстрые химчистки отличного качества. Магазины и аптеки, открытые почти круглосуточно. Ночные рынки. Парикмахерские и салоны красоты, где тебя приведут в божеский вид без всякой очереди за минимальную плату. Уютные баньки, где можно и поспать, и перекусить. Везде — высокое качество работы и вежливое обслуживание. Оно в Корее не просто вежливое — оно сердечное, и это тоже идет от культа хорошего, старательного труда, труда с улыбкой.

Лучше всего атмосферу корейского обслуживания характеризует волшебное слово «Собисы!» (искаженное английское service, означающее в Корее: — «Это просто так,

берите бесплатно!»). Оно в Корее звучит везде. С этим замечательным словом вам в корейском магазине бесплатно заворачивают товар в подарочную упаковку. Бесплатно подливают супчика в ресторане, если хозяйка видит, что ваш ребенок уписывает его за милую душу. Бесплатно укрепляют дужки очков в оптике и протирают стекла на специальной машинке, даже если вы зашли в магазин просто поглазеть на витрины и ничего не заказали. Вам «просто так» почистят обувь, если вы пришли только укрепить шатающийся каблук, бесплатно отутюжат и почистят брюки, если вы забежали их подшить. Помню, как я отправила 6-летнюю дочку в соседнюю булочную за батоном. Она вернулась обратно с батоном, деньгами и запиской от хозяйки: «Извините, но Ваш любимый батон сегодня подгорел. Я посылаю Вам его «собисы». В следующий раз я буду работать усерднее». Батон же был лишь слегка румяней обычного.

Так работает Корея. По принципу — лучше перестараться, чем прохлопать ушами. Лучше пересидеть в офисе, чем уйти, что-то недоделав. Лучше подстраховаться и прислать бесплатный батон, чем рисковать потерять постоянного клиента. Как всегда, в таких случаях, граница между сутью и имиджмейкерством стерта. Но общее движение-то поступательное. У культа труда есть отличные результаты.

Забывает, например, иностранец о том, что ездит в этой стране на дешевых хороших машинах, пользуется неплохой и опять же дешевой аппаратурой. А ведь люди, которые все это сделали, в огромном большинстве своем происходят не из интеллектуальной среды. Отцы и матери инженеров и менеджеров из «Самсунга» и «Тэу» — это, как правило, простые крестьяне, рабочие и мелкие торговцы. И то, что их дети достигают сейчас высот мировой технологии, то, что за 30 лет корейцы смогли вырвать страну из тяжелой нищеты и поднять ее до уровня стран преуспевающих и современных, — объясняется прежде всего культом трудолюбия, который вошел в плоть и кровь корейского народа — пусть порой и в странных для нас проявлениях, пусть и со смешными перехлестами.

Желтая угроза

В то время как на Западе, где накоплен достаточный уровень материального состояния, все меньше слышится разговоров о труде и все больше — о некоем «фане», который человек должен якобы непрерывно получать от жизни, корейцы живут, руководствуясь все той же вековой мудростью: безделье — грех, труд — добродетель. Если в американской школе обучение детей превращено в бесконечную фиесту с полным отсутствием дисциплины, с разговорами о «праве ребенка на отдых» и проч., то корейцы по-прежнему стаскивают одеяло со своих детей на рассвете, заставляя их вставать и учиться, ибо нет для корейца кошмара страшнее, чем сын-лодырь.

И вековая мудрость эта, какой бы примитивной ни казалась она нам, просвещенным, — работает. Сейчас на Западе все чаще слышатся разговоры о «желтой угрозе», то есть нашествии азиатов, которые в недалекой перспективе могут потеснить белого человека с его доминирующей мировой позиции. Лично я в это верю, и первая же поездка в Австралию убедила меня в этом еще больше. Несмотря на всю мою глубокую симпатию к очень приятным, доброжелательным, веселым белым австралийцам, я должна была признать: работать так, как корейцы (японцы, вьетнамцы, китайцы), они просто не хотят. Избалованная за пять лет жизни в Сеуле, я была поражена тем, как неудобно устроена жизнь в Австралии — преуспевающей белой стране: какие дорогие там товары и старые машины, как трудно найти по вечерам открытый магазин, по выходным — работающую аптеку, как невозможно быстро проявить пленку, постричься без предварительной записи... Сейчас, после продолжительного

пребывания на австралийской земле, я к здешней сфере обслуживания несколько привыкла, хотя список того, чего в Австралии нет, я могу продолжать и продолжать. Но в тот первый приезд разница с Сеулом была даже не разительной — разящей. Чистые столы, по-настоящему горячий кофе, еду на подносах я могла найти тогда только в восточных ресторанах — там, где без усталости бегали маленькие улыбчивые азиаты, ставшие внезапно такими милыми моему сердцу.

Как затосковала я там по родной Корее, в частности по моему дорогому дядюшке из соседнего фотоателье, который, знала я, проявит все мои австралийские пленки через полтора часа, да еще сделает скидку в цене за их количество. Как предвкушала встречу с любимым парикмахером, к которому я зайду в воскресенье вечером, и он наконец-то сделает из меня человека за 7 тысяч вон (5 долларов), а моей дочке, ожидающей конца скучной процедуры, даст в это время комиксы и конфетку, а то еще по своей инициативе подкрасит ей прядь в какой-нибудь модный фиолетовый цвет — «собисы», «собисы» ... Какой отрадой наполнялась моя душа при мысли о соседнем корейском ресторанчике, в котором хоть и подаются осточертевшие мне за пять лет рис и кимчи, но там, я знала, я не отравлюсь, как отравилась в австралийском, том самом, где обслуживала неторопливая белая официантка, несомненно лоящая в тот момент фан...

И о многих таких прелестях Кореи я не перестаю тосковать до сих пор.

«Мама, чувствуешь — Кореей пахнет!» — мечтательно произносит дочка, проходя мимо австралийской булочной. Запах свежеспеченных булочек у нее ассоциируется исключительно с Кореей, хотя круассаны и пончики вовсе не корейские национальные блюда, и «западная» Канберра, казалось бы, имеет на них больше прав. Булочки в Австралии, конечно, пекут. Но редко где найдешь в Канберре нечто подобное, например, булочным кафе сети «Парижские круассаны» в Сеуле. Парижское в них только название, работает в булочных корейский персонал. Открываются эти кафе в 7 утра, и уже в это время в них можно позавтракать свежей сдобой с горячим ароматным кофе, сидя в уютных креслах у окон и глядя на пробуждающийся город. В этих недорогих заведениях чисто, изящно, стильно все до последней детали — от фирменных сахарниц на столах до белых накрахмаленных колпаков пекарей. Разнообразие булочек, пирожков, пирожных поразительно — и все равно то и дело появляются какие-то новые разновидности. С каждым годом все вкуснее, все «западней» становится кафе.

За всем этим стоит колоссальный, систематический, неустанный труд. И я не удивлюсь, если лет через 20 сеть подобных корейских кафе-булочных раскинется в Австралии, причем уже под названием «Сеульские круассаны», и полностью захватит местный рынок. И можно будет тогда сколько угодно говорить, что сеульских круассанов не бывает, что изначально в Корее булочек не пекли, что это наша славная западная традиция, нагло присвоенная азиатами. Надо было меньше расслабляться, скажут критикам корейцы, и будут совершенно правы. Как говорится в одной безжалостной басне: «Ты все пела — это дело, так поди же, попляши».

Постскриптум: отношение к труду в России

Говоря об отношении к труду в Корее, не могу не затронуть тему, близкую моему сердцу. Не могу не сказать о российском отношении к труду. К сожалению, нет в России культа труда.

Более того — к труду у нас отсутствует и элементарное уважение. Это притом, что ленивыми русских назвать никак нельзя, несмотря на все перестроечные саморазоблачения. Ленившись можно лежать под бананом или на солидном пособии богатого государства. А поскольку ни того, ни другого наша Родина никогда не могла нам предложить, работать русским приходилось всегда, и весьма напряженно: кому добровольно, кому принудительно, кому ради выживания, кому ради высокой творческой идеи — словом, так же, как и корейцам, как большинству человечества со времен Адама и Евы. Но отношение к труду как к проклятию, какому-то недоразумению, которого надо скорее стыдиться, чем гордиться, всегда отравляло россиянину трудовую жизнь — и свою, и чужую (вспомним, какой непопулярной фигурой был отличник в советской школе). Живет в нашем работающем, в общем-то, народе детская вера в волшебную возможность устроиться в жизни, не работая — благодаря природному таланту, красоте или «умению жить». Живет среди интеллигенции миф о Моцарте как о гениальном бездельнике в противовес трудолюбивому и, следовательно, бездарному Сальери. И если корейцу надо преувеличить свои труды, чтобы быть правильно понятым в обществе, то россиянин, особенно человек умственного труда, предпочтет о своих трудах умолчать — не от природной скромности, а чтобы не заподозрили в его трудолюбии отсутствие ума или способностей.

Жизнь наглядно демонстрирует нам, каким разрушительным для общества может стать неуважение к труду. Куда стали стремиться, к примеру, многие наши соотечественницы в сегодняшней, буржуазной России? Увы, многие, слишком многие — не к высотам карьеры, независимости, нового образования, как это характерно для женщин из развитых стран и тех же кореянок, а к поискам так называемого «спонсора» — богатого иностранца или отечественного бандита. Женщины эти готовы мириться со всеми унижениями рабского, по сути дела, положения содержанки — под влиянием все той же наивной мечты устроиться в жизни не работая, при помощи прирожденной красоты или ловкости.

А чего удивляться: содержанка вызывает в российском обществе куда больше уважения, чем женщина трудолюбивая, самостоятельно стоящая на ногах. Можно винить за это коммунистическое прошлое, Горбачева, Путина, мировой сионизм — кому что милее. Но мне кажется, что корни этого удручающего явления лежат все там же — в глубоком, традиционном неуважении россиян к труду как основе нормальной жизни.

Глава шестая

О корейских канонах красоты

На мой взгляд, внешне корейцы — очень привлекательные люди. Взгляд этот, не буду спорить, субъективный. Тут и профессия играет роль, и привычка в течение долгого времени видеть вокруг себя исключительно азиатские лица. Любопытная деталь, кстати говоря. От россиян мне приходилось слышать не раз, что азиаты якобы «все на одно лицо» — черноголовые, узкоглазые.

«И как ты их только различаешь?» — удивлялась моя подруга, ненадолго заехавшая в Корею. Вопрос мне показался странным — естественно, различаю, а как же иначе? Но когда после долгого перерыва я приехала в «белую страну», Австралию, то с удивлением заметила, что с трудом различаю людей вокруг, все казались на одно лицо — все белесые, большие, во всех не хватает красителя, что ли.

Наше восприятие внешности зависит от тысячи разных субъективных факторов. Так что не буду утверждать, что корейцы красивее тех же самых австралийцев. Но то, что в отличие от последних корейцы за своей внешностью тщательно и с удовольствием следят, — это бесспорный факт, признаваемый всеми гостями Кореи. Например, ни одна уважающая себя корейка (ни городская, ни деревенская) не выйдет на улицу без грима на лице.

А корейский макияж — это отнюдь не легкое касание лица пуховкой. Всем студенткам, жившим в одной комнате общежития с корейкой, знакома эта пытка: когда твоя соседка просыпается засветло, как домовой, и начинает возиться, шебуршать, чем-то шоркать по физиономии, чтобы часа через два предстать перед светом зари, преображенной до неузнаваемости. Но оторвать два часа от сладкого утреннего сна во имя красоты — это еще цветочки. Как вам понравится, к примеру, идея носить по полдня, как вериги, тяжелые накладки для век — чтобы в ответственную минуту жизни глаза казались круглее, чем они есть на самом деле? Или привычка сбривать собственные брови, а поверх рисовать другие — более черные и изогнутые?

Все эти издевательства над собой массово проделываются в Корее для того, чтобы соответствовать принятым в обществе канонам красоты. Каноны красоты, конечно, были всегда и есть везде. Но если в западных странах и (в меньшей степени) в России от них мучаются в основном кинозвезды, а обычные люди легкомысленно игнорируют, утешая себя пословицами вроде «не по хорошу мил, а по милу хорош», то не такова Корея. Здесь это действительно каноны — строгие, многочисленные, весьма сложные и обязательные для всех. Интересно, что разница с западными представлениями о прекрасном порой весьма ощутимая.

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставишь к носу Ивана Кузьмича...»

Как-то смотрели мы с подругами телевизор. На экране появился кореец, который показался мне очень привлекательным: крепкого сложения, широкоплечий, мускулистый, со смуглым румянцем во всю щеку (у корейцев румяное лицо можно увидеть довольно редко), с белозубой улыбкой — в общем, воплощение зрелой мужественности и могучего здоровья. Я поделилась своими положительными эмоциями с корейками, и те буквально покатались со смеху. Оказалось, что с их точки зрения — это чуть ли не урод, ибо у него широкое лицо и недостаточно выступающий нос, некрасивые уши, узкие глаза и слишком смуглая кожа.

Что же касается восхитившего меня румянца, то для них эта деталь была безусловным минусом, ибо румянец придавал нашему герою «излишне деревенский вид». Главный же порок, по мнению женщин, заключался в том, что он был недостаточно «лонг-тари», то есть не длинноногий (популярный термин, смесь английского «лонг» — длинный и корейского «тари» — ноги).

Придирчивость моих подружек напомнила мне нетленное гоголевское: «если бы губы Никанора Ивановича да приставить бы к носу Ивана Кузьмича». Я-то судила о

внешности по общему впечатлению, не вдаваясь в подробный анатомический разбор. Кореянки же не обратили на это самое общее впечатление никакого внимания: они смотрели на детали. Подобный подход к внешности для корейцев очень характерен. Если нас с вами недостаточно совершенная форма ноздрей или пяток может мучить только в подростковом возрасте, потом мы об этом просто забываем, то корейцы не таковы. Для них идеальна должна быть каждая мелочь.

Для достижения совершенства кореянки сидят на жесточайших диетах (причем мамы и бабушки — главные враги стройности в России — их в этом полностью поддерживают), тратят уйму денег на косметику (это весьма серьезная статья расхода в бюджете корейской женщины). Но больше всего меня удивляет, с какой легкостью они ложатся под нож хирурга. Пластические операции здесь делаются в массовом порядке, причем почти всегда — с благословения или по прямому наущению мужа или любимого, которые жаждут идеала. Первое, что сделает корейская девушка после поступления в университет, — это большие удивленные глаза. В результате пластической операции «двойное веко». Это почти такой же узаконенный ритуал, как покупка учебников. Потом будут и другие — срезание жира со щечек и предплечий, увеличение носа, груди, создание красивых губ, выпрямление ног, но «двойное веко» {22 Операция «двойное веко» делается для придания азиатским глазам западной круглой формы} на первом курсе — это как обряд инициации.

Самое любопытное, что корейские мужчины, причем самой ортодоксальной ориентации, страдают во имя красоты ненамного меньше своих подруг: завивают и красят волосы, делают дорогостоящие пластические операции, навечно удаляют волосы на лице и теле.

Корейский идеал

Что же в Корее необходимо для идеальной внешности? Традиционный корейский идеал — маленькая и крепенькая девушка с круглым личиком и ямочками на розовых щеках, «девушка яблоко» — в сегодняшней Корее давно забыт. Правда, одна из его черт сохранилась — белая кожа, которую в старину сравнивали с яшмой. Она до сих пор считается красивой — смуглых девушек в Корее презрительно зовут «комбэни» — «чернавка». Практически на любом изделии корейской косметологии вы прочтете: «отбеливает кожу» (в Австралии, например, отбеливающих средств для кожи почти не продается). А вообще для женщины сегодня нужны тонкие руки и ноги (не стройные, а именно тонкие, форма имеет меньшее значение), маленькое лицо, желательно не круглое, большие глаза, нос и... уши. Да-да, не удивляйтесь. Уши у корейской красавицы должны быть большими и оттопыренными. Звезда корейского экрана Чхве Чин Силь, например, горделиво открывает эти свои достоинства при каждом удобном случае.

Что еще? Высокий рост. (Явное влияние Запада — в традиционной Корее высоких невест браковали свахи.) Длинные волосы.

(Правда, здесь на любителя. Короткая женская стрижка в корейском менталитете ассоциируется со школьницами-старшеклассницами, которых по уставу школы заставляют стричься коротко. Для создания именно таких ассоциаций в мужских головах взрослые девушки в Корее иногда специально стригутся коротко.) Ну и, конечно, безусловная, несомненная, всепобеждающая удобка.

Интересно, что в список не входят ни полная грудь, ни сексуальные бедра, эти столь необходимые на Западе достоинства. Дело в том, что грудь на Дальнем Востоке

традиционно не считалась сексуальной частью тела и ассоциировалась исключительно с кормлением ребенка. Когда про женщину говорили «грудь как чашки», то это означало не ее сексапильность, а здоровье, возможность вскормить младенца. Традиционная же сексуальная эстетика подразумевала господство в женском теле прямых, а не закругленных линий. Однако появление на корейских экранах полногрудных и пышнобедрых блондинок с осиными талиями во многом предрешило судьбу «прямой линии». Современные корейки все чаще хотят увеличить грудь, хотя, на мой взгляд, на их худеньких телах большая «искусственная» грудь смотрится несколько чужеродно. Изменения наблюдаются и в отношении к губам. Если раньше красивыми считались тонкие, небольшие губы, то сейчас, под влиянием западных фильмов, многие женщины здесь хотят себе сделать губы «как у Софи Лорен».

Для мужчин требования следующие. У них должны быть большими нос, глаза и уши. Глаза явно пришли с Запада — в традиционных романах большими глазами обладали в основном агрессивные военачальники, личности, считавшиеся не особенно глубокими и утонченными. Уши — свои, «как у Будды», у которого они были до плеч. Кроме того, традиционно в Корее считается, что большие уши — к большим деньгам.

По этому поводу мне вспоминаются две смешные истории.

Первую рассказала моя бразильская подруга, которая вышла замуж за корейца и родила ему сына. Она была потрясена, когда увидела однажды, что ее новорожденного немилосердно дерет за уши свекровь. Оказалось, что уши у младенца были маловаты, а это означало, что в будущем не видать ему денег. Вот бабушка и пыталась обмануть судьбу — оттянуть внучку мочки.

А вторую историю поведала знакомая корейка, недавно вернувшаяся из Москвы. Попав как-то в одну московскую компанию, она познакомилась с молодым человеком, внешность которого показалась ей просто замечательной. Особенно выдающимися были уши. Человек эмоциональный и порывистый, она тут же стала прилюдно расхваливать своего нового знакомого: «Валера! Какие у вас прекрасные уши!». И была очень удивлена, когда вместо благодарности за комплимент Валера вскипел от злости, как самовар. Оказалось, что оттопыренные уши не давали ему жизни с детского сада («Чебурашка», «слоненок» и все такое прочее) и служили предметом привычных шуток в этой компании.

Итак, корейскому красавцу необходимы большие глаза, уши и нос, причем глаза, как видим, это западное влияние, а уши исконно свое. А нос? С носом ситуация сложнее. С одной стороны, ни в одном голливудском фильме не найдешь плосконосого героя, что само по себе является большим стимулом. А с другой стороны, есть у корейского народа свое стойкое поверье о некоей корреляции, или сопутствующем признаке длинного носа.

Народ считает здесь, что если нос длинный, значит длинный, и...

Вы меня, я надеюсь, поняли. Есть в Корее на этот счет пословица: «Теща у зятя смотрит прежде всего на нос». Поверье это многократно опровергалось в корейской прессе, и тем не менее оно весьма живуче. Кроме того, красавцу необходимо узкое и бледное лицо, небольшие губы и стройность. А самое главное — высокий рост и все те же пресловутые «лонг-тари». Последнее требование причиняет представителям сильного пола немалые моральные страдания: ведь от природы корейцы в массе своей невысоки, и этого не исправишь и самой дорогостоящей операцией. Чтобы утешить маленьких мужчин, в корейских журналах националистического толка часто публикуются якобы научные данные о необычайной половой потенции азиатских

мужчин маленького роста и с маленькими пенисами, об их полном превосходстве в этой сфере над высокими блондинами. Однако, судя по всему, эти статьи оказывают слабое влияние на жесткие эстетические каноны корейского общества.

Известно, что в Корее сейчас растет процент ожиревших детей. Критики винят в этом проникновение на корейский рынок американской пищи, вытесняющей традиционную низкокалорийную корейскую кухню. Западное влияние в диете современных корейцев действительно присутствует, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что проблема имеет и еще один аспект. Довольно часто корейские дети... хотят «вырасти красивыми», то есть по-западному высокими, не такими, как их родители. Именно поэтому они предпочитают западную пищу с обилием белка и жира и едят много и часто, невзирая на полноту.

Главное — вовремя вырасти. Похудеть-то можно и потом...

Без квазимод и расслабонов

С чем же связано такое преклонение корейцев перед красотой или, тем, что под ней понимается на данном историческом этапе? Причин здесь несколько. На мой взгляд, это прежде всего традиционное распространение на Дальнем Востоке учения о физиогномике, то есть зависимости характера и судьбы человека от черт его лица. Помимо забавных предрассудков, о которых я рассказывала выше, это учение внесло в корейский менталитет и более фундаментальное представление о красоте как не столько эстетическом, сколько этическом понятии. «Красота», «красивый» в сознании корейца значит и «хороший», «добродетельный», «удачливый». Связь прямая и двусторонняя. Традиционная корейская литература и фольклор не ведали противоречий формы и содержания. Положительный герой был всегда писанным красавцем, а отрицательный — мерзким уродом. Никаких иванов-дураков, никаких аленьких цветочков и квазимод.

(Единственным исключением может служить, пожалуй, рассказ На До Хяна «Глухонемой Самнени», написанный в 1925 году, но он, как признают корейские критики, создан под явным влиянием «Собора Парижской богородицы».) И до сих пор в Корее красота воспринимается равноценно моральным качествам человека. Красота, по данным опросов, первое необходимое качество корейской невесты. Для жениха — второе, после материального благополучия.

Как-то попался мне в университете на глаза предвыборный листок — избирался председатель студенческого комитета. Что же, вы думаете, было написано о двух кандидатах? Деловые качества? Концепция будущей деятельности? Ничего подобного. Про одного: «Обладает совершенной внешностью». Про другого: «Располагающая улыбка».

Вердикт «красивый-некрасивый» в Корее выносится и детям.

Мне приходилось часто слышать комплименты дочке: «Ой, какая она у вас красивая!» Честно говоря, радости это у меня не вызывало. Хвалить детей за красоту, да еще в глаза, в России не принято. Нет во внешности ни заслуги, ни вины ребенка. Скорее мы назовем малыша милым, забавным, хорошеньким. А красота — могут ли быть некрасивыми дети?

Но постепенно я почувствовала, что характеристика «красивый» в Корее имеет многослойный смысл. «Красивый» означает и хорошо воспитанный, нарядный, приличный, аккуратный. Вот почему с этим словом существует много сопутствующих

выражений, звучащих по-русски чуть странно: «Мать воспитала ее красиво», «надень кофточку красиво», «поправь скатерть красиво», «попроси красиво» и проч. В щедрых похвалах красоте западных детей корейцы, думаю, скорее выражают свое удивление необычной внешностью. «Какая красивая! Как кукла!» — часто слышала я про Машу. И действительно — куклы, которыми играют корейские девочки, в большинстве своем почему-то голубоглазые блондинки. Наверное, поэтому не раз и не два корейские дети в метро пытались потрогать мои европейские глаза пальчиками.

Однако только традициями ситуацию объяснить нельзя. Всеобщая озабоченность корейцев красотой имеет, на мой взгляд, и другие, более современные причины. Дело в том, что Корея — это довольно конкурентное, жесткое общество, где расслабон и фан немислимы на любом уровне. Внешний вид в подобных обществах всегда является важным фактором. Даже если конкретный человек, домохозяйка, например, не участвует в общественной жизни, она не может перестать следить за собой, опуститься ниже какого-то уровня — а окружающее общество держит планку высоко. Это тебе не благодушно-сонная, дачно-социалистическая Австралия. В книге, написанной одной корейской домохозяйкой после развода, я прочла замечание: «Как хорошо, как свободно мне теперь! Можно ходить по дому в халате, без косметики!» Австралийки, которые разгуливают по центральным улицам Канберры в разношенных мужских сандалетах и выцветших футболках, ее облегчения, думаю, не поняли бы.

Да, строгие каноны красоты делают Корею страной красивых, нарядных людей, на которых приятно смотреть. Но как чувствуют себя эти люди внутри жестких стандартов? Как свидетельствуют признания этой домохозяйки, не особенно комфортно — постоянно ощущается необходимость подстегивать себя. Если бы для этого требовались одна косметика и нарядная одежда, ничего плохого в этом, наверное бы, не было. Но обязательные стандарты в Корее распространяются и на длину ног, форму носа и подбородка... Можно только догадываться, в каком психологическом аду живут в Корее те, кто не может соответствовать общепринятым нормам при всем желании: крупные от природы девушки, низкорослые мужчины. В мае 2000 года в Сеуле проводился телеконкурс «Антимисс Корея». Его участницами стали женщины, которые не подходят под стандарты журналов мод. Они пытались доказать, что нельзя вгонять людей, как в колодки, в одинаковые сантиметры и килограммы. (Одна полная девушка с горечью процитировала свою мать: «Если на тебя не налезает одежда, ты должна натянуть ее на себя».) Что у обаяния нет стандартов, и талант, чувство юмора, интеллект, уверенность в себе делают человека привлекательным. Как и следовало ожидать, никому и ничего они не доказали.

Глава седьмая

У природы нет плохой погоды, или психология возраста в Корее

Мудрость профессора Преображенского

Пожив в Корее, я стала замечать у своих соотечественников одну особенность, о которой никогда раньше не думала, — боязнь старости. Назовем ее условно геронтофобией.

Судите сами. Большую часть сознательной жизни наш человек проводит в бессмысленной тревоге о своем возрасте. Лет с 25 (в провинции — и того раньше) человека начинает одолевать паническое соображение: «Годы проходят, все лучшие годы... я уже не тот (не та)». Притом, что жизнь вроде не прожигает. Наоборот. Избавляется от юношеских прыщей и комплексов. Учится властвовать собой и зарабатывать деньги. Делает карьеру и растит детей. Отлично солит огурцы. Сооружает на даче неземной красоты сортир. Художественно рассказывает внукам сказки.

Однако затраченное на эти дела и, естественно, проходящее время почему-то вызывает в его сердце мистический ужас. Нашему человеку все время кажется, что он что-то прошляпил, упустил, что его медленно, но верно вытесняют с какого-то праздника жизни.

В данном случае россияне демонстрируют типично западные черты поведения в их традиционном варианте — культ молодости для европейского сознания традиционен. (Сейчас, правда, отношение к пожилому возрасту на Западе меняется в связи с общим постарением населения и улучшением качества жизни пожилых людей, однако Россия эту тенденцию пока не принимает.)

Поиск средства «вечной молодости» — излюбленный мотив западной литературы. Фауст, алхимики, профессор Преображенский из «Собачьего сердца» ... Все, казалось бы, понятно — что может быть лучше и желаннее весны? Заметим, однако, что среди клиентов Филиппа Филипповича преобладают на редкость похабные личности. А сам себе никаких «яичников обезьяны» профессор не вставляет. Почему? Да потому что ему это совершенно не нужно. Седая борода, лысина и морщины не мешают профессору наслаждаться своим бытием — качественно делать свое дело, зарабатывать хорошие деньги, слушать «Аиду» в Большом театре и вкушать за обедом деликатесы. В отличие от своих клиентов, булгаковский герой умеет получать удовольствие от жизни здесь и сейчас. И поэтому, несмотря на все приметы старости, он удивительно симпатичен.

Так же, как и профессор Преображенский, корейцы умеют жить в своем возрасте — уверенно и спокойно. Различие с западной традицией заметно уже при первом знакомстве. В Корее после получения информации об имени и национальности следует неизменное: «Сколько вам лет?» Сами корейцы называют свой возраст, как имя, — просто, без заминок. Реакция же западной женщины бывает такова, что не остается сомнения: публичный вопрос о регулярности стула — и тот не смутил бы ее в такой степени. «Почему?» — недоумевают корейцы. Действительно, непонятно. Кто, как не воинствующий геронтофоб, пустил это нелепое правило приличия? Кто сделал возраст больной и запретной темой?

Геронтофобия после 25 лет приходит к нам не на пустое место. До этого совсем недавно — лет 8 назад — у нас уже были похожие страдания. Что грудь и прочие прелести — малы, что не умеем целоваться и не изобретательны в любви... Короче говоря

Что слишком молоды

Этот недостаток наши подростки зачастую стараются компенсировать избытком косметики и сексуальных контактов. Корейские же тинэйджеры — дети в полном смысле этого слова — разительно отличаются от своих западных ровесников. В то время как на Западе воспитатели мучаются вопросом — когда начинать учить ребенка пользоваться презервативом (в 12 лет? или все-таки в 15?), — корейские подростки мирно готовятся к экзаменам, щебечут об учителях и уроках и, кажется, не торопятся покинуть уютную гавань детства. Они — как бутоны, которые спокойно созревают и не стремятся быстрее развернуться в полный цвет. Они не торопят время.

Их матери, в свою очередь, не стараются время задержать. Им непонятна западная притча во языцех — страдания женщины в бальзаковском возрасте. Молодящаяся ...-летняя мадам в поисках любовных приключений — это распространенный комический персонаж корейских сериалов. Нормальные женщины здесь проживают свои бальзаковские годы достойно и с удовольствием. И если вы придете домой к корейцам, то хозяйка, конечно, покажут вам свою давнюю свадебную фотографию (обычно она висит на стене). Но, рассказывая о том далеком времени, хозяйка не будет вздыхать, вспоминая, какая она была хорошенькая.

Скорее всего, она вспомнит, как мало зарабатывал тогда муж и как было тяжело жить вместе со свекровью. Что же касается удовольствий в среднем и пожилом возрасте, то их у корейцев много. Походы в горы и тусовки в церкви, курсы кулинарии и английского языка, бадминтон и аэробика... Корейские женщины живут достаточно насыщенной жизнью. И пусть не введут вас в заблуждение их клетчатые штаны в комплекте с кофточкой в горошек. Этот жутковатый ансамбль, как и завивка мелким бесом, — опознавательные знаки их принадлежности к славному племени замужних женщин-аджум. Наряд этот тщательно подобран в соответствии с их вкусом и возрастной эстетикой и вовсе не свидетельствует об отсутствии денег или фантазии. (Видели бы вы, как придирчиво выбирает аджумма в магазине из кучи полосатых штанов самые полосатые!)

Корейка в бальзаковском возрасте — не подавленная геронтофобка, озабоченная своими морщинами и целлюлитом, а веселая, жизнерадостная, полная интереса к окружающему женщина. Одно время я часто встречала в бассейне компанию аджум. Казалось, что над дорожкой, по которой они плавали стайей, поднимается радуга — столько было детского визга и брызг, столько радости. Плавать тетушки так и не научились. Но хохотать и плескаться в свое удовольствие это им не мешало.

Конечно, эти женщины уже не были тоненькими грациями, как 20 лет назад. Не знаю, нравились ли они мужчинам. Но одно можно сказать наверняка — психологически это были совершенно здоровые люди, безо всяких комплексов и фобий. Их самооценка была в полном порядке, отношение к жизни — позитивным и уверенным. А счастье, как известно, каждый носит в самом себе.

Почему в Корее нет «плохой погоды»

Наверное, отчасти причиной этому является традиционная философия. Корейцы часто задают иностранцам вопрос: «В вашей стране есть, как в Корее, четыре времени года?» Для них эта информация имеет особый смысл. Корейцам не нужна вечная весна. Не нужно, чтобы вокруг было только тепло, солнечно и над головой зрел кокос. Их влечет постоянное изменение и вечное движение бытия. Жизнь — как единый цикл и круг. Философская традиция Дальнего Востока соединяет жизнь в общую цепь, в которой

имеет значение и ничтожнейшая букашка. Философия эта пронизывает всю повседневную жизнь народа. Как в традиционной медицине корейцы лечат не отдельную болезнь, а организм в целом, как в природе любят смену времен года, так и человеческая жизнь для них — это единый круг, состоящий из равноценных звеньев: молодости, зрелости и старости. И для них бессмысленно бояться или боготворить какое-то одно звено вечного круга жизни.

Однако одной только философией ситуацию не объяснишь.

Спокойно-позитивное отношение к возрасту подкрепляется и особым устройством корейского общества. Дело не только в пресловутом восточном уважении к старости, традиционно поддерживаемом государством, или любви к детям, тоже всячески поощряемой обществом, но и в том еще, что возраст в Корее как бы фиксируется различными социальными институтами. В Корее все жизненные перемены должны свершаться в определенное время. В определенное время ты должен поступить в институт. В определенное время жениться. В определенном возрасте родить определенное количество детей и выбрать профессию.

Человек в Корее существует в пробитой раз и навсегда колее.

Каждый возраст связан с общественно санкционированными движениями его жизни. Для того, кто делает все в общепринятый срок, нет никаких причин для беспокойств или неудовольствий. Он никогда не почувствует себя слишком молодым или слишком старым. Другое дело — отстающий от общепринятых сроков или опережающий их. 35-летний студент, 40-летняя аспирантка, 18-летний жених, 30-летний руководитель фирмы или 45-летний сотрудник на курсах повышения квалификации — это резкий общественный диссонанс. Все эти люди — редкие исключения из правил — находятся под равно тяжелым общественным давлением. Такой человек в Корее испытает страх старости или молодости во всей его полноте.

Однако исключений в Корее мало, люди стараются жить по правилам и вписываться в общую систему. И тот, кто вписался, кажется вполне довольным жизнью.

Корейские старики

Об отношении к старикам в Корее меня часто спрашивали, потому что в азиатской стране россияне ожидают увидеть что-то вроде всевластных седобородых аксакалов, одно движение бровей которых решает — казнить или миловать. Однако ситуация в Корее несколько отлична от знакомой нам среднеазиатской.

Стариков в Корее, как и в других странах конфуцианского Дальнего Востока, глубоко уважают. Однако отношение это не похоже на «Божий страх» перед престарелым повелителем душ.

Старики здесь не играют особо важной роли в сфере общественной, в политике или экономике. Почтенный возраст политического деятеля может скорее, наоборот, служить поводом для нападок соперников — дескать, человек старый, силы не те, ему уже отдыхать пора, как говорили о президенте Ким Дэ Чжуне накануне выборов его политические конкуренты (жизнь показала, однако, что это один из самых активных президентов за всю историю страны). Старики не руководят в Корее и семьями — это дело старшего сына. Конечно, и в обществе, и в семье они обладают моральным весом, и одно присутствие или тихое слово незнакомого старика способно урезонить самого вульгарного уличного скандалиста — ему просто станет стыдно. Однако все же уважение к старикам в Корее близко не субординационной почтительности «по

должности», а скорее к более теплым чувствам — к любви, благодарности за проделанный труд. Пожилых людей здесь нежат и балуют — как мы балуем детей.

Старики в Корее поражают своей ухоженностью. Они одеты не просто чисто — стильно. У них своя мода, над которой работает целая индустрия. В Корее изготавливается удивительно удобная обувь для пожилых людей (когда моя подруга привезла эти туфли своей маме, та просто пришла в восторг). Шьют для них и специальную одежду, близкую по покрою к ханбоку (национальному костюму Кореи). В частности, это кофты из любимой корейскими стариками ткани — рами {23 Рами по-русски часто называют индийской коноплей, но это неверное название. По-научному, рами — «китайская крапива», принадлежит к семейству крапивных. Полотно из рами прочное, в три раза прочнее, чем конопляное. Кстати говоря, и известная в России и на Западе крапива двудомная тоже когда-то использовалась для прядения. Отголоски этой традиции прослеживаются в сказке Андерсена «Дикие лебеди»}. Ткань эта довольно груба на ощупь, однако хорошо вентилируется, и для жаркой погоды, по мнению корейцев, ничего лучшего не надо.

Зимой пожилые корейцы носят комфортную, теплую одежду ярких цветов и выглядят очень нарядно.

Пожилые люди в Корее регулярно посещают парикмахерские, красят или завивают волосы, а в банях часто можно видеть, как совсем ветхая старушка со знанием дела накладывает маску на лицо. Носят старики и золотые украшения, очки в дорогих оправках, многие пользуются косметикой. Все это покупают им члены семьи: для молодых считается делом чести ухаживать за стариком самым лучшим образом.

Одним из основных долгов корейца перед родителями считается достойное проведение «хвангапа», то есть 60-летней годовщины рождения отца. Юбилей этот отмечается пышно, ощутимо опустошая банковские счета детей. Нечего и говорить о том, что в семье старый человек живет до самой смерти, ни один нормальный сын не сдаст его в дом престарелых — худшего позора для семьи представить нельзя.

Общество всячески культивирует бережное отношение к старикам. Например, в парке около центра развлечений Лотте, где любят собираться старики, можно увидеть трогательные надписи: «Все мы любим наших дедушек и бабушек. Здесь тоже отдыхают чьи-то дедушки и бабушки. Не будем же им мешать». В Корее есть специальные места стариковских «тусовок» (самый известный — парк «Пагода» в центре Сеула), куда старики приходят пообщаться, поиграть в падук (го), послушать бесплатный концерт традиционной музыки и потанцевать. Местная администрация организует для стариков бесплатные курсы, на которых они занимаются специальной зарядкой, пением, играют в интеллектуальные игры под наблюдением инструкторов. Цель этих развлечений: развивать память (!), помочь избавиться от старческой забывчивости. Для этой же цели многие пожилые люди на старости лет начинают учить иностранные языки, заучивают названия столиц мира и проч. Пожилые люди в Корее занимаются посильным спортом, ходят на выставки, в горы своими стариковскими компаниями. В зоопарк, во многие музеи и парки люди старше 65 (и младше пяти) проходят бесплатно, то есть дед и внук могут развлечься вместе. Правда, на особо опасные аттракционы обе категории населения не допускаются. Часто это вызывает их бурный протест по поводу такой «дискриминации» — им же тоже хочется повисеть вниз головой!

Уважительное отношение к пожилым людям в Корее идет из глубины веков и сохранилось доныне, несмотря на всю глобализацию и западное влияние. Правда, в газетах встречаешь порой сентенции типа: «Эх, молодежь пошла не та». Например,

однажды прочла я заметку о том, как невестка издевается над свекром: он попросил ее как-то налить чаю, а занятая другими делами женщина ответила: «Наливайте сами, папаша, мне некогда». Авторы заметки буквально кипели по поводу непочтительной злодейки невестки. Что тут можно сказать? Только вздохнуть — нам бы их проблемы...

Глава восьмая

Парадоксы корейской бережливости

Страна Плюшкиных?

Ни о чем, пожалуй, в Корее не говорят с таким энтузиазмом, как об экономии и бережливости, рачительности и хозяйском подходе. «Экономия, экономия» — эти слова рефреном звучат со страниц корейских газет, льются с экранов телевизоров, внушаются красотками с рекламных роликов. «Дорогие услуги», «только для богатых клиентов» — эти обычные для российского рекламного рынка словосочетания в Корее встретить невозможно — для корейца они прозвучали бы самоубийственной бессмыслицей.

Бережливость здесь традиционно почитается. Более того, она объявлена национальной добродетелью, которой наряду с трудолюбием корейцы обязаны своим экономическим чудом. Любой мало-мальски обеспеченный человек не преминет заметить в разговоре, что его благосостояние — плод не сумасшедших заработков, а экономного ведения хозяйства. В корейской печати периодически публикуются статьи о пользе бережливости. Как-то мне довелось прочесть об идеальной семье имярек, где все жили очень экономно, глава семьи за 20 лет не купил себе ни одного костюма, дети «не знали, что такое баловство» (читай — ни мороженого, ни игрушек, ни денег на карманные расходы), и в результате за 20 лет из скромных доходов мелкого служащего (в семье с двумя детьми работал только отец) скопили на собственный дом.

Понятно, что мясо и рыбу в семье фактически не видели.

Подобная история, способная бросить русского человека в дрожь, для корейца представляется примером для подражания.

Еще бы! В отличие от россиянина, кореец с гордостью заявит вам, что в его семье всегда экономят на еде. Самый большой шок, который заезжий гость с земли корейской получает в Москве, — это созерцание того количества мяса, которое ежедневно съедает средний россиянин. Кореец мясо относит к предметам роскоши (оно здесь чуть дороже остальных продуктов, однако даже для моего скромного бюджета было вовсе не смертельно). Этим объясняется вызывающий недоумение западных иностранцев частый вопрос: «Сколько раз в неделю вы едите мясо?» Когда один мой знакомый российский преподаватель здесь, в Корее, честно ответил: «Три раза в день», — то вверх спрашивающих в глубокий ступор (видимо, это было равносильно признанию в том, что он пользуется золотым унитазом).

Во время недавнего экономического кризиса в Корее о бережливости заговорили с удвоенной силой. В эфир пошли разнообразные экзотические советы — например, покупать мужу не белые, а цветные рубашки (чтобы часто не стирать и экономить порошок), рекомендации перелицовывать пиджаки, обновлять кофточки путем перешивания пуговиц... Помню один из выпусков передачи «Ежедневная экономика» с участием известной корейской кинозвезды. Звезда, женщина явно небедная, продемонстрировала свою «домашнюю бережливость». Вот заклеенные клейкой лентой старые тапочки. Вот стиральная машина б/у — ну и что, что тарыхтит и не автоматическая, работает же! Вот кофточка секонд-хенд — приколола новую брошечку, и она как новая. Вот старая поцарапанная машина... На мой взгляд, звезде было место не на голубом экране, а в психиатрической лечебнице (надо знать, как доступны в Корее, несмотря на все экономические кризисы, и машины, и тапочки). Корейские же аджуммы в зале смотрели шоу как замороженные — актриса явно набирала очки в их глазах.

Да, кинозвезда попала в точку. Для корейской домохозяйки нет темы занимательней, чем «что почем», и размышлений о том, что и где купить повыгоднее. Даты распродаж во всех окрестных универмагах она знает тверже Библии. Даже если выгода составит 300 вон, корейская хозяйка не поленится за этими воннами проехать на рынок — благо, что свободного времени у нее хоть отбавляй. Как и душевного увлечения самим процессом: экономия — это ее поэзия, ее песня, которой активно подпекает общественное мнение. И не случайно. Ведь подразумевается, что большинство корейнок — домохозяйки, и единственный вклад, который они могут сделать в семейный бюджет, — это не зарабатывать самим, а свирепо экономить каждую копейку мужа. Корейская семейная структура устроена таким образом, что всеми деньгами в семье распоряжается женщина — муж обязан ей отдавать все до копейки, а ее дело — тратить эти деньги выгоднейшим образом. (Распространенный отрицательный персонаж старых корейских романов — это транжира-хозяйка, которая пускает по ветру все состояние семьи.) Умение экономить ставится во главу угла традиционного семейного воспитания девочки в Корее.

Экономия, экономия... Значит, с тоской скажет русский читатель, корейцы расчетливы и прижимисты, широкие жесты и высокие полеты души им неведомы? Скажет — и ошибется. Потому что на деле все происходит...

С точностью до наоборот

Если так экономны корейские домохозяйки, то откуда берутся толпы народа в дорогих универмагах по воскресеньям, и не только во время распродаж? Понаехали иностранцы с сумасшедшими деньгами? Да нет, иностранцы-то как раз в основном отовариваются на дешевых оптовых рынках (качество товаров там отличается ненамного). А сумасшедшие деньги за фирменный ярлычок на детских ползунках где-нибудь в «Лотте» платят как раз корейцы.

Ну, ладно, дети — дело святое. Но взгляните, как дорого одеваются здесь и взрослые: никаких перешитых пуговиц или перелицованных пиджачков на улицах Сеула вы не найдете. Посчитайте как-нибудь на досуге количество обуви у любой вашей корейской знакомой — той самой, которая так рачительно экономит 300 вон на картошке. Все эти бесчисленные туфельки предназначены на один сезон, и практически новую обувь и одежду корейцы безжалостно выбрасывают. Машину, по докризисной статистике, корейская семья среднего достатка меняла раз в два-три года. Что же касается злополучного мяса... Может быть, дома его корейцы едят не особенно часто

(подозреваю, что просто не любят так, как рыбу и морепродукты, — на дары моря, которые порой значительно дороже мяса, деньги здесь тратят охотно). Но в рестораны корейцы ходят несравнимо чаще среднего россиянина, и там это самое мясо едят в тех же количествах, что и мы, если не больше. Не говоря уже об их удивительной привычке угощать в ресторанах всех и вся.

Загадочный мистер Ч. и другие

Последнее обстоятельство часто ставит в тупик иностранцев, как оно поначалу озадачивало и меня. Будучи уроженкой России с ее известными принципами: «Развернись, плечо, раззудись, рука», я тем не менее твердо усвоила с юности неизблемую истину — если молодую женщину приглашает в ресторан молодой мужчина, то делает он это с весьма определенными целями. А иначе — зачем ему это надо? С этой установкой («кто девушку платит, тот ее и танцует») я приехала в Корею, где меня неожиданно часто стали приглашать в рестораны мужчины разных степеней молодости. «Танцевать» ни с кем из них в мои планы не входило, а потому я под различными предлогами отказывалась от приглашений. Но однажды один из приглашателей пристал особенно клейко. Все мои отговорки не помогали — 32-летнему мистеру Ч. позарез хотелось поужинать со мной в пятницу вечером. Ну что ж, если он такой непонятливый, пусть пеняет на себя, решила я. И отправилась с ним в ресторан, по пути придумывая, как вежливо, но решительно отфутболить Ч. после ужина: так, чтобы, с одной стороны, не задеть чувствительную восточную натуру моего спутника, а с другой — быть готовой в случае чего нанести ему удар в коленную чашечку.

Вечер был прекрасным. Мы, по корейскому обычаю, переходили из ресторана в ресторан, ели, пили пиво и кофе. Знакомый затевал разговоры о Достоевском и корейских национальных танцах, вспоминал о школе и армии, рассказывал о своей семье...

Засиделись мы допоздна, и мистер Ч. на такси доставил меня в мое родное общежитие. На пороге он долго жал мне руку и благодарил за приятный вечер. Все.

Я была уверена, что дело на этом не закончится. Что ему от меня все-таки что-то надо. Что через недельку он либо попросит бесплатно перевести ему диссертацию, либо начнет вербовать в корейскую разведку. Но за пять лет, прошедших с того ужина, он ни о чем нехорошем меня так и не попросил, и я рискну предположить: он, небогатый служащий фирмы, потратил довольно приличную сумму денег просто потому, что ему хотелось со мной поболтать.

Со временем до меня стало доходить, что приглашение в ресторан в Корею есть не более чем приглашение в ресторан. Пригласить пообедать, поужинать, выпить пива или поесть булочек в «Данкин-донатсе» безо всяких коварных намерений может не только молодой холостяк вроде мистера Ч., но и университетская приятельница. Тебя пригласят — и за тебя заплатят. Такая ситуация в Корею совершенно нормальна, что подтверждает не только мой личный опыт. Корейцы платят в ресторанах за друзей и коллег постоянно. Это рассматривается как почетная обязанность, и того, кто из соображений экономии попытается от нее уклониться, общественность резко осудит. Характерна в этом отношении презрительная шутка о сеульцах, которая бытует среди жителей Пусана («столичных штучек», как и везде в мире, остальное население страны недолюбливает): «Когда в ресторане настает время платить, пусанец выхватывает кошелек, а сеулец лезет под стол завязывать ботинки». За честь заплатить в ресторане

корейские мужчины буквально сражаются друг с другом, и всерьез. Программа новостей не раз сообщала о случаях, когда в такие разборки приходилось вмешиваться полиции: оба участника застолья изрядно молотили друг друга, доказывая, кто из них самый щедрый и благородный.

Любопытно, не правда ли? Как-то не вяжется с советом корейской телезвезды заклеивать изолентой старые тапочки.

Трудно быть бережливым

Мне кажется, что к бережливости как своей национальной черте корейцы относятся примерно, как к народной музыке пхансори. То есть ее все восхваляют, уважают, почитают, да что там — горло перегрызут тому, кто осмелится усомниться и покуситься... А саму музыку никто не слушает. Так же и с бережливостью.

Да, корейский народ будет искренне восхищаться подвигом семьи имярек, задушившей себя и детей в тисках экономии ради приобретения дома под старость. Но сам народ втихую будет жить иначе. Будет транжирить деньги на дружеские посиделки за бутылочкой сочжу, будет по выходным ходить в дорогие парки отдыха и покупать визжащим от восторга детям ненужные побрякушки, а жене — очередную кофточку, о которой она твердит еще с пятницы, будет отводить душу в ресторанчиках с деликатесами...

Корейцев можно понять. В стремительно богатеющей стране с отлично развитой индустрией моды и развлечений, где тебя, кроме всего прочего, не особо душат налоги, трудно добровольно надеть на себя вериги скопидомства. Трудно заставить себя жить так, как жили родители в голодные 60-е годы — отказывая себе во всем ради туманного будущего.

Если судить по корейским средствам массовой информации, то подобный подход к жизни для корейцев — явление новое. В печати то и дело мелькают статистические данные о том, что за последние годы корейцы стали откладывать меньше денег, и эти данные расцениваются как тревожные. Есть здесь такой распространенный рекламный сюжет — огромная лягушка, в прозрачном брюшке которой скопились телевизоры, стиральные машинки, предметы роскоши. Она вот-вот лопнет от жадности. Эта лягушка символизирует т. н. «квасоби» (букв. перепотребление), то есть избыточное потребление всего вообще, но в особенности дорогостоящих иностранных товаров, а также широко распространившиеся поездки населения за рубеж — то есть те расходы, которые связаны с утечкой валюты из страны. Общественные организации традиционалистского толка считают квасоби страшным злом, разрушающим не только экономическую стабильность страны, но и национальный дух народа. С квасоби они стараются бороться — вызывают через прессу к патриотическим чувствам, призывают потребителей к бойкоту то американских сигарет (долгое время огромный плакат с заклинанием не покупать «внешней» водки и табака развевался над столичной улицей Чонно), то японской аппаратуры, то французского нижнего белья.

Кого-то эти призывы, вероятно, задевают за живое. Помню, как возмущался по поводу последней статьи расхода наш пожилой профессор, преподававший на лингвистических курсах в Сеульском университете: «Ну ладно еще потратиться на дорогой костюм! — кипятился он. — А то ведь срам сказать — трусы! Их же никто не видит!» Но профессор — что? Ему французских бюстгальтеров не носить. Юные же покупательницы с профессором, конечно, теоретически согласны — они в университетах нынче учатся, наслышаны об экономическом кризисе, да и мама учит не

транжирить деньги. Но глазки сами собой так и загораются у прилавков с нежным, шелковым, душисто-нездешним... Или взять японскую аппаратуру. Любой аджосси тебе убежденно скажет, что японцы — сволочи, угнетатели корейской независимости в прошлом, а сейчас — дутые лидеры региона, корейская промышленность замечательная, вот-вот их обгонит... Но фотографировать и слушать музыку патриотический аджосси почему-то предпочтет при помощи вражеской техники и при первой же возможности поедет за ней в шоп-тур в Гонконг, потратив на это свой короткий отпуск.

Так что пока усилия по борьбе с квасоби особого успеха не имеют. Трудно сказать, хорошо это или нет. Может быть, валюту побережь и стоит (хотя это слишком похоже на благое пожелание). Но если народ вдруг внемлет призывам к тотальной экономии и действительно начнет перелицовывать пиджаки, то пострадает и корейская экономика — огромный рынок товаров и услуг просто лишится потребителя. А с другой стороны, уменьшение личных накоплений тоже вещь опасная. Ведь они — единственный буфер для человека в стране, где не развита система социального обеспечения. В Корее нет фактически ни пенсий, ни пособий по безработице, и недавний экономический кризис показал, что уволенные в результате сокращений люди могут рассчитывать только на себя.

Пока же экономисты и общественные деятели ломают копыя, разбираясь во всех этих тонкостях, народ живет в свое удовольствие. И более того — сравнивая себя с другими народами, корейцы по-прежнему гордятся своей бережливостью. Как сказал мне однажды на уроке корейский студент: «Мы очень экономны. Мы ведь никогда не бьем хрустальные бокалы об пол на свадьбах, как это принято в России».

Глава девятая

Скованные одной цепью (о корейской семейной системе)

Корейская семейная система в немалой степени отличается не только от западной, но и от российской. Наша привычная нуклеарная «папа-мама-я-дружная семья» — в Корее будет смотреться по меньшей мере убого. В корейскую семейную схему на правах самых важных действующих лиц включены не только бабушки и дедушки, но и племянники, зятья, девери, золовки, всякие двоюродные тетки — сами названия которых в современной

России известны только писателям-деревенщикам.

В России к новым родственникам, которых человек получает после свадьбы, относятся как к бесплатному приложению к супругу. Сложатся с ними отношения — хорошо, не сложатся — тоже не беда. Можно снять квартиру, уйти к маме, уехать, в конце концов, на Крайний Север — иными словами, от них можно отделиться и никогда в жизни не общаться. Общественное мнение молодых не осудит — у них своя жизнь, своя семья. В Корее, однако, дела обстоят совершенно иначе. Связи с родственниками составляют львиную долю всех человеческих связей корейцев. С родственниками проводят

праздники и выходные, с родственниками делятся горем и радостью, к родственникам бегут за помощью.

Брак в Корее — это не личное дело молодых, как на Западе, где родителей на свадьбу только приглашают, а деловое предприятие обеих семей. Дочерей здесь по-прежнему выдают замуж, а сыновей женят — часто на том, кого подыскали мама с папой (они же и будут оплачивать очень немалые свадебные расходы). Даже если молодые нашли друг друга сами — родители с обеих сторон должны наложить положительную резолюцию.

Иначе не миновать крупных неприятностей с лишением наследства, родительскими проклятиями и т. д. Западных иностранцев такой подход к делу ужасает. Корейский организованный брак они считают родимым пятном феодализма, социальной проблемой, с которой всякий прогрессивный человек обязан бороться. Корейская же молодежь смотрит на дело куда спокойней и парирует нападки осторожными аргументами в стиле: свобода выбора — это, конечно, хорошо, но мы, мол, еще молодые да зеленые, в головах туман, сами разобраться не можем, а старшие жизнь прожили. И вообще молодой человек в Корее сегодня слишком занят работой и учебой, на общение ему не хватает времени, а жениться все равно надо (да, надо — не больше и не меньше. Это одно из обязательств человека перед родом в Корее). Так вот, чтоб невзначай не выбрать кого попало, лучше уж родителям выбор доверить — они плохого не посоветуют.

Американцев такие ответы опять же ужасают, они начинают обвинять корейское общество в диктаторском подавлении личности молодых, тирании стариков и прочих грехах. На мой же взгляд, ни о какой диктатуре и тиранинстве здесь речи не идет.

Все обстоит и проще, и сложнее.

Женясь или выйдя замуж, вы в Корее становитесь частью нового семейного клана. Новые семейные связи будут играть в вашей жизни решающую роль. Так что ж удивляться тому, что семейный клан должен сначала одобрить вашу кандидатуру, прежде чем принимать в свои ряды? Еще неизвестно, кто будет в Корее оказывать большее влияние на вашу жизнь — муж, который до глубокой ночи пропадает на работе, или свекровь, под руководством которой вам целый день предстоит крутиться на кухне.

От тесных родовых, клановых связей молодые корейцы в массе своей вовсе не стремятся отказаться. Ведь это сулит человеку немало выгод. Если вы попадете в больницу, останетесь без денег, то безусловно можете рассчитывать на помощь многочисленной родни. Если супруг загулял или запил, то жене вовсе не обязательно бороться с ним своими слабыми женскими силами — достаточно кликнуть на помощь многочисленный клан родственников, и блудного мужа тут же урезонит старший брат, свёкр или кто-то столь же внушительный. Если жена пошла работать, то никаких проблем с няньками для малыша перед супругами не встает, ибо сидеть с младенцем с готовностью будут бабушки, тетки и прочие золовки. Если человек состарился, то его (за редчайшим исключением) не сдадут в дом престарелых — допокаивать его на старости лет будут внуки и правнуки. Короче говоря, тем людям, которым дороже всего ощущение безопасности и стабильности, корейская семейная система подходит больше всего.

Однако за все в жизни приходится платить, в том числе и за стабильность и безопасность. Платить приходится самым дорогим — личной свободой.

Одна знакомая русская жена корейца как-то сказала мне, что во всей ее семейной жизни самое тяжелое — это не разница менталитета с супругом, не разница языков — ко всему этому она со временем приспособилась. Хуже всего — коллективные семейные праздники (лунный новый год, праздник урожая чхусок), во время которых ей с семьей необходимо приезжать к родителям мужа в другой город. Там собираются толпы родственников, приходится по целым дням крутиться на кухне, бесконечно готовя для всей этой оравы, которая набивается в небольшой дом свекра. Дети от шума, грохота, табачного дыма не высыпаются, капризничают. Ей и детям эти поездки в тягость. Но отказаться от них невозможно — это немислимое нарушение семейного этикета.

Чувства моей русской знакомой разделяют и многие молодые кореянки. Тему «праздничного рабства на кухне» в последнее время часто обсуждают в корейской прессе. Мне довелось как-то прочесть об одной смелой аджумме, которая решительно отказалась ехать к родне на праздники и вместо этого ввела в семье другую традицию — вместе с детьми и мужем они в

Новый год и на чхусок отправляются в горы или к морю. Стариков своих они не забросили — просто решили ездить к ним в другие дни, «на усобицу». Естественно, так просто это своеволие женщине с рук не сошло — ей пришлось перессориться со всей родней.

Свекровь—невестка

Однако изматывающие праздники, неизбежные посещения бесчисленных свадеб, родин и крестин, обязательное заквашивание капусты в доме троюродной тетки и прочие изнурительные, но одноразовые мероприятия все-таки ничто по сравнению с тем регулярным бременем, которое несет человек в большой корейской семье, живущей вместе. Отношения, которые связывают его с родственниками, являются поконфуциански иерархичными. В первую очередь это касается классических и для России отношений свекровь—невестка.

По традиции, сохраняемой и ныне во многих корейских семьях, старший или просто единственный сын в семье должен, женившись, обязательно жить со своими родителями, в особенности на первых порах. Объясняется это тем, что молодая жена должна научиться «атмосфере» мужниного дома. В реальности это означает, что молодая женщина полностью попадает под власть новой родни. Недаром в Корее широко известна поговорка: «Три года глухая, три года немая» — так характеризуется молодая жена, которая, войдя в дом, обязана не рассуждая, с рабской покорностью следовать указаниям своей новой семьи. Эту же цель — полностью подчинить невестку диктату нового клана — преследовала старая традиция: первые три года после замужества женщина не должна общаться со своими родными.

Сейчас жизнь изменилась, отрезать женщину от мира полностью не получается. Однако до сих пор не приветствуется тесный контакт молодой жены со своей родней. В частности, она не должна вести со своими родителями по телефону долгие разговоры, слишком часто к ним ездить. Переночевать у матери считается верхом неприличия: считается, что новая «мать» и «отец» на этот период остаются без заботы и присмотра, а это — крайний моветон. Понятно, что здесь налицо пережиток старой морали: «отцу» и «матери» молодых никак не больше 60, а в наше время — это вполне сильный и здоровый возраст, при котором сиделка еще не нужна.

Как видим, к невестке в корейской семье предъявляются весьма жесткие требования. Конечно, все зависит от ситуации — может быть, ей повезет и попадутся нормальные люди. А если нет?

Тогда делать ничего не остается, как только плакать в подушку.

Своим родителям жаловаться на мужнину родню считается стыдно.

У мужа попросить защиты от его же мамы женщина не может — нормальный корейский сын ни при каких обстоятельствах не выступит против матери. Эта ситуация настолько распространена, что вошла даже в учебники корейского языка для иностранцев в университете Ёнсе. В предлагаемом в учебнике диалоге жена жалуется мужу на то, что ей приходится уже 10 лет всячески подлаживаться к его матери, что она даже не может купить ту кофточку, которая ей нравится, без ее согласия, что единственное, что ей хочется, — пожить своей семьей отдельно. Муж из учебника сурово гасит эти жалобы, предлагая жене молчать и терпеть.

Все эти сложности в Корее хорошо всем известны — настолько, что быть «старшим сыном в семье» для брачного кандидата сегодня невыгодно — это ныне оценивается как серьезный минус.

Разительное отличие от прошлых времен, когда быть старшей невесткой было, наоборот, престижно — все сыновья жили тогда вместе, а это означало, что дедовщина будет длиться только до того времени, как женится следующий сын, и старшая невестка начнет гонять нижеследующих.

Но так или иначе — корейки к своим свекровям как-то приспосабливаются. А вот иностранным женам корейцев, незнакомым с корейской семейной системой, сделать это намного труднее. Со своими будущими мужьями они, как правило, встречаются в других странах, в совершенно другой обстановке. Корейцы очаровывают западных женщин мягкостью, сдержанностью, деликатностью. На стадии ухаживания корейские мужчины необычайно романтичны: гулянье при луне, совместное разглядывание звезд щека к щеке, букеты цветов и прелестные безделушки вам гарантированы. Женщины влюбляются и едут в Корею, ожидая от семейной жизни примерно того же ухаживания и милой заботливости, которыми их окружают будущие мужья. Едут по зову влюбленного сердца — как правило, ничего не зная ни о стране, ни о ее семейных обычаях. Каково же вдруг услышать американской феминистке, что теперь она должна снимать пальто с мужа, а не наоборот, — чтобы не расстраивать его родителей? Что ей при встрече с новой родней предстоит опускаться на колени и кланяться до земли? Что ей не позволено поехать на Рождество проведать своих родных?

(«Ты теперь должна забыть свою семью», «ты должна сломить себя» — так говорили моей знакомой американке ее новые корейские родственники. Муж — такой милый и деликатный в Америке послушно поддакивал маме с папой). Или россиянке — что все заработанные на фирме деньги она должна до копейки отдавать новой «маме», что без ее сопровождения не должна одна выходить на улицу? Каково узнать верующей католичке-испанке, что поставить на Рождество елку для сына она не может, не говоря уже о том, чтобы пойти в церковь: ее корейская «мама» — буддистка, и с ней теперь необходимо ходить в буддистский храм. Понятно, что даже самой бурной любви к мужу в таких ситуациях у иностранок хватает ненадолго, и многие браки, увы, распадаются.

Не случайно крайне редки браки женщин-корееведов с корейцами, в отличие от распространенных случаев женитьбы мужчин-корееведов на корейках. К мужчинам женина родня в Корее относится гораздо более лояльно.

Теща—зять

Если отношения свекровь—невестка традиционно считались в Корее самыми тяжелыми и даже вошли в пословицы: «Пляшет, как невестка на похоронах свекрови», «Если долго жить, можно и смерти свекрови дожидаться» и проч., то совершенно противоположными им считаются другие семейные узы: теща—зять. В России, как известно, эти отношения являются популярной темой анекдотов, как пошлых, так и весьма кровавых. А в Корее и в пословицах, и в бытовом сознании между тещей и зятем царит вечная весна и именины сердца: «Зять — дорогой гость на 100 лет», «Чашки риса, которую накладывают зятю, хватит, чтобы накормить целую деревню — и еще останется», «Теща, встречая зятя, от радости туфли задом наперед надевает». Считается, что корейская теща любит своего зятя крепче родного сына. Причину этой необычайной любви корейцы объясняют вовсе не какими-то фрейдистскими мотивами. Корейцы считают, что таким образом теща как бы подлизывается к человеку, от которого всецело зависит судьба ее дочери, надеясь, что в ответ на ее хорошее отношение тот будет хорошо относиться к жене.

Возможно, так действительно всегда было в старой Корее.

Сегодня же ситуация выглядит не столь однозначно. Мне лично известно несколько корейских семей, где между тещей и зятем шла непрерывная изнурительная война, приведшая в одном случае к разводу молодых. Возможно, это совпадение, но во всех знакомых мне случаях зятя объясняли придирчивость тещ тем, что «она хотела принца для своей дочери, а я не принц». По всей видимости, более критическое отношение к зятям со стороны современных корейских тещ объясняется тем, что сегодня их дочери уже не так зависят от своих мужей: в современных браках можно сделать ход назад, это не та абсолютная безысходность, которая была характерна для старых семей.

Легко ли быть старшим?

Западному человеку корейская семейная система порой кажется окаменелой и застывшей, неподвластной никакому веянию времени. А вот корейские традиционалисты сегодня с тревогой пишут о том, что извечно тесные семейные связи в Корее находятся под угрозой, ибо сегодняшние корейцы расценивают их уже не столь однозначно положительно. Все больше молодых людей в Корее стремятся жить отдельно от родительской семьи — считается, что под влиянием западных идей индивидуализма.

Однако обвинять в этом только прозападную молодежь, думается, несправедливо. Процесс идет с двух сторон. Как ни странно, покажется на первый взгляд, все больше корейцев старшего поколения тоже хотят отделить молодых от себя — и далеко не из одних альтруистических соображений.

Ведь тесные семейные связи являются порой бременем не только для молодых, но и для старших — то есть тех, кто по возрасту и статусу, казалось бы, должен пользоваться исключительно привилегиями семейной иерархии. За привилегии тоже приходится платить. Старший в корейской семейной системе должен всегда и безусловно поддерживать младшего — не только морально, но и материально. От него это ожидается — и с него за это спросится. Спросится теми самыми «бесправными» молодыми, которые, казалось бы, только и делают, что бесконечно кланяются и безропотно подчиняются.

Вспоминается мне один знакомый корейский студент. У него не было домашнего компьютера. (В Корее это немыслимая ситуация — компьютеры здесь фантастически доступны.) «А что делать? — говорил он. — У меня очень неудачные родственники». В том, что у него нет компьютера, он обвинял мать и старших братьев, которые, по его мнению, не выполняют своего долга, не обеспечивают своего «младшенького» всем необходимым. Хотя компьютер самой новейшей модели сам мог бы запросто купить — заработать денег за пару месяцев летних каникул в каком-нибудь «Макдональдсе».

Моей подруге-аспирантке все время не везло с возлюбленными. Один был слишком беден, другой слишком груб, у третьего нос нехорош. «Надоели они мне все! — говорила моя подруга после очередной неудачи. — Это мама виновата, до сих пор мне хорошего жениха не нашла».

Подобный инфантилизм, увы, нередко встречается среди корейской молодежи. Неудивительно — решая за человека каждый шаг с малолетства и до поздней зрелости, корейская семья порой полностью лишает его инициативы. Она подсовывает костыли здоровому человеку, отучая его, таким образом, от способности ходить — то есть самостоятельно мыслить и действовать. Мыслят, действуют вместо великовозрастных детей весьма часто родители. И они же берут на себя всю ответственность за содеянное.

Так что быть старшим в Корее нелегко. У старшего должна за всех болеть голова. Та же свекровь, злостно тиранящая бедняжку невестку, берет на себя основную ношу обязанностей по организации общесемейного быта. Она будет учить невестку готовить и экономить деньги. Она будет возиться с внуками — младенец-внук в корейском доме обычно даже спит рядом с бабушкой. Они с мужем будут покупать молодым дом и машину.

О своем личном отдыхе, о своих личных интересах эта еще не старая женщина и не думает. Корейская пожилая чета — это тебе не американская пара 60-летних, которая устраивает себе на пенсии «второй медовый месяц», уезжая в кругосветное путешествие и позванивая детям от силы раз в месяц из какой-нибудь Западной Африки. Корейские родители молодых так надолго оставить не могут. Не говоря уже о том, что деньги на дорогостоящие развлечения тратить не будут — это все детям, внукам пойдет.

Так что семейная система в Корее — это не господство одних и покорность других, как видят порой ситуацию западные гости страны. Скорей, это одна цепь, которая связывает всех. Чаще всего эта общая связка поддерживает корейцев и помогает им, как альпинистам, идущим по обледенелому склону. Но нередко она же представляет собой ярмо на шее, которое многие современные люди — и молодые, и старые — не прочь при случае скинуть.

Глава десятая

Алкоголь и Корея

Каждое корейское лето я проводила в самом центре Сеула.

Кондиционера у меня не было, вентилятор помогал слабо, и часто ночью от жары было невозможно заснуть. Когда душная комната становилась совсем невыносимой, я, не дожидаясь рассвета, выходила на улицу и шла прогуляться по направлению к горе Намсан, которая одна среди каменных джунглей Сеула сулила зеленую прохладу и тишину.

Но мои ожидания никогда не сбывались. Прохлада была, а вот тишины и в помине не было. Гора, начиная часов с четырех, оживала человеческими голосами. Часам к пяти уже собирались толпы людей: кто гулял, кто занимался пробежкой, кто качал пресс на тренажерах. И что особенно интересно, физкультурники часто не отличались ни молодостью, ни высоким социальным положением — это были самые простые люди, вроде теток, торгующих на рынке, или дядюшек вахтеров. Выходили на утреннюю пробежку они и группами, и в одиночку. Можно было увидеть умильные картинки — например, супружескую пару стариков, которые, держась за руки, преодолевали последние метры дистанции, или дружную компанию подружек лет 60, шумно подбадривавших отстающую.

Уважение к здоровью

Да, картинки были явно нероссийские. Увидеть у нас слесаря средних лет или пожилую уборщицу на утренней гимнастике можно, пожалуй, только в произведениях социалистического реализма советских времен. А в жизни такие люди будут смотреться как сумасшедшие. Что им, делать нечего? — такова, увы, обычная и еще самая мягкая реакция нашего общественного мнения на «моржей», сыроедов, бегунов и прочих. Да что там — любому человеку, кто хоть мало-мальски следит за своим здоровьем, в России нет-нет, да доводится услышать: «дурью мается», «делать нечего».

В том, что корейцам делать «есть чего», сомнений нет. От избытка свободного времени этот народ никогда не страдал. Все «азиатские тигры» славятся своей потогонной системой труда, высасывающей у человека все силы и не оставляющие ему практически никакого досуга. Но даже те крохи, что есть, корейцы стараются использовать во благо здоровья. Немало известных мне молодых работников крупных фирм вместо обеда идут качаться на тренажерах, многие предпочитают вставать на час пораньше, чтобы сделать утреннюю пробежку или успеть сходить в бассейн: они уверены, что сон не приносит такой бодрости, как физические упражнения, насыщающие мозг кислородом.

И такова не только молодежь. «Десять тысяч шагов ежедневно!» — такого правила придерживаются в Корее многие старики. Ходить, ходить пешком как можно больше убеждают пожилых людей газеты, журналы, врачи в телепрограммах. И к ним старики прислушиваются. Ходят группами в горы, в парки, к минеральным источникам. И, как результат, отличаются завидной крепостью и молодостью. Попробуйте в горах угнаться за группой этих божьих одуванчиков в белых национальных одеждах. У вас уже перехватывает дыхание, ноги подкашиваются, а они дуют и дуют себе вперед — и хоть бы хны. Престарелый корейский поэт Со Чжон Чжу, приехавший в Москву вместе с супругой, замучил своей напряженной программой всех наших переводчиц — то к могиле Толстого ему надо, то русский лес подавай. Завидная энергия — а ведь обоим супругам было уже за восемьдесят.

Мой знакомый сотрудник «Самсунга» рассказывал про свою 80-летнюю мать, которая постоянно находится в дороге — путешествует то по одним корейским горам, то по другим. И я не удивляюсь. Таких бодрых старушек в Корее много — в бассейнах, на

уличных площадках с тренажерами, в саунах. Как-то часов в 6 утра я увидела, как перед нашим общежитием играют в бадминтон... две пожилые уборщицы — они закончили работу и решили отдохнуть.

Выглядит это удивительно, особенно если учесть, что Корею традиционно никогда не был присущ культ спорта, как, к примеру, Англии. Конечно, походы в горы корейцы практиковали и раньше, но не ради здоровья, а по необходимости: дорог в традиционной Корею было мало, лошадей практически не было, а двигаться было надо, особенно для посещения буддистских монастырей, которые из-за политических гонений всегда находились высоко в горах, в стороне от больших дорог. Так что в горы, хотя и поневоле, корейцы ходили. А вот тренажеры, теннис, бассейны, боулинг, бег по утрам — это пришло совсем недавно и быстро распространилось в народе — благодаря пропаганде здорового образа жизни. В отличие от моих ироничных соотечественников, даже пожилые корейцы к медицинской пропаганде относятся безо всяких усмешечек, с интересом и здоровым доверием. Правда, надо сказать, что в Корею все медицинские сведения тщательно выверяются, прежде чем попасть в средства массовой информации. К пропаганде здоровья никогда не примешивается реклама всяких сомнительных целителей и экстрасенсов, как в современной России.

Корейская медицинская пропаганда успешно популяризирует не только традиционные, но и новые для Кореи способы сохранения здоровья, которые распространены в других странах.

Когда я приехала в Корею, там никто не слышал, например, о лечебном голодании, о купании в ледяной воде, об ароматерапии.

Прошло буквально два-три года, и о «моржах» в Пусане стали писать газеты, в стране распространились секции йоги и голодания, лечебные ароматные масла продаются в магазинах. (Любопытно, что ароматерапия в корейских телепередачах преподносилась как «русский» способ сохранения здоровья, а регулярное употребление в пищу чеснока в качестве профилактики атеросклероза — как «немецкий».) Как видим, медицинские советы и новая информация в Корею быстро внедряются в жизнь.

При этом реакция на зачастую радикальные способы обращения с собой, вроде моржевания или голодания, со стороны окружающих вполне нормальная — от заинтересованных расспросов до ободряющего-завистливого: «Здорово, ты — молодец, я так не могу».

Уважение корейцев к здоровью, сознательное отношение к нему мне всегда было симпатично — наверное, потому, что я сама к гимнастике, закаливанию, диетам и прочим издевательствам над собой всегда питала пристрастие. Так что даже корейская манера постоянно напоминать за едой, чем полезно то или иное блюдо («Попробуйте вот эту закуску! Прекрасно предотвращает запоры!»), меня веселила, но не раздражала по-серьезному. Но — увы! — идеальных народов и культур не бывает. Есть, к сожалению, в корейском менталитете черта, которая роднит корейцев с русскими в их пренебрежительном отношении в своей брэнной плоти. Я говорю об отношении к алкоголю.

«Веселие Кореи есть пити»

На первый взгляд ничего общего здесь нет и быть не может.

Что такое российский алкоголизм, нам с вами рассказывать не надо — дело известное. А Корея-то? Такая вроде бы практичная, здравомыслящая, конфуцианская, не склонная

к разгулам. Здесь людям не известны такие роковые для нашей страны понятия, как запой или белая горячка. Даже если все выходные кореец пил, он в понедельник все равно, как штык, выйдет на работу.

Да и пьют корейцы далеко не такие крепкие напитки и не в таких количествах. Ну что там сочжу — рисовый ликер? Какие-то 20-25 градусов. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация покажется далеко не столь безоблачной.

Пьющие и употребляющие спиртное люди есть в любой стране мира — даже в мусульманских странах. Вред употребления алкоголя известен всем, а с другой стороны, и вековые традиции виноделия, и кулинарную культуру, во многих странах непосредственно связанную со спиртным (Франция, Италия), со счета не сбросишь. Вот между этими двумя полюсами и лавирует человек в современном мире. Но если в Австралии, к примеру, употребление или неупотребление спиртного — это твое личное дело, которое не касается никого, кроме тебя, которое никому не интересно (как не интересно окружающим, пьешь ты на ночь кефир или нет), — то в Корее, как и в России, дело обстоит совсем иначе. Пить или не пить — эта интимная гастрономическая дилемма в наших странах поднимается до уровня морально-этического, используется как мерило человеческой личности. Российское отношение к вопросу хорошо продемонстрировал недавний фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», где сцены загулов и запоев изображаются с такой неподдельной любовью, с таким ухарством и молодечеством, что сомнений не остается — для режиссера и водка, и попойки представляются таким же предметом национальной гордости, как русский балет и полеты в космос. Соответственно отношение к тем, кто не пьет, — как к людям без задора и полета, без искры божьей, как к скучным и некомпанейским, как к занудам и стукачам. Как сказал еще, кажется, Горький: «Пьющих уважаю, алкоголиков жалею, непьющих боюсь».

Корейское отношение к спиртному примерно такое же. Умение пить — это дело чести, доблести и геройства. Неумение, соответственно, позор. Вот, к примеру, сюжет из студенческого телесериала «Три мужчины, три женщины». Изнеженный юноша первокурсник еле дополз до дома после первой студенческой вечеринки. Та же реакция и после второй. Мужчины в доме хмурят брови, мрачнеют — мальчик не умеет пить. Организм его не принимает водку. По озабоченным лицам домочадцев ясно — в дом нагрянула тяжелая проблема, примерно, как неожиданно обнаружившийся диабет. Но папа не сдаётся — он упорно начинает приучать сына к спиртному. Вот мальчик выпил полрюмки и смог сдержать рвоту. Вот рюмку, вот уже полбутылки не за горами. И наконец, триумф — на очередной вечеринке он уже напился, как все. Аплодисменты и бурное ликование родных и друзей.

Бред, скажете вы. Бред, охотно соглашаюсь я. А от себя еще добавлю, что обильная рвота во время питья, насколько мне известно по рассказам знакомых медиков, означает, что печень такого человека особенно чувствительна к алкогольному отравлению и особенно предрасположена к циррозу — пить ему нельзя ни в коем случае.

Ну, ладно, допустим, это сериал, а мало ли чего не покажут в сериале. Но вот вам пример посерьезней. Эссе уважаемого в Корее и, кстати, очень хорошего писателя Пхи Чхон Дыка «Водка». В нем автор пишет о себе. Как и герой упомянутого сериала, он тоже от природы лишен способности пить. Настоячивого папы у него не было, и поэтому всю свою жизнь поэт был вынужден лишь наблюдать, как напиваются другие. Зависть к этим нормальным, с его точки зрения, людям, восхищение попойками, страдания отвергнутости от общего праздника Пхи Чхон Дык выразил в своем эссе.

Вот всего несколько цитат: «Если не пьешь водки, то для чего жить на этом свете?», «Если б я пил водку, у меня было бы много друзей», «Моя жена говорит, что из-за того, что у меня всегда ясная голова, она чувствует дома постоянное напряжение. Другие мужья под хмельком всегда слушаются жену, а у меня чего ни попроси, я всегда отвечаю:

«Нет». Жена часто говорит, что никогда не отдаст свою дочь замуж за непьющего человека. Да и дети тоже любят пьющих отцов. Они знают, что у пьяного отца можно выпросить все что угодно».

«Почему ж я не могу пить?» — задает Пхи Чхон Дык риторический вопрос с такой же страстностью, с какой Катерина в «Грозе» вопрошала: «Почему люди не летают?» Ясно, что способность пить представляется ему, как и Никите Михалкову, чем-то высоким и прекрасным. Этот немолодой уже поэт как будто никогда в жизни не видел, в каких животных может превращать людей воспеваемый им алкоголь.

«Потому что водка»

Одухотворение спиртного неизбежно дает свои ядовитые плоды.

Про Россию опять же не будем — это слишком, это за пределами, страшно. В Корее ситуация выглядит чуть полегче, ибо корейцы, с их конфуцианским стремлением к самоограничению во всем, не склонны доходить до ручки и в вопросе питания. Но — лишь рядовые, корейцы. А творческие, неординарные люди, гении, которые, по определению, без тормозов, в Корее гибнут от водки точно так же, как и русские. Ким Со Воль, Ём Сан Соп, Хен Чжин

Гон — кого из корейских литературных талантов начала XX века ни возьми, тот или «до употреблялся» до смертельной болезни, или прямо погиб от белой горячки.

Однако и для рядовых корейцев поэтизация алкоголя даром не проходит. Как и другие дальневосточные народы, корейцы в массе своей спиртное переносят плохо — как утверждают медики, у них в организме не хватает ферментов, расщепляющих алкоголь. И вот этих природой к питию не приспособленных людей общество вынуждает пить. Ведь в Корее не принято отрываться от коллектива.

Во всем — и в хорошем, и в плохом. Поскольку принято считать, что пить — это хорошо, это сплавляет коллектив, смягчает атмосферу, улучшает взаимоотношения и т. д., то пить вместе с друзьями, одноклассниками, сослуживцами, пить с конкурентом и заказчиком, пить с рецензентом и с научным руководителем — в общем, пить со всеми человек должен. Должен — не больше и не меньше. Не выпьешь — себе дороже обойдется. Наживешь врагов, обойдут по службе, не помогут в трудную минуту. Белых ворон в Корее не любят.

К чему это приводит, увидеть легко. Достаточно пройти по улицам Сеула вечером в субботу. Я с целью антиалкогольного воспитания подрастающего поколения иногда практиковала вечерние выходы с маленькой дочерью на субботнюю Тэханно. То тут, то там — согнувшаяся пополам изящная, хорошенькая девушка, пьяная в стельку. Ее буквально выворачивает наизнанку, и сочувствующие подружки или бойфренд бережно поддерживают ее, помогая освободиться от столь поэтично воспетого Пхи Чхон Дыком спиртного в смеси с салатом и лапшой. «Маша, ну как тебе, нравится?» — «Не-е-ет!» — «Знаешь, почему эту красивую девушку рвет?» — «Знаю. Потому что водка».

Думаю, что бедной девушке тоже было понятно — ей так плохо сейчас, «потому что водка». Но если вы думаете, что в следующую субботу она не будет точно так же сгибаться пополам, то ошибаетесь. Ей ведь надо весело провести студенческие годы.

Поэтому она должна пить.

Точно так же должны пить и сотрудники корейской фирмы.

Вечеринки для укрепления корпоративного духа на работе у них происходят постоянно. Многие пить не любят, не хотят — но пьют по зову общественного долга. Вваливающийся домой в двенадцатом часу пьяный муж после очередной обязательной вечеринки — это ежевечерняя реальность многих корейских семей.

Результаты бесконтрольного употребления спиртного в Корее налицо уже сейчас, и результаты не только эстетические. Тридцатилетний служащий — не бомж — с больной печенью в Корее становится все более привычной фигурой. Вот один из моих знакомых служащий крупной корпорации, 33-летний Х., в функции которого входят общественные связи его подразделения. Он сильно сдал за те три года, что я его знала, — лицо опухло, стало несвежим, с мешками под глазами, все чаще он глотает разнообразные таблетки: от похмельного синдрома, от печеночных коликов. Х. буквально горит на работе. То же самое можно сказать и о студенческих активистах, вся активность которых обязательно сопровождается распитием спиртного. Моя знакомая кореянка, член студенческого комитета, в свои 25 уже жалуется на боли в печени, причем трезво отдает себе отчет в их природе — это алкоголь. Самое грустное, что эти люди не завязанные асоциальные выпивохи — наоборот, очень нормальные, правильные граждане, лояльные, честолюбивые, трудяги. К распитию спиртного они относятся не как к порочному удовольствию, а как к неизбежным издержкам своей работы.

К чему все это приведет Корею? Пока алкоголизм здесь еще не принял таких ужасающих масштабов, как в России. Но ведь и спиртное стало доступно обычному корейцу относительно недавно — лет 40 назад. До этого спиртные напитки были роскошью, которую позволяли себе по великим праздникам. Те самые бодрые старички, которыми я в Корее не устаю восхищаться, в молодости своей в таких количествах не пили — просто не имели возможности.

Что делать, или Шерше ля фам

К сожалению, средства массовой информации Кореи в освещении проблем алкоголизма оказываются не на высоте. О вреде гамбургеров и «инстант-фуд» пишут много и резко (и вполне заслуженно). А вот о проблемах со спиртным высказываются куда мягче — говорят лишь о нежелательном «избыточном потреблении», при этом настойчиво отмечая все те же сомнительные плюсы, вроде «улучшения атмосферы», «расслабления» и проч.

А что такое «избыточное потребление»? Если в обществе считается, что напиться нужно и должно, что это правильно и хорошо, — кто определит опасную границу? Когда моя приятельница попала в больницу «скорой помощи», на соседних носилках

стонал, скрючившись, прилично одетый мужчина средних лет. С первого взгляда на него было ясно — печень, допился.

Подошедший врач спросил больного, часто ли он пьет. «Нет, совсем редко, — ответил тот. — Ну, раза три-четыре в неделю».

Мне не хочется думать, что либерализм корейских СМИ в отношении к водке диктуется каким-то материальным расчетом. Мне хочется верить, что вызван он лишь недомыслием, недооценкой грозящей опасности. Что пропаганда здорового образа жизни, которая в Корее работает столь действенно, вскоре изменит и этот относительно недавно вошедший в моду обычай насильственных застолий.

Но больше всего надежд в этом направлении я возлагаю на корейских женщин (жена Пхи Чхон Дыка не в счет). Многие молодые кореянки сейчас восстают против заведенного порядка продвижения мужей по служебной лестнице, согласно которому жены должны видеть своих благоверных исключительно глубокой ночью и в самом свинском состоянии. По всей видимости, у женщин срабатывает инстинкт генетической опасности. Они начинают протестовать против узаконенного и благословляемого обществом пьянства, причем не как-нибудь там скромненько плачут в уголок подушки: нет, они открыто «идут на вы». Угрожают разводом, требуют выбирать «или я, или пьяная фирма» и, главное, скандалят. А как умеют скандалить корейские женщины, надо видеть. В российских городах это древнее женское искусство под воздействием современных правил приличия постепенно вымирает. Кореянки же, натуры эмоциональные и непосредственные, владеют им виртуозно. Муж получает красочный спектакль по полной программе: с визгом, битьем посуды, криками, взыванием к соседям и прохожим, выбеганием на улицу ночью босиком и проч. — сладить с корейской женщиной, когда она решила скандалить, бесполезно. Сколько ни сетуй корейские мужчины на куриный бабий ум, бессильный охватить всю мощь их карьерной стратегии, против лома нет приема — им приходится подчиняться. Вот позвонил как-то мне знакомый кореец, сообщил, что увольняется из знаменитой корпорации: как только он начал успешно продвигаться вверх (и, следовательно, много пить), дома начались скандалы. Жена то и дело хватает детей в охапку и уезжает к маме, заявляя: «Ты мне противен пьяный». «Эх, не понимает она ничего в нашей работе», — грустно жаловался мой знакомый. Однако с фирмы ушел и пить перестал. Так что, по всей видимости, именно женщины спасут корейскую нацию от нависшей угрозы алкоголизма.

Глава одиннадцатая

Корея музыкальная

...Вы сидите с корейцами за столом, ощущая в желудке приятную тяжесть пулькиги, дожевываете листик салата. Сидите тихо, никого не трогаете, как вдруг... «Спой! Ну, спой же! Эй, тихо вы там! Сейчас он (она) нам споет!» Все. Началось.

Выплюньте листик салата — он вас не спасет. Петь придется все равно. Да-да, вашим козлиным голосом. С вашим полным отсутствием слуха и незнанием корейских песен.

Это неотвратно, как визит к зубному врачу. Стынет пулькоги, нагревается водка: никто не будет есть, пока вы не споете.

Пять минут вашего хриплого позора. Затем — бурные всеобщие похвалы, от которых хочется залезть под стол. Затем еще бутылка сочжу — и начинается охота на следующую жертву: «Ну, спой!»...

Зачем это им надо? Зачем надо заставлять человека петь в компании?! Зачем, если он не может и не хочет?! Да чтобы сделать вам приятное — только и всего, мрачный вы человек. Корейцы ведь не представляют, что после шашлычка (пулькоги) и бутылочки рисовой водки (сочжу) можно не хотеть петь, и наши отказы звучат для них только выражением застенчивости. Сами они — люди на редкость певучие. Слух в Корее есть, по-моему, у каждого, а приятные голоса — почти у всех. Но главное — это почти чувственная, физическая любовь корейцев к музыке.

Поющая страна

Поют корейцы не только в «норэбанах» (местных караоке), не только во время застолья, но и просто, когда душа, что называется, просит. Это может случиться, например, во время похода в горы, когда вид прекрасного водопада настолько тронет сердце 50-летней аджуммы, пришедшей сюда с подружками, что она тут же затянет что-нибудь лирическое, а за ней залыется и вся компания. На лицах поющих и умиротворение, и страсть, и свет, и мягкость: вся душа в этот момент — нараспашку. Наблюдать корейцев в минуты пения очень трогательно.

Песня в Корее слышится везде. Напевают посудомойки в столовой и сапожник в своей будке, постукивая в такт по колодке, мурлыкают себе под нос разносчики еды и дорожные рабочие, пишат что-то музыкально-хоровое детсадовцы на прогулке... Запевы, сопровождаемые народными танцами, корейцы устраивают даже в туристических автобусах, попавших в пробку на шоссе. Зрелище это экзотическое. Весь автобус запекает, хлопая в ладоши, и в проход между сиденьями выступает парочка самых смелых, начиная выделывать своеобразные па не ногами, а... руками. Корейский народный танец недаром называется «танец плеч». Если вы выучите эти несложные движения и наберетесь нахальства выйти в круг и сплясать в паре с каким-нибудь дедушкой, как это однажды сделала я, — вам гарантированы рев восторга и искренние аплодисменты присутствующих. А главное — время в пробке пройдет совершенно незаметно. Рекомендую: вместо того чтобы портить себе нервы, выскакивая из машины, заглядывая в голову очереди, пытаясь определить, сколько же еще мучиться, лучше, как корейцы, употребите это время в свое удовольствие. Спойте и спляшите!

Поют корейцы и в довольно напряженные моменты жизни, например, на демонстрациях. (Вообще корейские политические демонстрации — это красивые, хорошо организованные шоу со своей особой эстетикой; участники их надевают форму, учат речевки, исполняют песни и проч.) Молодежь в Корее точно такая же певучая, как и родители, хотя, естественно, поют молодые другие песни. Часто можно видеть группки поющих под гитару ребят на территории студенческого городка во время очередного праздника, которыми изобилует студенческая жизнь в Корее, или просто в пятницу вечером. Студенты усаживаются прямо на землю, в центре круга ставят свечу и начинают петь. Устраивают они и коллективные игры с пением, которые могут показаться детскими и неуместными их западным сверстникам. Корейцы же получают от этих детских забав уйму удовольствия. Хороший певец

пользуется немалой популярностью в студенческом коллективе, а уж если он поет песни на английском, пусть и довольно ломанном, то против его чар не устоит ни одна впечатлительная девичья душа.

Интересно, что корейская молодежь, прекрасно воспроизводя, чувствуя музыку голосом, не чувствует ее телом и на дискотеках в массе своей танцует совершенно топорно. Исключение составляют профессиональные танцоры и совсем юные тинейджеры, весьма прилично танцующие техно, рэп и проч. И это неудивительно: ведь к услугам корейских подростков — возникшая совсем недавно индустрия специальной танцевальной музыки, которая состоит в основном из переведенных на корейский язык «ремейков» западной эстрады.

Но то — подростки. Когда же мне приходилось спрашивать студентов, как они отдыхают, то ответ обычно повторяется: «Сажу в кафе, пью и слушаю музыку». Танцы, даже танец плеч, в этот стереотип не входят, о чем остается только пожалеть: молодежь в Корее, и так замученная книжками, двигается очень мало.

О традиционной музыке

Что же представляет из себя корейская музыка? Сначала — о музыке традиционной. Как корееведу, мне ее положено любить.

Но признаюсь честно: не люблю. Сильно не люблю. Неприлично убыстряю шаг при первых же звуках. И мои чувства, думаю, разделяют все студенты «интернационального общежития», в котором я жила. Территориально оно находится рядом с университетом «Пансон тхонсин», по своим функциям, напоминающим институт культуры, с его факультетом народной музыки, который имеет прелестную привычку проводить репетиции на улице, практически под нашими окнами. С раннего утра и до позднего вечера студентам-иностранцам поневоле приходится изучать все тонкости «пхансори», «нонъак» и прочих народных жанров своими ушами. Я, например, делала это четыре с половиной года. А музыка эта ну о-о-очень специфическая. Пение пхансори — предмет корейской национальной гордости — лично мне напоминает предсмертные хрипы удушяемого. Хотя охотно признаю, что, возможно, просто чего-то не понимаю в этом искусстве. Ведь недаром так заводятся от этой музыки пожилые корейцы, недаром так нравится примитивная «крестьянская музыка» (нонъак) самым беспристрастным слушателям — детям. Помню, когда мы впервые приехали в Корею, мою четырехлетнюю тогда дочку было невозможно вытащить из Инсадона, где давался бесплатный концерт нонъак — она заворуженно глядела на музыкантов и потом неделю после этого концерта подражала корейским танцорам — вертела головой, стараясь раскрутить кисточку на шапочке.

Чувствуется, что существует корейская традиционная музыка в основном на государственной дотации (концерты ее баснословно дешевы, часто бесплатны, проходят при полупустых залах), и среди молодежи нонъак, пхансори, ритуальные мелодии на каягуме (корейские гусли) и проч. находят все меньше и меньше почитателей. Как бы ни относилась я лично к этим жанрам, не могу не пожалеть об их постепенном исчезновении. Плохо, что эта своеобразная музыкальная традиция уходит, умирает, ничего не оставляя после себя. Ее полностью вытесняют западные ритмы и мелодии — сами по себе хорошие, но с традициями Кореи не имеющие ничего общего. В чем же тут дело?

Можно винить в этом всепроникающую гидру американского влияния. Но мне думается, что немало виноваты и сами носители музыкальных традиций страны,

упрямо из года в год исполняющие одни и те же старые пьесы и не желающие ни на йоту «поступиться принципами» (можно позволить себе роскошь быть непримиримыми консерваторами, имея за спиной щедрую государственную поддержку). Сама мысль о том, что не худо придумать бы и что-нибудь новенькое, как-то развить или популяризировать национальную традицию, похоже, кажется им крамольной и рассматривается как покушение на «священных коров» корейской классики. Грустное впечатление «людей в футляре» оставляют у меня мастера традиционной музыки Кореи и по телепередачам, и по личным встречам, и по статьям в корейской печати: «мэтровский» тон, снобистское противопоставление традиционной музыки ритмам дня сегодняшнего, отчуждение от молодежи. Что ж, молодежь платит мастерам пхансори тем же отчуждением, а среднее поколение корейцев хотя и отдает дань вежливости национальной музыке, однако предпочитает ей лирические, мелодичные «баллады», построенные в соответствии с западными принципами музыкальной гармонии.

Чужая музыка

Современная поп-музыка в Корее народных ритмов практически лишена и вполне удобоварима для западного уха. Есть в ней, правда, один серьезный недостаток. Дело в том, что в большинстве случаев она... не своя: заимствование, или, если говорить прямо, плагиат. Целые куски из многих корейских хитов — это простое и откровенное слизывание с хитов западных, русских и в особенности японских. Помню мотив старой японской песенки, которую пели много лет назад студенты нашего университета на конкурсе («Куруно-тоно-танга»). Этот памятный мотивчик мне сразу же бросился в уши, как только я приехала в Корею — это был хит четыре года назад, естественно «чисто корейский».

И это только один пример, каких в эстраде наберется сотни. И западному, и русскому слушателю уловить очень знакомые нотки в корейской эстраде не составляет труда, хотя сами корейцы факты плагиата в большинстве случаев упорно отрицают. Впрочем, не нам бросать в них камень: российская попса в массе своей идет тем же путем вторичной переработки американских образцов, и с каждым годом все заметнее.

И все же хочется верить, что период подражательства в корейской поп-музыке — явление временное, ученическое. Что может собственных Элтонов джонов и полов Маккартни корейская земля рождать. Залог тому — интерес и любовь корейцев к музыке хорошей, настоящей, пусть и пока не всегда своей.

О чем они поют?

Никакой зауми и философствований в корейских эстрадных текстах вы не найдете. Поют чаще всего о любви. Это довольно любопытный феномен, ибо в реальной жизни корейцы, будучи людьми по-конфуциански здравомыслящими, страстью руководствуются крайне редко, женятся и выходят замуж по самому что ни на есть трезвому расчету. Традиционная корейская мораль, которая далеко не выветрилась из национального сознания, даже в супружеской постели призывала мужа и жену сдерживать свой пыл и помнить, зачем, собственно, они сюда забрались: для продолжения рода, а не для всяких глупостей. И тем не менее песни корейцев, начиная с «Ариран» и вплоть до самых свеженьких, полны любовной тематики. Очень часто это — любовь трагическая: неразделенная или оборванная злым роком. («Злой рок» — это на деле мама с папой, которые не пустили замуж за кого хотелось.)

Роковые норэбаны

По вечерам улицы Сеула освещаются огнями, среди которых значительный процент составляют красные вывески норэбанов, или караоке. Явление всемирное, известное хорошо и в России.

Для корейцев норэбан — одно из самых популярных развлечений для всех возрастов, однако развлечение, полагаемое как бы не совсем невинным. Хотя, казалось бы, что может быть безгрешнее: люди собираются, поют песни перед экраном с микрофоном... ан нет. Недаром именно с похода в норэбан с приятельницами начинается падение героини корейского телесериала, до того рокового момента — образцовой жены и матери. Именно в норэбанах прожигают жизнь взяточники и прелюбодеи из различных телепостановок.

В этой демонизации норэбанов как нельзя лучше проявляется та специфическая роль, которую играет песня в жизни корейцев.

Песня — спутница страсти, песня прельщающая, соблазняющая, сирена, от звуков которой человек теряет голову... И как здравомыслящий российский муж не отпустит свою жену одну на дискотеку, так и солидный кореец восстанет против того, чтобы супруга отправилась в норэбан с подругами — пусть лучше лишний раз сходит в церковь или баню.

Ну их, эти норэбаны, от греха подальше. Еще споется там с кем-нибудь!

Глава двенадцатая О корейских правилах приличия

Лето в Корее — не самое приятное время года. Особенно в Сеуле: духота, влажность, под окнами с интенсивностью электропил стрекочут цикады. Летом в Сеуле хочется жить в холодильнике. Или, по крайней, мере максимально раздеться.

В холодильник — пожалуйста, лезьте. А вот радикально обнажаться, увы, невозможно, поскольку в Корее существуют довольно жесткие правила приличия, не считаться с которыми нельзя.

Особенно иностранцу: что позволено Юпитеру, не позволено быку.

То, что корейская общественность простит кореянке, белой женщине здесь с рук не сойдет. Так что, если вы не хотите, чтобы вас начал вульгарно хватать за разные интимные места подвыпивший аджосси в метро, — одевайтесь в Корее летом скромнее.

Жительницы России, где уличная мода, по американским или западноевропейским меркам, сексуальна сверх пределов разумного, в Корее должны быть особенно начеку. Учтите — если вы одеты по здешним меркам вызывающе, то в вышеупомянутом случае с аджосси можете возмущаться вслух сколько угодно — никто из окружающих

за вас не вступится. Своим одеянием вы только подтвердите местный миф об исконной распущенности белых женщин.

А посему бесцеремонные действия аджосси, за которые на Западе его тут же посадили бы в полицию (сексуальные домогательства), здесь будут встречены молчаливым одобрением окружающих.

Несколько рекомендаций для тех, кто в Сеул приехал не работать в бордель, а с более мирными целями. Во-первых, бюстгальтер в Корее обязателен. Даже под свободную футболку кореянки надевают эту деталь туалета. Не принято, чтобы бюстгальтер просвечивал сквозь блузку, поэтому в случаях с прозрачной одеждой на него необходимо надевать еще и тонкую маечку или что-то в этом роде. Глубоких вырезов носить не рекомендуется, так же, как и сильно расстегивать верхние пуговицы — в особенно тем, кому есть что показывать. По моим наблюдениям, корейские мужчины как-то необычайно остро реагируют на малейшее обнажение этой части тела и быстро перестают себя контролировать.

Во-вторых, длина юбки или шорт. Длиннее, длиннее, пожалуйста, не жалейте материала! Хотя здесь действительно иногда можно встретить девушку в очень короткой юбке, но девушку: а) очень молодую, б) в определенных — молодежных или развлекательных — районах города, не в будний день в метро. И выворачивать ей вслед головы люди все равно будут. С вами же, белой и посему заведомо развратной, корейские любители длинных ног одним разглядыванием могут и не ограничиться.

В-третьих, заклинаю: никаких коротких маечек и голых животов! До сих пор не могу забыть приезд в Сеул моих приятельниц из Хабаровска. Будучи девушками совершенно порядочными, они тем не менее оделись по российской летней моде — в шортиках и маечках такого покроя, который напомнил корейцам скорее трусики и лифчики. (Причем девушки были как на подбор блондинки ростом под метр восемьдесят.) Поглазеть на белых нахалок, вышедших на улицу в нижнем белье, сбежался чуть не весь район Сити-холла {24 Центральный деловой район Сеула.}, где мы назначили встречу. Нам пришлось срочно ретироваться в подземный переход и покупать в ближайшем магазинчике что-то более приличное.

Есть в Корее одно, весьма специфическое правило для мужчин: публично обнажать могучие торсы здесь недопустимо — это приравнивается чуть ли не к эксгибиционизму. В последнее время, правда, под воздействием западных фильмов в корейской рекламе и на эстраде замелькали обнаженные по пояс юноши.

И тем не менее нормальный, не шоу-бизнесовый кореец снимать рубашку в жаркий день на публике не будет.

(Нынешний главный редактор «Сеульского вестника» Евгений Штефан, работая одно время в корейском НИИ, однажды поразил воображение своих корейских коллег, когда вечером в сильный ливень прошелся по территории академгородка, сняв с себя рубашку. Пересудов наутро было столько, как будто он прогулялся перед президентским дворцом без штанов.)

Поведение на пляже. Мини-бикини оставьте дома — от греха подальше. Кореянки используют для плавания пуританские закрытые купальники, а чаще и вовсе обходятся без оных (то есть купаются в одежде). Как бы дико ни смотрелось это с российской точки зрения, подобное поведение имеет под собой разумные основания. А именно — то, что корейское солнце очень коварно, и если не побережься, можно легко обгореть. Кстати говоря, именно так чаще всего купаются и австралийцы — по той же самой причине.

Те, кто приехал в Корею работать в серьезной фирме, должен особенно считаться с правилами приличия. Как говорится, здесь — это вам не тут. Мини-юбки, сексуальные кройки, глубокие вырезы, столь любимые секретаршами в русских конторах с советских времен, в Корее в приличных фирмах однозначно не допускаются. Также, как и вызывающе шикарные меховые манто и тяжелые золотые украшения. Не принято, чтобы деловые женщины их носили. Это, скорей, стиль немолодых жен богатых бизнесменов. Для женщин в корейских фирмах часто предусмотрена форма, но для иностранок обычно делают исключение и дают им возможность одеваться по своему усмотрению. Так вот, не злоупотребляйте этим правом. Помните про чужой монастырь и не ропщите, если вам вдруг сделают замечание за слишком экстравагантный наряд.

Корейские правила приличия нередко раздражают россиянок и молодых, и не очень. «Ну что за отсталая пуританская страна! — приходилось слышать мне не раз от моих знакомых русских женщин. — Все их дурацкая азиатская скромность!» А меж тем Азия к этим правилам приличия имеет далеко не самое прямое отношение.

В Австралии, развитой западной стране с давно свершившейся сексуальной революцией, нет культа целомудрия и девичьей стыдливости. Однако в отношении общественных правил приличия австралийцы ничуть не раскованней корейцев. В ночной клуб или на вечеринку вы в Австралии можете одеться как вам вздумается. Но днем на улицах и в конторах ничего подобного российской призывной раскованности, разрезам до пупа и «походке от бедра» вы там не найдете. Днем люди работают, посещают конторы, банки, а это ко многому обязывает. Строгая деловая форма одежды в австралийских офисах отражает общие западноевропейские нормы.

Россия в этом отношении от них далека. Наше стремление «чувствовать себя на работе женщиной, а не товарищем», воспетое в «Служебном романе», хорошо отражало атмосферу развитого социализма, когда работа для женщины часто представляла разновидность клуба, где можно было неспешно краситься, вязать свитерки и демонстрировать коллегам новые колготки.

Это типично советское воззрение получило продолжение и в постперестроечной России, где в офисах и на фирмах до сих пор женщину зачастую не воспринимают как полноценного работника, и граница между сотрудницей и наложницей начальника остается крайне зыбкой. В современной России на массовом уровне женщина на работе по-прежнему подчеркивает одеждой свои сексуальные достоинства, а не деловые качества.

В западноевропейской же традиции офис — это заведение сугубо деловое, с сугубо деловыми взаимоотношениями коллег, а посему и форма одежды там соответствующая. Женщина в западном офисе — это именно товарищ по работе, коллега. И в данном случае Корея к Западной Европе близка куда больше, чем

Россия. Правда, функции женщины в корейской фирме до сих пор чаще всего представительские, посему деловая одежда кореянок остается более женственной, чем на Западе. Однако активная сексуальность, так же как и откровенная демонстрация своего материального статуса, в корейской деловой одежде, как и в западноевропейской, не допускается.

Интересно, что в некоторых аспектах правил приличия корейцы ближе к россиянам и гораздо раскованней австралийцев.

Например, кореянки в бане ведут себя точно так же, как и русские, — то есть без стеснения раздеваются, крутятся в таком виде перед зеркалом и проч. А вот в женской

сауне в Австралии принято париться... закутанной в простыню. В женском отделении душа перед посещением бассейна принято мыться... в купальниках. Переодевая купальник в женской раздевалке, необходимо накидывать на себя простыню или полотенце и отворачиваться в сторону от присутствующих. В общем, особых преимуществ женского душа я в Австралии для себя не почувствовала. С таким же успехом можно было пойти в мужской.

Мне кажется, немаловажной причиной столь щепетильного отношения к наготы людей одного пола является широкое распространение гомосексуализма в Австралии. Гомосексуализм стал реальным фактором жизни современных развитых обществ и породил новые правила приличия. Заподозрить в сексуальных домогательствах могут сегодня в Америке не только начальника, который похлопал секретаршу по мягкому месту, но и школьника, который обнял своего товарища за плечи. В Корее гомосексуализм существует не в таких масштабах и на общей жизни общества пока всерьез не отражается.

Однако разница в банных правилах приличия имеет и другое объяснение. Это — разное представление о необходимой личной дистанции у корейцев и австралийцев. Об этом — в следующей главе.

Глава тринадцатая

Почему корейцы «не держат дистанцию»?

Этот вопрос часто задают иностранцы, впервые оказавшиеся в Корее. Спрашивающие, как правило, приехали из «белых» и просторных стран — ни индусов, ни китайцев такая проблема не волнует. Для американцев же или австралийцев постоянное стремление корейцев к тесному физическому контакту с собеседником — это сущий ад. Кореец в разговоре хлопает вас по коленке, трогает ваши вещи, близко подсаживается — так что с непривычки вы почувствуете себя совершенно измотанным психологически после пятиминутного общения.

Если в бассейне будут свободны все дорожки, и вы займете одну из них — знайте, что пришедший вслед за вами пловец выберет именно вашу дорожку, где будет плавать обязательно посередине, поближе к вам. Если в метро свободны все сиденья — этот аджосси выберет место именно рядом с вами, сядет, широко расставив ноги, и всю дорогу будет заглядывать в вашу газету — а то и уснет, усталый, положив голову вам на плечо. Когда вы стоите на выходе из полупустого вагона — обязательно чья-то дружелюбная рука упрется в вашу спину и будет ненавязчиво стимулировать ваше движение вперед... Б-р-р-р!

Но б-р-р-р не б-р-р-р, а делать нечего. Делают это корейцы не из вредности и не от избытка сексуальных желаний, а потому, что в маленькой перенаселенной стране психологическое «личное расстояние» у человека намного меньше, чем в стране просторной — такой, как Австралия или Россия. Личное расстояние — это формирующаяся с детства физическая дистанция, которую подсознательно держит любой человек между собой и окружающими, расстояние, на котором ему хорошо.

Корейцы традиционно жили очень скученно, главным образом потому, что основной сельскохозяйственной культурой в стране был рис, который невозможно возделывать в одиночку или силами одной семьи — для риса требовалось постоянное функционирование ирригационных систем. На тесное сотрудничество, сожительство с окружающими корейцы были «обречены» экономически с давних пор.

Вокруг человека с детства постоянно были люди, люди — много людей. И поэтому персональная дистанция у корейцев значительно меньше, чем у нас с вами.

Практическое отсутствие дистанции между людьми особенно явственно ощущается в корейском доме. Если вы останетесь ночевать у знакомых, в какой-нибудь дружной корейской семье, то почувствуете эту традицию во всей полноте. В корейском доме вас и напоят, и накормят, и спать уложат — корейцы люди приветливые и гостеприимные. Но, во-первых, кормить будут супом из общей миски. То есть рис положат каждому в отдельную мисочку, а вот закуски и суп хлебать придется из общей. Во-вторых, старший в доме может вам как гостю уделить особое внимание и с этой целью начнет... скармливать вам кусочки мяса или рыбы своими палочками прямо в рот. В-третьих, спать, скорее всего, придется на полу под одним одеялом с целым выводком людей одного с вами пола — племянницы, двоюродные сестры, бабушки. Всю ночь эта орава будет храпеть, ворочаться и толкаться рядом с вами.

Понятно, что традиция людей есть из одной миски и укладываться спать одним гоммомом родилась не от хорошей жизни.

Горячей воды (да и просто воды) для мытья посуды в Корее традиционно не хватало. Ондоль, подогреваемый пол в традиционном корейском доме, прогревался неравномерно, и члены семьи старались лечь все вместе поближе к самому теплomu месту. Да и отдельные одеяла были недоступной роскошью в большинстве корейских семей.

Нынче в экономически развитой Корее ни миски, ни горячая вода, ни одеяла не проблема. Подогрев пола электрический, так что можно лечь в любой части дома, и везде будет тепло. Но людей в маленькой стране становится все больше, и психологическая личная дистанция по-прежнему столь же мала. Необходимость быть вместе породила потребность быть вместе. Быть телесно близким с другими людьми для того, чтобы чувствовать психологический комфорт, — эта традиция в Корее жива до сих пор.

Корейская мать ложится спать со взрослыми дочерьми не потому, что дома холодно, тесно и негде спать, а потому, что так им лучше, спокойней. В корейских произведениях художественной литературы, в фильмах часто повторяется один прием: взрослый сын или дочь после долгой разлуки с родителями просит вечером позволить ему (ей) лечь с отцом (матерью) в одну постель, подчеркивая таким образом свою нежность к родным людям.

Стремление европейцев сохранять дистанцию, их нежелание спать в одной постели с друзьями, есть из одной миски и проч. корейцы не понимают абсолютно. Для них это звучит оскорбительным чистоплюйством — как если бы нам предложили после каждого рукопожатия с приятелями протирать руки спиртовым раствором, чтобы не заразиться. Помню характерный случай. Один из могущественных корейских гуманитарных фондов устроил для нас, студентов-иностранцев, поездку на Чечжудо. Нас кормили в лучших ресторанах и развлекали на всю катушку, явно не жалея денег. А на ночь поселили в роскошном отеле, где разделили по однополым парочкам и отвели в номера. В каждом номере стояло по одной кровати с одним одеялом — как

хочешь, так и устраивайся. Нашего недоумения по этому поводу корейцы не поняли и, чувствовалось, обиделись. По всей видимости, наши организаторы (люди, кстати говоря, на редкость приятные, открытые и доброжелательные) приняли негативную реакцию западных студентов за душевную холодность и эгоизм.

Что ж, удивляться нечему. Личная дистанция существует на уровне инстинктов, и объяснить, понять ее логически невозможно.

Нам тоже невозможно понять, к примеру, старую корейскую традицию обучения горловому пению пхансори методом «рот в рот», почти как при искусственном дыхании. А корейцы убеждены, что только таким образом учитель может передать ученику настоящий дух пхансори. Не так давно я узнала об одном обычае, распространенном среди корейских мужчин. Для закрепления дружеских отношений у корейцев после долгих совместных возлияний, оказывается, принято... символически помочиться в один писсуар. После этого они братья навек. Такой вот своеобразный аналог европейского брудершафта.

Стремление к физическому контакту с окружающими в Корее чаще всего лишено сексуального подтекста. Например, традиция постоянно прикасаться друг к другу весьма распространена среди друзей одного пола, и не стоит подозревать парочку молодых людей, держащих друг друга за руки на публике, или пожилых подвыпивших мужиков в метро, сидящих рядом и нежно держащих друг друга за колени, в гомосексуальных наклонностях только на этом основании. В женских банях в Корее весьма распространены похлопывания и поглаживания, не носящие, кроме высказывания доброжелательности, никаких дополнительных значений. Когда меня однажды весьма фривольно похлопала в сауне незнакомая женщина, я выскочила оттуда как ошпаренная. Однако мне объяснили впоследствии, что это лишь невинная местная шутка, не наполненная никаким сексуальным смыслом. По рассказам моих знакомых, подобным же шуточкам подвергаются в корейской бане и мужчины, особенно белые, только хватают их за другие места — из любопытства или в порядке комплимента.

Конечно, прикосновения корейцев могут носить и сексуальный подтекст, однако иностранцу дифференцировать его на 100% очень и очень трудно. Нужен большой опыт общения. Я, например, и после пяти лет проживания в стране не могу определить это наверняка. Сами же корейцы характер прикосновений чувствуют отлично, поэтому ваши корейские друзья могут служить для вас лучшими советчиками в подобных неясных ситуациях и объяснить, почему начальник вдруг взял привычку хлопать вас по спине — то ли вашей работой доволен, то ли вашими ножками...

Глава четырнадцатая

Корейский «косэн», или посрамление "ОК"

Как вы думаете, уважаемые читатели, что нужно делать для того, чтобы преуспевать? Американцы, великие теоретики в этом вопросе, единодушно утверждают — будьте уверены и позитивны, говоря о себе. Обнажайте зубы мудрости в победительной

улыбке. Ходите с гордо поднятой головой. Покупайте престижные вещи. Садитесь на передние места. Говорите громко, одевайтесь броско, душитесь крепко. Короче говоря, внушайте окружающим всеми возможными способами, что в вашей жизни ноу проблем и все о'кей. Они, дураки, поверят, бросятся вам помогать, и будет в вашей жизни о'кей настоящий.

Возможно, тактика эта и работает в Америке. Однако при столкновении с некоторыми национальными психологиями она разлетается в пух и прах. В Корее, например, розовый самоуверенный тип процветать не будет никогда. Не уверена даже, выживет ли он здесь. Дело в том, что американскому «о'кею» противостоит в Корее намного более убедительное местное понятие «косэн».

«Косэн» по-русски переводится как «страдание», «проблема», «трудность», «тяготы», «невзгоды», «лишения», «трудная жизнь».

Но, пожалуй, ни одно из этих слов не в силах охватить реального смысла корейского косэна и его роли в жизни здешнего общества. Косэн — это то, без чего жить в Корее просто неприлично. Косэн здесь не только не скрывают, как следовало бы по американской теории по problem, но, наоборот, открыто демонстрируют. Причем не только безработные и больные. Отнюдь! И преуспевающий владелец корейского концерна поведает в газетном интервью о своем косэне настолько убедительно, что его просто станет жалко. Оказывается, и встает он засветло, и ест не досыта, и ложится спать с третьими петухами — «все в трудах, в трудах, аки пчела». Он, владелец корейского концерна, не дурак. Он не будет, как «новый русский», рыть себе могилу, делясь по телевидению впечатлениями о недавнем океанском круизе со слесарем дядей Васей, которому месяцами не платят зарплату. Он не будет одевать свою 20-летнюю дочку в норковое манто — нет уж, косэн так косэн! Пусть, пока молодая, побегает в синтетической курточке — как ее сокурсники по университету. Пусть в автобусе потолкается — скромненько, как все.

И обсмеянное перестройщиками в России, но успешно действующее в Корее уравнилельное сознание, и традиционно уважаемая на Дальнем Востоке скромность — все это тесно связано с понятием косэн. Это — важнейшая часть имиджа преуспевающего корейца. Косэн управляет здешним обществом властно и надежно, давая людям ощущение единства, равенства и братства — необходимую иллюзию в таких странах, как наши, где, мягко говоря, до всеобщего благополучия еще очень далеко. Впрочем, не всегда и иллюзию. Весьма характерна ситуация на корейских дорогах, где косэн одинаково терпят все — и девчонка-продавщица во вшивенькой «Тико», и богач в BMW (в Корее иномарки очень дороги). Корейскому богачу не придет в голову мчаться по встречной полосе только на том основании, что у него дорогая машина, — как это делают в России его новоиспеченные собратья по общественному классу, ошалевшие от собственной крутости. Нет, корейский богач, как все, подождет своей очереди. Пусть все видят его косэн, пусть все знают, что «он — как вы и я, совсем такой же». И это не какая-то хитроумная тактика — это у корейцев развито на подсознательном уровне.

Косэн в Корее — это прочный стержень, который скрепляет общество и держит его в равновесии. Он сближает далеких и примиряет враждующих. Когда в 1995 году в Корее разыгрался скандал вокруг должностных лиц, берущих взятки, и в тюрьму сели очень влиятельные люди, меня заинтересовал один психологический момент, а именно, реакция рядовых корейцев. Казалось бы, они должны были торжествовать — ведь правосудие и справедливость победили. Однако никакого злорадства и классовой ненависти заметно не было. Скорее наоборот — смущение от того, что стали

свидетелями некрасивой сцены, публичного позора. В газетных статьях, в письмах читателей то и дело мелькали удивлявшие меня нотки сочувствия к преступникам. Знакомый кореец объяснил: «Но им теперь в тюрьме так тяжело!»

Они всего лишились! Терпят такой косэн!» Вот оно — волшебное слово!

В личных отношениях корейцев косэн играет не меньшую роль. На первых порах я эту роль недооценивала и на вопрос, трудно ли мне, иностранке, жить в Корее (то есть достаточно ли косэна я терплю), легковесно отвечала: «Ну, что вы! Мне здесь очень хорошо». Зажегшийся было в глазах собеседника огонек сочувствия гас, и контакт не налаживался. Зато потом! Потом я научилась оплакивать с энтузиазмом Ярославны и жизнь на чужбине, и нехватку денег, и оторванный каблук... Собеседник проникается и, в свою очередь, начинает рассказывать о своем косэне. И тут можно услышать такие откровения, от которых просто перехватывает дыхание. Тебе с легкостью необыкновенной расскажут и о прохватившем поносе, и о том, что от выпитой накануне водки всю ночь... как бы это выразиться? ..., не отходила от унитаза (это пикантное признание мы с моим приятелем услышали от нежной, как газель, девочки-студентки).

Преподавательница языковых курсов может поделиться с группой студентов своей проблемой — вот, уже 30 лет, а никто замуж не берет. Но больше всего меня ошарашивают публичные признания корейских мужчин... в импотенции. Думаю, что русский мужчина не признался бы в этой проблеме и под пытками в фашистских застенках. А корейцы — рассказывают. В приятельском кругу, перед малознакомой иностранкой (это я) и даже с некоторой долей гордости — вот, мол, так заработался, так переучился, так переутомился, что уже год как... один сплошной косэн!

Выслушивать подобные признания бывает и неловко, и смешно.

Но в целом традиция говорить о своих проблемах с окружающими открыто не кажется мне смешной и бессмысленной. Во многом именно благодаря ей отношения между людьми в Корее намного теплее, чем в западных странах. По своему опыту знаю, что тебе здесь могут помочь почти незнакомые люди — из простого человеческого сочувствия. И если с этой точки зрения сравнить корейцев с их «косэном» и американцев с их «ноу проблемом», то сравнение будет явно не в пользу последних. Строгий общественный запрет на жалобы и высказывание своих проблем для американцев даром не проходит — этот запрет неизбежно замыкает человека на себе, одновременно воспитывая глухоту к чужой боли и эмоциональную тупость. В Корее, как я уже написала выше, такой человек преуспевать не будет. Ему не поможет никакой Дейл Карнеги.

Как-то я не без злорадства наблюдала сценку в сеульском метро. Дело было воскресным вечером, когда с прогулок по горам возвращались шумные компании стариков. Вагон был забит, но рядом оказалось свободное место. Моя шестилетняя тогда дочка даже не пыталась на него сесть — вокруг были старенькие дедушки и бабушки. Место занял молодой американец. Он плюхнулся на сиденье — один среди стариков, вытянул, как полагается, ноги на полвагона, одарил нас с дочкой улыбкой, хайкнул и расслабился. Американец выглядел как картинка к учебнику по психологии менеджмента — был уверенным и позитивным, хорошо одетым и улыбчивым. Однако аплодисментов не сорвал. Корейские старики — народ простой, Карнеги не читали и в американце увидели только молодого нахала. Сопровождая свои требования не очень цензурными выражениями, подвыпивший дед стал сгонять американца с сиденья — естественно, выражаясь по-корейски. Я, решив, что дело в языковом барьере, попыталась помочь растерявшемуся иностранцу: «Уступите ему место!» — «Но

почему я должен уступать?» — «Потому что он старый, а вы молодой. Ему стоять трудно, а вам легко», — втолковывала я взрослому мужику очевидное. «Ну и что?» — искренне тужился понять американец. В его позитивное сознание понятие косэна явно не входило. Однако атмосфера вокруг была настолько заряженной, что ему пришлось встать и, прямо скажем, поспешно выйти из вагона. Дед, после нескольких бурных попыток посадить на место сначала мою дочку, потом своего друга, наконец затих на сиденье и удовлетворенно огляделся. Он устроил беспроblemному наглецу хороший, доброкачественный, полноценный корейский косэн.

Глава пятнадцатая

Корейцы на пикнике

Вопрос, который часто задают мне российские знакомые: «Есть ли в Корее где-нибудь тихое, уютное местечко на природе, где можно посидеть, подышать свежим воздухом, уединиться от людей?» У тех иностранцев, кто живет в Сеуле, складывается порой впечатление, что такого места в Корее просто не может быть: везде шум машин, рев индустриальных звуков, везде люди, люди, люди... И тем не менее природа в Корее есть. Популярен среди корейцев и отдых на природе, хотя и не совсем в тех формах, к которым привыкли мы в России, где можно отъехать от Московской кольцевой дороги, и через 20 минут вы уже в уединении, около тихого озера... Нет, таких прелестей в Корее действительно не найдешь. Переводчица корейского поэта Со

Чжон Чжу, посетившего Россию, рассказывала мне, что старого поэта восхитила у нас больше всего сохраненная, не разрушенная пока природа, он то и дело просил шофера отвезти его в какой-нибудь красивый уголок русского леса или поля... Хотя сейчас многие жители России, думаю, предпочли бы этой первозданной дикости «индустриальный ад» со всеми вытекающими из этого жизненными удобствами, тем не менее факт остается фактом: корейцы, «дети больших городов», по природе тоскуют. И используют любую возможность, чтобы на природе побывать.

Зеленые дворцовые парки Сеула (Кёнбоккун, Чангёнкун и др.) всегда полны народа в выходные. В любую погоду. Старики сидят под солнышком или под зонтиком, молодежь с затуманенным взором гуляет по опавшей листве (в Корее именно осень считается сезоном любви, а не весна). Дети кормят до безобразия разжиревших карпов и уток в прудах. Кстати говоря, вся немногочисленная дикая живность корейского городского парка (бурундуки, голуби, воробьи, сороки) чувствует себя на редкость вольготно и уверенно. Голуби в парке Чангёнкун совершенно спокойно садятся на головы и плечи людям, и те вместо возмущенного «Кыш!» млеют от восторга.

Сеульский зоопарк тоже в некоторой степени заменяет людям прелесть встречи с природой.

Общением со зверями наслаждаются не только дети, но и взрослые. Тем более что у некоторых клеток сидят охранники, которые выдают посетителям еду для зверей, и детишки могут сами покормить какое-нибудь безобидное копытное. Интересно, что особой популярностью у корейских детей в зоопарке пользуются не экзотические

слоны с жирафами, а самые что ни на есть родные, но, к сожалению, исчезнувшие в дикой природе

Южной Кореи тигр и благородный олень. Вот объединится страна — наглядятся вволю в северных провинциях. Там в животных недостатка нет. Там с электричеством и водопроводом — проблемы.

Несмотря на всю любовь к городским паркам, однако, куда с большим энтузиазмом кореец проведет время не в зоопарке, а за городом. Куда же уезжают отдыхать корейцы? Дач у них, по причине дороговизны земли, нет — это в Корее роскошь, доступная только очень богатым людям. Помню, как-то раз я ехала с друзьями по пригороду Сеула на машине, и мне сказали с легким придыханием: «Сейчас мы проедем по району, где богачи строят свои загородные виллы». Я протерла очки и приготовилась увидеть бронированные крепости и бассейны с живыми крокодилами. Но «загородные виллы» на поверку оказались скромными домиками, окруженными участками примерно в шесть соток.

Правда, вместо огородов — оборудованные мини-поля для гольфа.

Выходной в Простоквашино

Итак, дач в Корее нет. Многие корейцы поэтому на выходные вместо дачи едут в провинцию к родственникам. Многие нынешние горожане Кореи — это выходцы из провинции, и к ней они сохраняют теплые чувства. На мой взгляд, в Корее вообще нет того морального барьера между городом и деревней, который наблюдаешь в России. В сознании корейца деревня не является символом отсталости и неразвитости. Она связана скорее с теми прелестями простой крестьянской жизни, которые для горожанина потеряны безвозвратно: здоровый физический труд, отсутствие стрессов, простая вкусная пища и т. д.

Традиционализм всегда являлся весомой частью культуры

Кореи — еще со времен японского господства, когда деревня начала восприниматься корейцами как символ нетронутой национальной культуры по сравнению с «испорченным» колониальной индустриализацией городом. Эта тенденция сохраняется и по сей день. И не только в экономической политике государства, поддерживающего высокие цены на всю продукцию своего сельского хозяйства. Традиционализм является важной составляющей корейской литературы и искусства. Точно так же, как и в

России, в Корее есть свои писатели-деревенщики, вроде Белова или Астафьева, воспевающие старый сельский уклад в противовес современному. И точно так же, как и в России, они непопулярны среди молодежи. Молодые — реалисты, и поверить в то, что жизнь без телевизора и водопровода была лучше, чище и нравственней, конечно, не могут. Однако при этом корейская городская молодежь, в отличие от современной русской, не относится к своей деревне со снобистскими насмешками в стиле:

«Ты что, с Урала?» Причин тому несколько.

Во-первых, сама корейская деревня не стоит на месте, а беспрестанно меняется. Настоящей революцией последних лет в деревне стало парниковое хозяйство, которое перевернуло весь привычный деревенский уклад с его сезонностью, то есть с

напряженной работой летом и вынужденным бездельем зимой (бездельем, которое, как и в России, заполнялось часто, увы, водкой).

Парник дал корейскому крестьянину возможность зарабатывать деньги в любое время года. Как следствие, корейская деревня стала богатеть, ее жители начали приобретать современную технику, одежду. Путешествуя по стране, я с удивлением заметила, что ассортимент в деревенских и столичных магазинах Кореи отличается ненамного. Деревенские девушки на виноградниках одеты почти так же мило и нарядно, как и жительницы Сеула.

Конечно, в деревне по-прежнему не хватает тех сугубо городских центров досуга, которыми заполнен Сеул, однако телевидение в большой мере их заменяет. Главное же — в корейской деревне появились деньги. Послать ребенка учиться в Сеул или помочь с деньгами городской родне, например, для деревенского жителя нынче не проблема. Крестьянин в Корее нынче прочно стоит на ногах, и это не может не прибавить ему уважения.

Во-вторых, немалая заслуга в формировании положительного отношения к деревне принадлежит средствам массовой информации Кореи. Они делают о провинции и ее жителях интересные, а главное, веселые репортажи с участием теле- и кинозвезд, устраивают телеигры и красочные шоу с участием деревенских стариков и старушек и проч. Все эти программы начисто лишены риторики и занудства и по общему настрою напоминают наши мультики о Простоквашино. Городские жители с интересом наблюдают, как знаменитый певец пытается вместе с крестьянином накормить стадо свиней, а изящная звезда экрана ползает по колену в иле, стараясь вместе с профессиональной рыбачкой вытащить из норы илистого прыгуна (это порода рыбы). Во время этих, казалось бы, чисто развлекательных зрелищ, где вместе действуют и горожане, и сельские жители, людям ненавязчиво внушается мысль о том, что «вышли мы все из народа, дети семьи трудовой». Да и городские дети, посмотрев такое шоу, начинают понимать, что булки растут не на деревьях. Кстати говоря, показательные делянки, на которых зеленеет рис, просо, тыква, высаживаются по весне и в городских парках столицы, в парке аттракционов Соул-ленде и др. Маленький житель Сеула, гуляя с мамой по парку, наблюдает, как созревают овощи и зерновые, которые он привык видеть на своем столе, — замечательный образовательный и воспитательный прием, по-моему. Образ деревни часто используется и в корейских телесериалах: именно туда, на лоно природы, внезапно уезжают в порыве смятенных чувств положительные герои и героини, чтобы вернуться счастливыми и обновленными.

Вся эта психологическая работа телевидения, радио и газет не проходит даром: в массе своей корейцы деревню уважают, они не оторваны от нее так, как российские горожане. Помню, в первые годы жизни в Сеуле я жаловалась корейцам на «чанма» — нудный период летних дождей, и все говорили мне одно: «Но ведь от этих дождей так хорошо созревает рис!» — хотя какое, казалось бы, дело горожанину до деревенских забот об урожае. В деревню городские корейцы с удовольствием ездят отдыхать или помогать родственникам, и многие уезжают туда под старость из города насовсем.

К морю за камушками

Отдых собственно на природе в Корее представляет два основных варианта — либо море, либо горы. Море не особенно доступно: хотя до него ехать не так уж далеко, большинство корейцев могут позволить это себе достаточно редко, ибо выходных у них мало, отпуск — 3—4 дня в году. Кроме того, в «сезон» дороги к морю забиты под

завязку, и чтобы попасть туда, надо преодолеть достаточно длинные и нудные пробки. Так что удовольствие побывать на море корейцы позволяют себе не часто. Этим, видимо, объясняется тот удивляющий иностранцев феномен, что корейцы, будучи жителями страны, окруженной морями, в массе своей... не умеют плавать, в том числе и мужчины. Их отдых на море чаще всего представляет из себя мечтательное гуляние по берегу с любимой девушкой, созерцание волн и собирание камушков.

Лучше гор могут быть только горы

Что касается гор, то с ними корейцы встречаются намного чаще. Горы занимают 3/4 площади полуострова, и немудрено, что именно отдых в горах больше всего распространен среди местного населения. Горы тесно связаны и со многими корейскими традициями. В горах принято хоронить родственников. В горах

Кореи расположены и буддистские монастыри. Эта традиция повелась с тех времен, когда буддистам приходилось прятаться в отдаленных местах, опасаясь гонений властей. В горы уходили и высокоморальные конфуцианцы, когда обижались за что-то на короля или собратьев-придворных. Свой протест обиженные ученые выражали тем, что отдалялись от дел, уходили в глухие районы и там обрабатывали небольшой клочок земли, а в свободное время писали стихи на камнях и стволах деревьев — с тем, чтобы их смысл первый же дождь (видимо, тоже в знак протеста чтоб сии шедевры никому не достались)

Ходят в горы корейцы и сейчас. Некоторые — для сбора лечебных трав и корней, кто-то — для спортивных упражнений, но в основном для целей чисто эстетических — созерцания гор в весеннем цвету или осенних пейзажей, до которых корейцы большие любители.

Корейцы убеждены в полной уникальности своих гор. Один мой знакомый кореец как-то доказывал, что корейские горы, в отличие от гор других стран, бесконечно разнообразны, напоминают то человеческую голову, то фигурку животного, в то время как хваленые Альпы «совершенно одинаковы» в любом ракурсе и районе. Спорить с ним я не стала, потому что в Альпах ни разу не была — как, впрочем, и сам мой знакомый.

Горы в Корею не особенно высоки и сильно окультурены. Если вы услышите от корейца, что он «в свободное время занимается альпинизмом», то знайте, что перед вами, как правило, не отважный покоритель Эвереста. Правда, в последнее время корейская молодежь начала увлекаться и настоящим альпинизмом, но все-таки чаще всего имеется в виду не он. «Альпинизм» — это не совсем точно переведенное на русский язык слово «тынсан», что действительно может означать «альпинизм», но скорее всего просто «прогулку по горам». Для корейского тынсана не нужно обладать ни буграми бицепсов, ни мужественным заросшим подбородком. Тропинки, по которым ходят корейские туристы, предусмотрительно снабжены указателями, лестницами, опорами, мостами, веревочными загородками, фуникулерами, отелями, туалетами и закусочными. Чтобы заблудиться в этих горах, надо ну очень сильно напиться. Конечно, несчастные случаи бывают и здесь. Однако при «разборе полетов» всегда оказывается, что крутизна корейских гор не при чем: виноват сам пострадавший, которого понесло куда-нибудь на Сораксан, несмотря на все предупреждения о снегопаде или ливневом дожде. Кстати говоря, в непогоду на туристских тропинках стоят специальные служители со свистками, которые сгоняют бесшабашных туристов вниз, от греха подальше.

В горы корейцы ходят большими группами, снаряжаясь по специальной туристической моде: и мужчины, и женщины в непременных жилетах со множеством карманчиков, в коротких широких штанах, в длинных носках до колен и тяжелых ботинках. В таких основательных доспехах (кстати говоря, недешевых) любители гор заполняют собой вагоны сеульского метро по выходным, и трудно отделаться от ощущения, что весь город принял участие в массовом маскараде. Ведь максимум, что проделает большинство этих альпинистов, — съездит на небольшую загородную прогулку, для которой вполне сошли бы обычные кроссовки. Любопытна, кстати, еще одна деталь туристического наряда — часто его дополняет какая-нибудь гремучая висюлька, вроде связки ножичков или колокольчика. Идет, например, группа дедушек, и гремит, гремит...

Корейские родители берут с собой в горы и детей с самого мелкого возраста, и те уже в 3—4 года резво скачут с камушка на камушек. Ведут туристы себя в горах очень жизнерадостно и шумно — поют, зачем-то хлопают в ладоши в такт ходьбе, кричат, добываясь эха, бросают камушки с моста. В горах много и часто едят — и свои припасы, и осажая дорожные ресторанчики. В горах много пьют — и родниковую воду, и кое-что покрепче — и покупают бесчисленные сувениры.

Вообще горы в Корее — довольно бойкое торговое место. Идя по горной тропинке, то и дело натыкаешься то на передвижной лоток, где обжаривают каштаны, личинки шелкопряда или батат, то на бабушку с запасами термосов, продающую горячий кофе. Судя по всему, это довольно прибыльный бизнес. В горах корейцы, и так не склонные к излишнему скупердяйству, «гуляют» всюю и покупают буквально все, что продается.

В горах расположены многочисленные источники с минеральной водой. Рядом, как правило, находится большой общий ковш.

Из него пьют по очереди все туристы. Оставляю этот факт без комментариев. Впрочем, нет, добавлю один. Как-то раз я пошла в горы со знакомым американцем, большим энтузиастом Азии.

Воду с собой он нес в специальной бутылочке, из которой можно пить, не прижимая губ — для гигиены. Однако, углядев общий ковш у какого-то очередного «целебного источника», как написано было на табличке, американец подошел и демонстративно напился из него. Отвечая на мой немой вопрос, он сказал, что принципиально всегда, во всех азиатских странах пьет воду целебных источников из общих ковшей и никогда не заражается. По его убеждению, целебность воды препятствует распространению заразы. Даже из Ганга пил — и ничего, жив остался.

Вот какие бывают храбрые американские парни.

Прайвеси в горах

Но вообще западные туристы прелестей корейского отдыха не понимают. Индивидуализм мешает. Помню, как-то я пошла в горы с приятелем-англичанином, и всю дорогу он ныл, глядя вокруг: «Ну, что это такое! Ну, зачем вокруг тропинки эти железные ограды? Ну, почему столько народу и все кричат «Хай!»

Смотри, опять торговец. Ну, хоть где-нибудь есть в Корее безлюдное место?!» Надо сказать, что до некоторого времени я разделяла подобные воззрения. Но один случай навсегда вылечил меня от стремления к уединению в корейских горах.

Однажды летним утром я решила прогуляться по Кванаксану (это горы на юге Сеула). Погода благоприятствовала моим замыслам, мускулы поигрывали, и я решила

усложнить себе спортивную задачу и забраться на одну крутую вершину, которую народ благоразумно обходил, ибо к ней не вела ни одна протоптанная тропинка. «Вот и хорошо! — подумала я. — Никто под ногами путаться не будет». И я устремилась ввысь.

Тропинка с шумными туристами осталась далеко внизу, а я была на вершине, одинокая и свободная, как орлица. Потом посмотрела вниз. И поняла, что спуститься обратно могу только на крыльях, потому что вершина представляла из себя огромный и скользкий голый камень. В «12 стульях» подобная ситуация уже хорошо описана, но мне тогда было не до смеха. Отца Федора хотя бы видели проходящие мимо люди, а моя скала, извернувшись каким-то особо пакостным образом, полностью скрыла меня от человечества. Не помню, как уж я спустилась со злополучной вершины, но, видимо, вид у меня после спуска был не самый цветущий, потому что первая же встреченная на человеческой тропинке компания аджумм запрочитала, увидев меня: «С вами все в порядке?», — усадила на коврик и стала чем-то отпаивать и откармливать.

С тех самых пор люди в горах мне больше не мешают.

Глава шестнадцатая

Иностранец в корейском кино

Помните ли вы, уважаемые читатели, знаменитое высказывание Владимира Ильича, украшавшее провинциальные кинотеатры застойных времен: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»? В Корее я часто вспоминала его, каждый раз убеждаясь в мудрой ленинской прозорливости. Действительно, «для них» (то есть для тех, кто формирует общественное мнение) кино (а ныне и телевидение) — это тяжелая артиллерия.

В Корее я впервые получила волнующую возможность прикоснуться к «важнейшему из искусств» не только как зритель, но и как непосредственный участник. Возможность осталась по моей вине нереализованной, зато дала мне ценный страноведческий опыт.

Случилось это вскоре после моего приезда в Корею. От знакомых иностранцев я уже была к тому времени наслышана о фантастических возможностях кинокарьеры для белого человека в Корее, когда русоволосым и голубоглазым за одно появление в кадре отваливают сумасшедшие деньги, а потом еще полгода спустя их, как кинозвезд, узнают аджуммы с рынка Тондэмун и продают, в знак восхищения, носки со скидкой.

Звучало заманчиво: какая женщина не мечтает стать актрисой? Конечно, я сознавала некоторую свою ущербность по части цвета волос, от корейского почти неотличимого, но на свете в конце концов существуют парики, голубые же глаза в наличии имелись...

Поэтому я была морально готова к интересному предложению со стороны корейских кинокомпаний. И оно не заставило себя долго ждать.

«Для телесериала требуются две белые женщины. Срочно!» – так передал мне просьбу некоего корейского продюсера приятель.

Что за сериал, он точно не знал. Мы с подругой-эстонкой отправились навстречу славе и гонорарам, вспоминая по пути систему Станиславского и делясь сомнениями, хватит

ли нашего корейского, чтобы понять замысел режиссера. Оказалось, что корейского хватает. Роли, которые приготовил для нас корейский Станиславский, были простыми как мычание и драматических талантов не требовали. Главный герой фильма, талантливый художник и неотразимый любовник (кореец, разумеется), должен соблазнить наших героинь. С одной из них в неглиже его застают, по сценарию, потрясенные родители.

...Нашего корейского хватило на то, чтобы внятно объяснить режиссеру, что мы думаем о корейских кинематографистах, художниках и мужчинах, в частности, о нем лично. Когда же первый взрыв бешенства у нас прошел, мы с подругой стали думать, почему продюсер не пошел легким путем — не поискал своих, родных женщин облегченного поведения? Но чем больше корейских фильмов я смотрю, тем яснее понимаю, что корейская блудница со сверхзадачей того сериала не справилась бы. Продемонстрировать всю бездонную глубину падения корейского юноши из приличной семьи должна была именно белая женщина. Такой художественный прием нашел бы в сердце массового зрителя самый горячий отклик.

Нет, мне пока не доводилось видеть на здешних экранах голых блондинок в объятиях корейских донжуанов — видимо, тот режиссер пошел дальше других в своих художественных поисках.

Однако ушел он не слишком далеко. Его новаторство было призвано лишь добавить новые оттенки в образ белого человека в корейском кинематографе. Образ, скажем прямо, не особо сложный. Корейское кино в принципе не склонно углубляться в психологические дебри, а уж по поводу иностранцев и вовсе не намерено разводить никакой Достоевщины. Белого человека корейское кино рисует однозначно и просто. Перед вами, господа, идиот.

Идиот несомненный и безоговорочный. Он, в общем-то, не злой (идиоты, как известно, отличаются добродушным нравом), однако без мудрого корейского опекуна в этой жизни просто пропадает. Например, он, как истинный недоумок, тащит в рот всякую дрянь, вроде гамбургеров, в результате то и дело попадая в больницу. Кто спасает его? Ну, конечно, старая корейка, приносящая горшок с единственной настоящей пищей — кимчи и рисом. Он дик и бескультурен — настолько, что отдает предпочтение китайской традиционной живописи перед корейской, объявляя последнюю подражанием первой (подумать только, какое невежество! Любой школьник в современной Корее знает, что корейцы не подражали никому и никогда!), — и только простая корейская девушка, продавщица цветов, раскрывает ему глаза на единственное подлинное искусство.

...На телеэкране корейская студентка обучает иностранную подругу корейскому языку. Иностранке, конечно, трудно (ума-то не хватает!). Но корейка терпелива и снисходительна к бедняге. Мягким голосом она диктует ей простые и понятные всякому нормальному человеку слова: «Рис. Кимчи. Корея». Иностранка (которая до сих пор вела с ней беседу исключительно по-корейски) пишет диктант с большим трудом. Она по-неандертальски насупливает надбровные дуги, высовывает от усердия язык, вытирает взмокший лоб, а затем, вконец истомленная непосильным трудом, поднимает на зрителя выпученные глаза...

И я узнаю в этой очередной белой теледурочке мою знакомую. В жизни — это гордая, умная девушка, прекрасно владеющая несколькими языками, включая корейский. Девушка очень красивая, с лицом, на которое хочется смотреть как на реку, на небо... Режиссеру надо было хорошо постараться, чтобы превратить ее в дегенератку — подобрать безобразный парик, изуродовать гримом лицо, выработать походку носками

внутри. Однако социальный заказ он выполнил безукоризненно. А именно — в очередной раз, в новой форме внушил родному народу чувство глубокой полноценности (для наглядности сравнив с идиоткой-иностранкой), убедил людей в том, что «корейское — значит, лучшее».

Да поймут меня правильно читатели — я вовсе не осуждаю тех, кто этот заказ дает (те самые, для кого «кино — важнейшее из искусств»). Отнюдь. Они свое дело знают и делают его хорошо. Благодаря их трудам Корея может спать спокойно.

Корейской культуре не грозит вестернизация, корейским корпорациям — «эпоха МВФ», корейским производителям — засилье западных товаров. Порядочная корейская невеста не обломится рыжему вояке с американской базы, а гамбургер не победит кимчи. Пока народ убежден в том, что он исключителен, беспрецедентен и неповторим, пока он ощущает себя в белом костюме (а всех остальных — сами знаете в чем), ему нечего бояться. Зовите это патриотизмом, национализмом или шовинизмом, зовите это проявлением национального самосознания, но на данном историческом этапе подобные убеждения народных масс — вещь для государства необходимая. Может быть, когда-нибудь, в светлую эпоху победившего коммунизма, интернационализм и восторжествует. Пока же для любого здорового общества (Корея — одно из них) своя рубашка ближе к телу, а посему все средства пропаганды поддерживают уверенность народа в собственной исключительности. Методы могут быть разными, но суть одна.

Мне смешно, когда я слышу праведное возмущение американцев по поводу корейского национализма, ксенофобии и недостатка в этом народе «ореп mind». Достаточно посмотреть пару голливудских фильмов, чтобы понять — американский национализм даст корейскому сто очков вперед. В превосходстве американцев над другими нациями там вас убеждают куда более тонко и дипломатично. Там не будут прилюдно линчевать француза. О, нет!

С экрана будут звучать прелестные французские мелодии, будут демонстрироваться красоты Юга Франции, будет разворачиваться волнующая любовная история между американкой и французом — и вы преспокойно проглотите некоторые фразы главной героини: «обращайся с французским официантом как с дерьмом, и он будет уважать тебя»; «Ты, француз, отравленный алкоголем и никотином»; «Французы едят нездоровую пищу и ненавидят нас» и т. д. Под расслабляющим влиянием солнечных виноградников на экране у вас не возникнет внутреннего протеста против, мягко говоря, однобокой концепции фильма, где француженки показаны лживыми развратницами, а американки — чистыми и открытыми женщинами, ориентированными на вечные ценности; американцы — людьми законопослушными, трезвыми, следящими за своим здоровьем, а французы — бабниками, азартными игроками, пьяницами и транжирами (правда, не лишенными своеобразного порочного обаяния). И все это — не в какой-нибудь грубой пропагандистской листовке, а в милой романтической комедии «Французский поцелуй». Воистину: «кино — важнейшее из искусств».

Как я уже сказала выше, корейская кинематография действует куда более прямолинейно. Она сильно напоминает традиционный народный танец с масками — тхальчхум, в котором заранее известно, где герой, а где негодяй — это, извините за каламбур, у них на морде написано. Так вот, если вас, голубоглазые мои, пригласили сниматься в корейском фильме, знайте, что скорее всего в нем вам будет уготована маска «духа лихорадки» — это то, к чему образ иностранца максимально приближается. За то, что вы под ярким светом софитов наденете эту безобразную

маску, изображая «наивную студентку», русского мафиози или шлюху из американского бара, вам действительно хорошо заплатят. Но будьте готовы к тому, что постепенно ваше настоящее лицо в этой маске прирастет, а походка так и останется носками внутрь. За одни голубые глаза гонораров не платят нигде.

Глава семнадцатая

Что подарить корейцу?

Вопрос этот рано или поздно встает перед любым человеком, имеющим корейских друзей, знакомых или сослуживцев. Вас пригласили на праздник. Что подарить? Вопрос — это, конечно, индивидуальный. Однако в Корее есть в отношении подарков некоторые правила, традиции, которые полезно знать иностранцу.

Например, на новоселье в Корее принято дарить... мыло и спички. (Мыло можно заменить стиральным порошком.) Эти подарки имеют символический смысл. Мыло дает пену, спички — огонь, а это символы процветания, богатства. Конечно, подарить хорошо бы не по одной пачке этих «символов», а по упаковке, чтобы хозяину пригодились в будущем.

При открытии фирмы, на учрежденческий юбилей положено дарить большие зеркала. Тоже старый обычай, связанный с поверьями об изгнании злых духов. Считается, что нечистая сила не в ладу с зеркалами.

Что касается свадьбы, то здесь можно расслабиться и не вспоминать лихорадочно, есть ли у вашего друга сервис на 12 персон или нет. На корейскую свадьбу положено дарить деньги в конвертике — как, собственно, и у нас в России в последнее время.

Вообще же следует учесть, что отношение к деньгам в Корее в корне отличается от российского. Если в России, особенно в интеллигентной среде, деньги считаются чем-то не совсем чистым, дарить их до сих пор как-то неудобно, то в Корее к этому относятся куда проще. Деньги здесь принято дарить даже маленьким детям. Моей Маше корейские знакомые довольно часто пытались вручить деньги за красоту или вежливость. Помню, как ошарашил меня этот обычай в первый раз. Я взяла пятилетнюю Машу на одну деловую встречу в ресторан, предварительно строго проинструктировав, что вести она себя должна будет как мышь.

Дочь дисциплинированно выполнила наказ — во время долгих и скучных разговоров взрослых не издала ни звука. Ее послушание настолько поразило корейцев, что после окончания ужина они пораскрывали бумажники и попытались одарить моего ребенка... десятитысячными купюрами. Моего решительного отказа не поняли и даже, кажется, обиделись.

Как-то раз Маша была приглашена на день рождения к своему приятелю — американскому корейцу. Мы долго думали с ней, что же подарить Крису, полтора часа ходили по рынку и выбрали наконец самую большую, самую красную и самую заводную машинку. И... оказались единственными, кто подарил имениннику игрушку, — все остальные, даже родственники, преподнесли деньги. Правда, выяснилось, что

именно наш подарок впечатлил Машиного друга — в свои пять лет он не очень разбирался в денежных купюрах и побросал в угол скучные конвертики, зато машинку буквально не выпускал из рук.

Что касается цветов, то сейчас под влиянием Запада корейцы начали дарить любимым букеты. Однако цветы по-прежнему не несут для корейской женщины того особого романтического смысла, который придают букетам, например, россиянки.

Практичные корейки рассуждают просто: цветы стоят недешево, а вянут быстро. Так зачем они нужны? В одной из корейских реклам встречается фраза: «Здравомыслящая женщина — эта та, которая букету из 100 роз предпочтет простое «люблю». Думается, правда, что одного «люблю» корейке будет явно недостаточно и она предпочтет розам скорее золотое колечко или платье — это обычные подарки любимой девушке в Корее (золото и одежда здесь не очень дороги).

Цветы в Корее, однако, популярны как подарки в другом оформлении — не в виде букетиков, а в виде больших венков, вроде тех, которые у нас несут за гробом. Только, в отличие от России, эти огромные венки преподносят в противоположных случаях — когда у человека радость: на свадьбу, открытие фирмы. Мне рассказали курьезный случай: заботливые корейские сослуживцы внесли как-то такой венок в больничную палату одного русского сотрудника, ожидавшего операции. Надо полагать, настроение этим они ему не подняли.

Эти огромные венки в Корее развозят по месту назначения работники небольших цветочных магазинчиков на мотоциклах.

Как все мотоциклисты в Корее, они несутся на сумасшедшей скорости, не соблюдая никаких правил дорожного движения — на красный свет, по пешеходным дорожкам... Бешено мчащийся по улицам Сеула «катафалк» — зрелище совершенно фантазмагорическое.

Но вернемся к подаркам. Если ваши отношения с девушкой зашли еще не очень далеко или вас «душит жаба» при мысли о золотом колечке — есть вариант попроще. В Корее существует огромное количество сувенирных магазинов, в которых продается... нечто. Какие-то придамбасики, сюсюкалки, миниатюрные портретики, куколки, висюльки и значки... Все чрезвычайно маленькое, хорошенькое, разноцветненькое и абсолютно бесполезное. Очень напоминает пресловутых «фарфоровых слоников», с которыми боролись на заре Советской власти как с атрибутами мещанского быта. В современном российском доме этих бирюлек вы уже не встретите — нашу хозяйку приведет в ужас мысль о необходимости регулярно стирать с них пыль. Кроме того, российские представления о хорошем тоне исключают загромождение жилого пространства разнокалиберными побрякушками.

В Корее же дело обстоит совершенно иначе. Помню, как поразила меня «смешением стилей» увиденная впервые обстановка профессорского дома в Корее: дорогой мебельный гарнитур там соседствовал с какими-то целующимися гипсовыми хрюшками, прекрасного качества аппаратура — с дешевыми статуэтками Св. Марии, раскрашенными распрятиями и откровенно плохими картинами. Эстетика корейцев сильно отличается от нашей: ни в одежде, ни в интерьере, ни в аксессуарах «кашу маслом» испортить они совершенно не боятся. Так что, если вы подарите вашей девушке очередную финтифлюшку непонятного назначения — она, скорее всего, будет рада.

А вот традиционный на Западе подарок женщине — духи — ей вряд ли придется по вкусу. Пользоваться духами в Корее только-только начинают, и толка в запахах

корейские женщины, по-моему, еще не вполне понимают. По крайней мере, французская дорогая парфюмерия оставляет большинство моих знакомых кореянок равнодушными, в то время как дешевые цветочные запахи в отечественных флакончиках явно нравятся больше. Но и те — относительно. Гораздо ценнее будет выглядеть в их глазах косметический набор — опять же отечественного производства.

И еще несколько правил. Подарить нижнее белье даже полужнакомому человеку в Корею считается совершенно нормальным. Не удивляйтесь, если вы, работая на корейской фирме переводчицей, в качестве новогоднего подарка от начальства получите комплект из кружевных трусиков и бюстгалтера самого провоцирующего образца. Не стоит на этом основании сразу же подозревать руководство в нехороших намерениях. Оно просто честно хотело подарить вам нужную вещь. А вот некоторые совершенно невинные на первый взгляд подарки могут вызвать неловкость и смущение. Например, кое-какие наборы традиционных лекарственных средств, укрепляющих здоровье, — «пояк».

Такие наборы, куда входят разнообразные сушеные грибы, женьшень, жужуба и проч., продаются в больших универсамах и предназначаются для пожилых людей. Хороший подарок, но, прежде чем выбрать его, лучше посоветуйтесь с корейцами.

Чтобы не попасть в неловкое положение, в котором как-то оказалась я.

Однажды мне помог в сложной ситуации кореец — немолодой интеллигентный человек. Я решила отблагодарить его и в качестве подарка выбрала в магазине первый попавшийся набор лекарственных средств, в котором неведомые мне коробочки и корешки показались самыми завлекательными. Когда я вручала подарок, в комнату неожиданно зашли друзья этого человека. Рассмотрев, как следует яркие коробочки, они стали совершенно неприлично хохотать и перебрасываться многозначительными намеками, вгоняя моего знакомого в краску. Оказалось, что средства, которые я подарила, предназначены для повышения потенции и в качестве подарка из рук молодой женщины выглядели в высшей степени двусмысленно. Видимо, подарила я ему, в переводе на наш язык, что-то вроде виагры или набора презервативов.

С тех пор, выбирая лекарственный подарок, я всегда консультируюсь в универсаме с продавщицами. Потом я дарила «пояк» пожилым людям не раз и, по-моему, удачно. Рекомендую и вам.

Но не вздумайте в качестве «общеукрепляющего» подарить банку брусники или наш мед — скорее всего, ваш подарок просто выбросят. Корейцы, особенно пожилые, свято верят исключительно в свою (точнее говоря, обще дальневосточную) медицинскую мудрость.

Подарки в Корею положено вручать в красивой обертке. В магазине, где вы покупаете подарок, для вас упакуют его бесплатно.

Но если дарите что-то заморское, полагается все равно завернуть в яркую упаковку. Красиво упаковывать подарки, кстати говоря, может любой кореец — этим корейские дети занимаются на уроках в начальной школе. Традиция квалифицированного обращения с бумагой идет в Корею от традиции, которая у нас известна под японским названием оригами, а в Корею — под своим собственным «чоничопки», что переводится просто — «складывание бумаги».

Ну и, наконец, насчет «лучшего подарка», книги. Если вы не знаете точно вкусов человека, лучше подарить не саму книгу, а так называемый книжный чек на определенную сумму. Человек, придя в магазин, может сам выбрать все что захочет.

Книжные чеки продаются в Корее в разных местах, в том числе и в книжных магазинах.

Глава восемнадцатая

Корейские дети

Тема эта интересовала меня больше остальных — ведь в Корее помимо работы и учебы мне приходилось заниматься и воспитанием своего ребенка. В отличие от большинства иностранцев, я во время пребывания в этой стране столкнулась практически со всеми детскими учреждениями, за исключением, пожалуй, роддома. Однако, поскольку значительную часть моих знакомых составляли корейские мамы Машинных друзей, недостающий опыт в значительной мере компенсировали их рассказы.

Начало

Беременность в Корее не обставляется таким количеством обрядов и суеверий, как в России. Если у нас не принято говорить о своем будущем ребенке с посторонними людьми, не принято заранее покупать вещи для младенца, не принято обстригать волосы во время беременности и проч., то в Корее ко всему этому относятся намного проще. О том, не беременна ли жена («нет ли новостей?»), молодых супругов спрашивают все, кому не лень. О наступившей беременности объявляют открыто и тоже всем подряд. Сослуживцы и знакомые заранее поздравляют супругов с будущим ребенком (могут даже прислать открыточку). Младенцу загодя покупают вещи.

Правда, последнее сделать в Корее не так просто, ибо кто родится — девочка или мальчик, — супруги знать не должны. Врачам законодательно запрещено сообщать родителям пол будущего ребенка. Этот запрет придуман для того, чтобы предотвратить аборты плода женского пола, до недавнего времени весьма распространенные в Корее. Многие женщины переживали по 1015 абортов — до тех пор, пока не понесут желанного сына. Часто зачать сына так и не получалось, и муж разводился с женой по этой причине — это считалось вполне разумным и достаточным основанием для расторжения брака еще в 80-е годы XX века. Здесь налицо — старая патриархальная традиция. Мальчик необходим корейской семье не только для того, чтобы продолжить род, но, и чтобы справлять обряды поминовения родителей — девочке это делать «не по чину» (об этой проблеме я расскажу ниже). Если раньше люди рожали лотерейно, то теперь появилась возможность выбора. И старые предрассудки, вооруженные новейшими достижениями медицины, привели к удручающим результатам. Уже сейчас в стране наблюдается серьезный дисбаланс — девочек рождается значительно меньше. По прогнозам, в 2020 году диспропорция будет составлять 100 женщин на 120 мужчин. И это не предел.

Во избежание новых абортов корейские врачи обязаны держать в тайне результаты ультразвуковых исследований роженицы.

Однако корейцы говорят, что на практике этот запрет легко обойти. Одна моя знакомая супружеская пара после исследования УЗИ задала врачу простой вопрос: «А у нас тут от старшей дочери вещи остались. Их выбрасывать или сохранить?» Получив утвердительный ответ, они, конечно, поняли, к чему им надо готовиться, но, к их чести, родили вторую дочку.

Роды

Точно так же, как и везде, это мероприятие в Корее болезненно, и в огромном количестве случаев, чтобы избежать боли, кореянки настаивают на кесаревом сечении — даже когда со здоровьем у роженицы и ребенка все в порядке. И если в российской больнице звуки, доносящиеся из родовой палаты, вполне способны свалить в обморок здорового мужчину, то корейская родовая палата часто — тихая обитель. По сути дела, просто операционная.

Ситуация противоположна российской. У нас роженица боится кесарева сечения как огня, начитанная обо всех возможных осложнениях для здоровья ребенка в таком случае, и даже при риске для собственного здоровья противится операции до последнего. Кореянки же на операции идут легко и массово. При всей своей озабоченности красотой они не боятся даже безобразного шрама на животе. В отличие от России, где шрам при таких операциях делается маленький и продольный, в самом низу живота, в Корее женщинам полосуют живот поперек, длинным разрезом. Рожавшую женщину в бане можно сразу узнать — ее живот выглядит так, как будто она делала себе хакакири. Почему в Корее так распространены кесаревы сечения? Во-первых, насколько я могла убедиться, о возможных осложнениях для плода в случае операции корейские женщины просто не знают. Нигде в популярной медицинской литературе, которую я в Корее читала регулярно, мне не встречались статьи, пропагандирующие естественные роды. По моим ощущениям, кесарево сечение большинством современных кореянок воспринимается как вполне нормальный современный способ воспроизвести на свет ребенка. «Современно» — то есть безболезненно.

Вторая причина массового распространения операций, увы, материальная. Как объясняли мне знакомые кореянки, корейский врач получает гораздо больше за проведение операции, чем за нормальные роды. Естественные роды ему просто невыгодны. Вот почему при малейших сложностях (а порой, думается, и без оных) врачи говорят женщинам, что операция необходима. А в Корее врачей принято слушаться и не задавать им лишних вопросов. Точно так же «современно» кореянки относятся и к грудному вскармливанию.

Статьи о пользе вскармливания младенца материнским молоком в корейских медицинских изданиях хотя и встречаются, но все же их гораздо меньше, чем статей, скажем, о пользе кимчи. Вот почему кореянки с самого начала предпочитают переходить на удобные бутылочки со смесью. В их-то рекламе в Корее недостатка нет...

«Мы юные кавалеристы...»

Читателю может показаться, что цивилизация не оставила в корейском подходе к младенцам ничего «посконного и домотканого». Но это не так. Сохранилось многое.

Например, корейский способ убаюкивать ребенка, который меня всегда впечатлял. Мать сильно, с глухим стуком бьет его рукой по спине, приговаривая:

«Чачжан, чачжан...». Западный младенец наверняка зашелся бы в крике от такого решительного обращения. Корейский же начинает мирно посапывать. Но «чачжан-чачжан» — это еще не самая характерная деталь. Куда более интересна другая распространенная традиция — носить ребенка на спине.

Некоторым россиянам она кажется, скажем так, не очень современной. Неудобно, тяжело, да и «ноги становятся как у кавалериста» (это основной аргумент противников). Так ли это?

Традиция носить детей на спине существует во всех странах Дальнего Востока. Она идет от простого и практичного соображения: матери необходимо освободить руки для повседневной работы по дому, на огороде, в поле, а ребенок при этом должен находиться рядом и не реветь. И старая традиция превосходно справлялась с этой задачей. Непонятно, как такая простая идея не приходила в голову западным женщинам. Вспомним, как маялись наши крестьянки, которым приходилось во время работы на пашне оставлять детей под кустом, где малыш мог стать добычей пробегающего волка.

Хотя сегодня корейская промышленность выпускает множество разнообразных колясок, традиция носить детей на спине сохранилась. В стране с высокой плотностью населения с коляской трудно развернуться на улице, в метро, в то время как женщина с живым рюкзаком на спине куда более мобильна. Но дело не только в этом. Постоянное нахождение ребенка при матери (а спит корейский младенец тоже рядом с ней или бабушкой) имеет дополнительные достоинства, которые оценивают уже и на Западе.

В 70—80-е годы в советской педагогике были известны имена супругов Никитиных. Они, сами педагоги по образованию, воспитали семерых детей, причем делали это по-своему, во многом нарушая предписания тогдашней науки. Не со всеми предложениями Никитиных можно согласиться, но многое они меняли разумно, и сейчас немало того, что казалось эксцентричными выходками оригиналов, взяли на вооружение официальная медицина и педагогика. Одной из таких идей был отказ от предписания держать младенца в кроватке в часы его бодрствования.

Лена Никитина, как многие западные матери, мучилась проблемой: сын, оставленный в кровати, неугомонно орал, будучи и сухим, и сытым, — желал пообщаться. Бабушка советовала по старинке брать его на руки и качать. Районная тетя в белом халате — не подходить ни в коем случае («вырастите эгоиста»).

Лена сделала так, как поступают женщины в восточных странах, — привязала младенца к себе. Сын не только успокоился, но и даже стал опережать сверстников в развитии.

Многочисленные западные исследования подтверждают, что это не случайно. «Кроватный» ребенок, который видит перед собой одну и ту же надоевшую погремушку, действительно развивается не так быстро. Ведь максимум информации в этом возрасте берется из простого созерцания мира. Поэтому тот малыш, которого мать везде берет с собой, получает больше возможностей для развития. Сравнительный анализ интеллекта младенцев западных, находящихся постоянно в кроватке или манеже, и их восточных сверстников, доказал, что последние, которых мамы носят при себе, развиты намного лучше. Кроме того, ощущая материнское присутствие каждую минуту, они более уравновешены.

Эти научные данные пришлись на период «бэби-бума» на Западе. Тамашние родители ужаснулись тому, что мощный ресурс развития интеллекта остается неиспользованным, и с чисто американским энтузиазмом ринулись вытаскивать малышей из кроваток. Детей стали носить на руках, в специальных сумках «кенгуру». С младенцами стали кататься на скейтбордах и велосипедах. Для молодого американского папы в драных джинсах особым фаном стало появляться на молодежных тусовках с едва родившимся ребенком, небрежно засунутым чуть ли не в карман. Сегодня в среде западных деловых леди вполне естественным считается прийти на вечерний прием или научную конференцию с месячным младенцем, и во время обсуждения какого-то серьезного вопроса прилюдно достать грудь и покормить будущего интеллектуала. Та «мужская шовинистическая свинья», которая вздумает возражать против такой боттичеллевской картины, будет подвергнута безжалостному осмеянию феминисток (а того, кто будет смотреть слишком умиленно, могут засудить за сексуальные домогательства). Но так или иначе, девиз нынешней западной педагогики — младенец должен быть постоянно рядом с мамой.

То, что для Запада — бэби-буря, для Кореи — старая проверенная практика. Многие привычки взрослых корейцев объясняются тем, что в детстве их носили на спине. Так, удивительная способность корейцев засыпать в метро стоя, как лошади, наверняка объясняется тем, что в такой позе, столбиком, они спали в детстве. Любимых девушек корейские ромео носят не на руках, а на спине (удобно, между прочим, — меньше риск уронить). На спине же, в знак уважения и преданности, повзрослевшие корейские дети часто носят и старых родителей, и есть в этой традиции трогательная печаль: когда-то мать носила сына на спине, а теперь он ее носит. От традиции носить детей на себе корейцы, похоже, не думают отказываться и впредь. Правда, все чаще молодые мамы носят детей впереди, в западной сумке «кенгуру» — так фигура женщины смотрится эстетичней, ей не приходится горбиться.

Интересно, что в отличие от Юга, в Северной Корее стесняются традиции ношения ребенка на спине. Вот что пишет об этом А. Н. Ланьков в книге «Северная Корея: вчера и сегодня», изданной в Москве изд-вом «Восточная литература» в 1995 году:

«Как ни странно, но то, что корейки носят детей на спине, почему-то возведено в КНДР в ранг самой настоящей государственной тайны. Женщину с ребенком на спине, равно как и с грузом на голове, нельзя увидеть ни в одном северокорейском фильме, ни в одной книге или газете. То есть когда речь идет о темном колониальном прошлом или об ужасах южнокорейской действительности, то в фильмах показывают женщин с детьми на спине, но вот если фильм посвящен КНДР и современности, то об этом не может быть и речи: малышей на экране возят в колясках (хотя за все время пребывания в Северной Корее я видел только одну коляску) или носят на руках. У одной студентки из ГДР при мне сопровождающие нас корейцы даже засветили пленку именно потому, что она сняла малыша, уютно устроившегося на спине у мамы. В чем причина таких строгостей — непонятно, ведь детей на спине носят даже японки и — ничего, не стесняются» (стр. 206).

Не будем судить Северную Корею — над ней, как известно, грешно смеяться. На Юге старой традиции никто не стесняется.

Но остается один животрепещущий вопрос: а как же насчет ног?

Неужели корейцев не заботит внешний вид подрастающего поколения?

Ножки корейков действительно не отличаются особой стройностью. Но почему мы так уверены, что дело здесь именно в ношении детей на спине, а не в традиционном

питании, практически лишенном кальция? Ведь у тех же арабов, которых матери тоже носят на спине, которые тоже сидят, скрестив ноги, но при этом едят много мяса и молока, ноги в большинстве случаев длинные, стройные и прямые. И у молодых корейцев, перешедших на западный мясомолочный рацион, ноги заметно красивее, чем у поколения их родителей.

...Современный, шумный, залитый огнями Сеул невозможно представить без женщин, согнувшихся под тяжестью своей драгоценной ноши — маленьких кавалеристов. Моя дочка тоже по достоинству оценила этот способ передвижения. И даже в 5—6 лет, когда Маша уже выросла для того, чтобы проситься на ручки, она частенько использовала другой вариант: «Понеси меня по-корейски».

Как корейцы воспитывают детей

Воспитание детей в Корее характеризуется противоположными и на первый взгляд взаимоисключающими тенденциями.

Однако, собранные воедино, они, как разные, но хорошо слаженные инструменты в оркестре, дают очень неплохой результат — законопослушные, лояльные граждане, опора и главный капитал Страны утренней свежести. Как же их такими делают?

Маленькие башибузуки

Маленький корейский ребенок выглядит как елочный ангелочек. Он красиво подстрижен, часто завит в парикмахерской и подкрашен. Одет с иголки и окружен множеством новеньких игрушек. Однако после пятиминутного общения с этим ангелочком вам наверняка захочется назвать его как-то иначе: башибузук, вождь краснокожих...

...Час пик в сеульском автобусе. Давка, теснота, усталые лица вокруг. Мне достается свободное место с жутким горбом на полу.

Устраиваюсь, принимая позу зародыша, закрываю глаза и ... ПИИ-И! ВИУ! ВИУ! — раздается над ухом резкий отвратительный звук.

Рядом со мной стоит мальчик 5—6 лет и играет на дудочке. В час пик. В городском автобусе. Рядом с мальчиком стоит папа и индифферентно читает газету.

Спрогнозируйте реакцию окружающих, уважаемые читатели.

Дудочку сломали, папу спустили с задней площадки, мальчику открутили уши? Ничего похожего — это вам не Москва. Ребенок продолжал дудеть, папа — читать, а окружающие — ехать. Мне оставалось только метать в сторону музыкального мальчика злобные взгляды. Выразить свои чувства словами очень хотелось, но я не решилась. Меня бы не поняли: это же ребенок!

Да, это ребенок, а значит, ему позволено все. Воспитание в Корее начинается с полнейшей вседозволенности. Маленьких детей безудержно балуют, закармливают и заласкивают. Запретов, ограничений — практически никаких. Попробуйте сделать самое справедливое замечание своему ребенку, в самой мягкой форме на глазах корейцев. Вся ваша логика, вся ваша правота разобьются о непоколебимое: «Это же ребенок!» Дети пользуются этим в полной мере.

«Это же ребенок», — объясняет мне подруга, когда я пытаюсь как-то вразумить незнакомого мальчика в метро, висящего передо мной на поручнях и извозившего мне

весь подол грязными ботинками. Во взглядах окружающих читается — какая ты зануда! Ну, развлекается малыш, скучно ему. Подол-то и отряхнуть можно.

Призывать детей к чистоте в Корее не принято. А выглядят они при этом как картинки. Можно только догадываться, каких усилий и денег стоит их ангельский вид родителям. Как-то раз я увидела в магазинчике платье на девочку лет двух-трех. Оно сверкало и переливалось, как фейерверк. Цена впечатляла не меньше. Полюбовавшись платьицем, я с наивным практицизмом подумала:

«Ну и кто его купит?» Буквально на следующий день увидела девочку, разряженную в это произведение искусства, в тончайших белых колготках, в лаковых туфельках — не хватало только серебристых крылышек за плечами. В таком виде она... ползала по полу в метро, издавая победоносные вопли. Куда более скромно одетая мама терпеливо ждала, когда дитя навозюкается всласть.

Ну да ладно, чистота — дело поправимое. При корейских-то порошках и стиральных автоматах. А вот когда дело касается еды... Тут запретов не существует никаких в принципе. Соображения о диатезах, диетах и прочей западной глупости просто не проходят. «Он у меня ужасный сластена, — жалуется знакомая кореянка, у пятилетнего сынишки которой все зубы испорчены кариесом. — А что делать? Любит сладкое». Мысль о том, что сладкого ребенку можно просто не дать, ей не приходит в голову. Я останавливаю свою дочь, пытающуюся съесть пятый подряд шоколадный пряник, и знакомый кореец, смущенно посмеиваясь, говорит: «Какая вы строгая мать!» Читай — какая жмотка, для ребенка пряничка пожалела!

В ресторанах, парках, в любых общественных местах царит в Корее неписаная диктатура ребенка. Запретительные таблички типа: «Не шуметь», «Не сорить», по всей видимости, относятся к непослушным взрослым. По крайней мере, дети их на свой счет никак не принимают. Поэтому упаси вас Господь оказаться в музее одновременно с группой младших школьников. Ор будет стоять такой, что из всего содержания экскурсии вы запомните только его. Правда, орут они беззлобно, просто чтобы выпустить пар — почти целый день сидят в душных классах, в библиотеках. Ни агрессии, ни стремления к актам вандализма (вспороть кожаное сиденье, нацарапать бранное слово на стене) не проявляют. Просто гикают и носятся, переполненные радостью жизни. Если невзначай толкнут — с поклоном извинятся. Но голова от криков этих милых деток все-таки пухнет. И никто не делает им замечаний.

Впрочем, одну вещь малышей делать все же заставляют: здороваться.

«Это тетя-иностранка. Скажи ей: «Хай», — убеждает свою полуторагодовалую дочку незнакомая кореянка в метро. — Ну, скажи: «Хай! Хай!»». При этом она пригибает головку ребенка в мою сторону, имитируя поклон. Кроха, которая, вероятно, не совсем еще освоила «хай» на родном языке, рассеянно отворачивается в сторону. Но мама настойчиво гнет маленькую головку и в конце концов добивается невнятного писка, долженствующего обозначить американское приветствие. Все, добились. И девочку спускают с рук — пусть теперь делает что хочет: ползает по полу, потом этими же руками берет из чужих рук шоколадки.

На первый взгляд кажется очевидным, что при таком воспитании ничего путного вырасти из ребенка не может — избалованный обалдуй получится, и больше ничего. Ан нет. Потому что в партии участвует еще одна педагогическая скрипка.

Спартанство и пофигизм

Зимой 1999 года все СМИ Кореи обошла информация об агитационном детском походе «на север» — из Пусана до Имчингака. Целью этого благородного мероприятия было силами детей привлечь внимание общественности к тем детям Кореи, чьи родители не могут платить за школьные завтраки. Участники похода прошли пешком за 12 дней расстояние примерно 330 км, остальную часть пути ехали на автобусах. Ночевали где придется — в школах, на обочинах дорог в спальнях мешках... Слава Богу, дошли. Растрогали сердца богатых и знаменитых. Сама первая леди, по слухам, выложила 10 млн. из своего кармана на школьные завтраки. Рукоплескания и общий бал.

Я же никак не могла впасть в экстаз со всеми вместе. Утренние телерепортажи с места событий портили мне настроение на целый день. То и дело вспоминались потом маленькие простуженные, сопливые «герои» (возраст от 5 (!) до 13 лет), которые в ответ на бодренькие вопросы репортеров: «Ну, как? Держимся?» — молча шмыгали носами, а кто помладше — честно ревели перед камерами: «Хочу домой, к маме!» Реветь у них были все основания. Умники-организаторы устроили поход в самые холода, одев детей при этом как беглых французов в 12-м году — в какие-то куцые курточки, напяленные одна на другую, убогие шарфики.

Не подготовлена была нормальная обувь — телекамера фиксировала маленькие ножки, превратившиеся в сплошную мозоль.

На так называемый обед ребятишкам выдавался рис и какой-то одинокий овощ в красной перченой водичке... В общем, душераздирающее зрелище, как сказал бы ослик Иа-Иа. Адреналин закипал в крови, и в экран хотелось запустить чем-нибудь тяжелым.

Корейские же репортеры всех этих вопиющих, по моим понятиям, безобразий как будто не замечали. Они пели в микрофоны о том, как полезно преодолевать трудности, как поучителен для детей будет этот поход, сколько красот они увидят за время своего путешествия, сколько денег соберут в пользу нуждающихся... И прочие лирические эстетизмы, приятные уху. То, что интервьюируемый ребенок дрожит от холода и весь в соплях, их совершенно не волновало. Уверяю вас, однако, что комментаторы вовсе не были бесчувственными чудовищами. Их отношение к детям в данном случае было типично корейским. Этаким спартанско-пофигистским.

То, что к сюсюканьям вокруг здоровья своих драгоценных чад корейцы не склонны, здесь понимаешь сразу. Прогулка мимо корейской школы в зимний холодный день — занятие не для слабонервных иностранцев. Дети без шапок и перчаток, подбегающие к дверям школы с бормотанием: «Чхуво-о-о!» («Холодно!»). Дети в кедах и летних туфельках, надетых на белые носки.

И, как естественное следствие, дети, надсадно кашляющие и перманентно сопливые. Дети больные, температурающие... и все же идущие в школу. Никому не приходит в голову подержать их дома.

Такие мелочи, как температура 38,5, — это не повод отлынивать от урока. Примерно так отчитала однажды мою русскую знакомую корейская учительница — за то, что та не пустила свою гриппующую дочку в школу. Действительно, в чем проблема-то?

«Все нормально, зима, простуды, без этого ребенок не растет», — как «утешил» меня однажды корейский педиатр, к которому я прибежала в панике — у моего ребенка была температура 39.

Этот пофигизм полностью разделяют и корейские родители.

Помню, как в нашем интернациональном детском садике появилась бойкая американская кореяночка Сейван, которую занятые родители подкинули на воспитание корейской бабушке. Бабушка была весьма продвинутой, преподавала английский в престижном университете, однако в отношении к внучке исповедовала традиционную пофигистскую доктрину. Как-то во время рождественского концерта в садике я обратила внимание на непривычно тихое поведение Сейван. «Да, она так перенервничала перед этим концертом», — посетовала бабушка. — Второй день держится температура 38. Все от нервов». Как и следовало ожидать, «занервничала» на следующий день половина нашей детсадовской группы. Объяснять что-то образованной бабушке было бессмысленно.

С подобным же равнодушием относятся корейцы и к такой святой для нас категории, как детский сон. Что такое режим дня, здесь просто не знают. Малого ребенка таскают с собой на вечерние концерты, в театры, пивные; в час-два ночи не редкость увидеть на улице кроху, который устало ковыляет за подвыпившими родителями. Знакомые корейцы, встречи с которыми по вечерам мне приходилось откладывать по той причине, что дочке надо спать, не понимали причин отказа: «Ну, пусть ляжет поздно, подумаешь!» Если кореец вошел в комнату, где спит ребенок, он и не подумает понизить голос: «Ну, и пусть проснется, потом заснет опять».

Что тут можно сказать? «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». Если бы я была только мамой, я бы, наверное, давно сделала что-нибудь нехорошее всем этим сэйванским бабушкам. К счастью, я еще и востоковед. Поэтому старалась на проблему смотреть более широко. Прежде всего — понять. Почему они такие? Заглянем в древность.

В старой Корее не было педагогических трактатов. Но своя система воспитания детей существовала. Насколько можно сейчас судить по сказкам, старой литературе, эта система предусматривала прежде всего воспитание в человеке упорства, силы воли, трудолюбия, умения идти вперед, несмотря на трудности.

Почему именно это — понятно: страна бедная, маленькая, выживает только за счет упорных и трудолюбивых. Эти качества требуют должной жесткости к себе. Пока человек растет, жесток, требователен к нему воспитатель. Никаких сюзюканий, никакой жалости. Никаких скидок на усталость, болезнь или голод. Будь добр выполнять то, что надо.

Одна из самых популярных сказок в Корее — про мать-вдову, которая послала ребенка учиться. Через три года сын пришел домой, усталый и голодный с дороги. Мать, не обняв, не накормив его, потребовала написать иероглифы, которые он должен был за это время выучить. Когда сын не смог этого сделать должным образом, она, не дав ему отдохнуть, отправила обратно. Через несколько лет сын пришел домой опять. Требование повторилось. Иероглифы были написаны чуть лучше, однако не столь совершенно, как хотелось бы. Опять без еды и сна мать отправила его в дорогу. И только в третий раз, когда сын через несколько лет вернулся в отчий дом и смог написать иероглифы идеально, мать наконец обняла его и накормила. Такова идеальная материнская любовь в представлении корейцев. Не разнеживающая, ласкающая, а требовательная прежде всего.

Эта идея пронизывает всю корейскую систему воспитания.

Ужасающее русских родителей спартанское отношение к физическим нуждам детей в Корее — прямое следствие этой идеи.

Начинается спартанство с самого раннего возраста, с того самого золотого детства, полного в Корее абсолютной и ничем не ограниченной свободы ребенка. Заботливая по-своему корейская мать будет разряжать малыша в пух и прах, пичкать его самыми дорогими сладостями, покупать лучшие игрушки. Но если этот маленький принц набьет на лбу шишку, она вряд ли повернет голову в его сторону. Дорогой синтетический костюмчик из «Лотте» корейская мама и не подумает дополнить хоть какими-нибудь перчатками в холодный день, и ребенок из богатого дома будет прятать руки в рукава, как продрогший бродяжка.

Лето, шумный парк отдыха — Соул-ленд. Сколько денег просаживается каждое воскресенье в нем корейскими семьями, жутко вообразить. И все для них, для малышей. Детей катают на каруселях, им покупается мороженое и кепочки с эмблемами парка, игрушки, флажки, значки... Но что это? В парке организовано соревнование — кто из детей дольше простоит голыми ногами на глыбе льда. И любящие родители снимают с детишек обувь и ставят голыми ножками на лед. И еще подбадривают, чтобы те терпели, не сходили раньше времени...

Судить, какое отношение к детям более правильное — наше или корейское, — вряд ли можно объективно. В любом случае решение определяет здесь не логика, а наши эмоции, а также те традиции, в которых мы воспитаны. Но один логический довод в пользу спартанского отношения мне хочется привести. Это то, что благодаря такому воспитанию корейцы в массе своей вырастают волевыми людьми, которым не свойственна размягчающая жалость к себе. Это, на мой взгляд, корейская национальная черта, она касается и мужчин, и женщин. И даже сопливых малышей из агитационного похода. Они могут заставить себя делать то, что НАДО. А это, согласитесь, немаловажное качество для жизни.

Интересный получается коктейль, не правда ли? Баловство — и жесткое спартанство. Но это еще не все его составляющие. После начальной школы в педагогическом оркестре зазвучит еще один инструмент — палка, то есть физические наказания.

Палка-палка, бей — не жалко

То, что в корейских школах (средней и старшей) существуют физические наказания, является для западных иностранцев, пожалуй, одной из самых неприятных неожиданностей. Так не вяжется с корейской вежливостью и улыбчивостью, мягкостью и баловством по отношению к маленьким детям... Но факт остается фактом — детей, начиная лет с восьми - десяти, в Корее физически наказывают. Бьют не ремнем по классическому мягкому месту, а розгами по обнаженным лодыжкам или палками по ладоням. Распространен еще один, весьма экзотический вид наказания. Ребенка ставят на колени и заставляют поднять руки со сжатыми кулаками вверх. Как объяснила мне знакомая преподавательница Сеульского университета, мать двоих детей: «Это очень удобное наказание. С одной стороны, руки быстро устают и затекают, а с другой — ощущается унижение». В том, что унижением воспитывать можно и должно, преподавательница нисколько не сомневалась.

Эта концепция, ужаснувшая бы демократичного западного воспитателя, в Корее была популярна всегда. Как в любом патриархальном обществе, традиционная система воспитания в Корее расценивает ребенка не как личность, а как полуфабрикат, болванку, из которой только предстоит вытесать человека. Вытесать порой самыми решительными способами. Что тут удивительного? В самых развитых странах наука лишь последние лет пятьдесят начала держать ребенка за человека и относиться к

детству как к самоценному этапу развития, а не как к прихожей жизни. А на большей части земного шара детей лупят по сей день.

Осудить за это весь земной шар у меня не хватит духу. В обществах бедных и многодетных у родителей еле-еле хватает сил на то, чтобы накормить все голодные рты. На такую роскошь, как задушевные разговоры, вникание в нравственные сложности взросления, воздействие на тонкие струны детской души и проч., ни сил, ни времени не хватает. Воспитатели поэтому очерчивают лишь самые простые рамки, внутри которых должен находиться растущий человек, а как он там, в этих рамках, существует, им вникать недосуг. Главное — не выходить за пределы. Шаг влево, шаг вправо — получи по шее.

Так было веками и в Корее. И так продолжается сейчас, хотя страна уже достаточно богатая, благополучная и, что немаловажно, с малодетными семьями. Казалось бы, есть все возможности уделять пристальное и персональное внимание воспитанию отдельно взятой личности. А Корея, тем не менее, воспитывает детей по старинке. Почему — причин несколько.

Во-первых, вышли корейцы из старой действительности слишком быстро, не успели сориентироваться. Не успели обдумать ситуацию и создать своих собственных Макаренко. Педагогические труды в Корее в основном, как я могла заметить, переводные. Свои же, корейские детские психологи обычно только перепевают постулаты американской педагогики. И с нулевым успехом. Воспитание ребенка — дело слишком интимно-национальное, чужой опыт в нем обычно оказывается бесполезным. Сколько трудов импортных детских психотерапевтов ни переводилось в

России — от арабов до американцев — все оказались нерелевантными. Даже классический Спок — и тот принимается с оговорками. А вот «Нестандартный ребенок» Владимира Леви переиздается и перечитывается русскими родителями до дыр...

Во-вторых, битье ребенка как средство воспитания объясняется конфуцианскими традициями Кореи. Возраст и ролевая ситуация (отец—сын, мать—дочь, учитель—ученик) кладут непреодолимую преграду между воспитателем и воспитуемым в конфуцианском обществе. Ни о какой душевной близости, дружбе и взаимопонимании между ними речи быть не может — только отношения руководства и подчинения. Методы воздействия, соответствующие — никаких искренних бесед и задушевных разговоров не предусматривается. Ребенок должен беспрекословно слушаться старших. А иначе получит палкой.

Глобализация, правда, берет свое, и традиционные методы воспитания все чаще осуждаются в прессе. Однако эти осуждения носят половинчатый характер. То есть разговоров об отмене физических наказаний в школах никто не заводит — говорят лишь о том, что бить бы надо поменьше. За «излишне сильное» битье родители избитого ученика, например, теперь могут пожаловаться директору школы. Но даже эти робкие сдвиги вызывают в корейском обществе протесты, лейтмотивом которых является соображение: «Если не бить, то как же их призвать к порядку?».

Довольно частый телесюжет последнего времени (например, в теледраме «Любовь и разлука») — бедный учитель, которому сели на шею обнаглевшие дети, а он ничем не может их остановить.

Надо сказать, что эта тревога имеет под собой основание. По моим наблюдениям, корейские дети действительно привыкли к битью как средству воспитания и ничего

унизительного для себя в этом не видят. Без палки они зачастую просто сходят с рельсов.

Моя подруга-иностранка, преподававшая на детских языковых курсах в Сеуле, долгое время не знала, что делать с диким сбродом, в который превращалась Hfa ее уроках группа милых корейских подростков. Она то усложняла, то упрощала программу, то рисовала яркие картиночки и диаграммки, то развлекала их фильмами — все было бесполезно. Учительница-корейка, которая преподавала в соседнем классе, часто не могла вести урок из-за шума, доносившегося из класса моей подруги. Корейка сочувственно смотрела на наивную иностранку и предлагала взять указку потяжелей и врезать самому нахальному. Подруга, воспитанная в либеральных традициях, от ее совета возмущенно отказывалась. Иногда корейка не выдерживала и врезала сама.

Тишина устанавливалась, но только до выхода корейской преподавательницы из класса. Потом все начиналось сначала. Но однажды дети распустились вконец — один мальчишка под хохот других задрал моей подруге юбку. Тогда она взяла, наконец, указку и показала, на что способна оскорбленная в своих чувствах феминистка, причем спортивная и хорошо откормленная.

После этого поколоченный мальчишка стал тише воды ниже травы, а с ним и вся группа.

Бить или не бить?

Так что ж, значит, дети в Корее «генетически» любят палку?

Мне кажется, дело не в генетике, а в привычке. Битье в корейском обществе воспринимается как единственное орудие воспитания тинейджера — вот и все. Вот почему без палки или угрозы ее применения корейский подросток не может вести себя нормально. Точно такого же эффекта, по моим наблюдениям, добиваются и те русские родители, которые практикуют битье ребенка за любую провинность. Ребенок привыкает к ремню — и только к ремню. С каждым разом требуется все больше и больше ударов, чтобы привести воспитуемого в чувство. Приучается ребенок, приучается воспитатель... А кое-кто из последних даже находит в этом удовольствие. Или не рассчитывает силу удара и калечит ученика — такое в Корее случается.

Так бить или не бить? Буквально все мои знакомые корейцы отвечают на этот вопрос положительно. Исключение составляют, пожалуй, те, кто учился за границей. (Хотя, возможно, эти люди просто знакомы с западным отношением к вопросу и не хотят выглядеть несовременными.) Корейская литература полна сентиментальных воспоминаний о детстве, в котором любящая мама наказывала героя розгами по лодыжкам, выражая таким образом свою любовь. Ничего подобного произведениям

Горького или Чехова, которые об испытанных в детстве порках писали с возмущением и отвращением, в корейской литературе я не встречала. В корейских фильмах о школе, в том числе и в прославленном хите «Наш искаженный герой», справедливое возмездие отрицательному герою приходит исключительно в виде учительской палки.

Сегодня некоторые корейские воспитатели начинают критиковать физические наказания, с другой стороны. Палка, конечно, гарантирует послушание, говорят они. Но не забывается ли при этом творческая личность, потенциальный нобелевский лауреат, художник, артист, мыслитель? Может, он уроки потому и не сделал, что скрытый гений и вечный двигатель изобретал. А мы его сразу — палкой... Что ж, цинично парируют их оппоненты, может, и забывается. Но сколько их, тех гениев и

творцов — единицы? Зато основная масса подростков у нас в школах учится, а не в туалетах ширяется. И по улицам можно спокойно ходить по вечерам, не опасаясь малолетних хулиганов. И 16-летняя корейская девочка не будет, как в Австралии, на маму в суд подавать за «насилие над личностью» — то есть за то, что та ей до 4 утра по улицам шляться не дает и с бойфрендом спать не разрешает. И старшеклассников у входа в школу не надо обыскивать, как в Америке, с металлоискателями — на тот случай, если одной творческой и раскрепощенной личности вздумается немного пострелять в другую.

Не знаю, как решит этот вопрос корейское общество. Ему жить, как говорится. Я выросла в другой культурной среде и по педагогическим вопросам имею свое мнение, отличное от корейского. Вот почему, несмотря на мое искреннее желание поместить Машу в корейскую языковую среду, в корейскую школу я ее не отдала. Выбор у меня был только один — из всех дорогих американских школ Сеула выбрать менее дорогую. Но это, конечно, мое личное мнение и мой личный выбор. Я знаю немало россиян (в особенности родителей мальчиков), которым корейская школа с ее жесткой дисциплиной и культом учительского авторитета пришлась по душе. Что ж, каждому свое.

Глава девятнадцатая

Корейцы на дорогах

Корея, будучи страной относительно спокойной в криминальном плане, не известна, слава Богу, ни грабежами среди бела дня, ни разбойными нападениями. Однако «бандиты на дорогах» существуют и здесь. Получили это звучное прозвище от иностранцев... корейские водители автобусов. По данным проведенного в 1999 году опроса иностранцев в Корее, водители автобусов являются для них одним из главных раздражителей в этой стране. И я не могу не согласиться с этим. Дело в том, что мирные труженики общественной баранки в Корее отличаются на редкость отвязным поведением.

Начать с самого стиля езды корейского автобуса. Это стиль вполне уверенной в себе акулы среди мелких рыбешек — частных автомобилей. Акула может рыбешку сожрать — а может милосердно отпустить, когда сыта. Точно так же поступает с частным автомобилем и автобус — может, конечно, пропустить, когда хорошее настроение. Но если водитель автобуса поругался утром с женой, например, то горе тому злополучному автолюбителю, который окажется у него на пути, — тут же подрежет, толкнет, притрет донельзя к борту дороги. И попробуй тот возразить против неделикатного обращения. Автобус обложит его так, что берегите только уши, пассажиры. Я, правда, ушей старалась не беречь и к аргументам прислушиваться — из страноведческого любопытства. Детали ситуаций различались, но суть бурных речевых потоков явно виноватого, но не признающего себя таковым водителя автобуса сводилась к следующему: «Да ты... мелочь ты пузатая! Да я тебя в упор не вижу! Мне что, есть время под колеса смотреть, где ты путаешься!» И, указав слегка помятой или

просто сильно напуганной жертве на ее презренное место в этом мире, автобус уезжает, лихо развернувшись на одном колесе и пукнув, в качестве последнего аргумента, выхлопным газом.

Со своими пассажирами корейский водитель автобуса обращается еще более круто. Для того чтобы благополучно проследовать из пункта А в пункт Б в корейском автобусе, гражданину нужны специальные навыки. Во-первых, это особая «моряцкая» походка: ноги на ширине плеч, слегка согнуты в коленях. Смотрится не очень грациозно, но преимущества ее вы оцените сразу же при старте или первой остановке «бандита» — меняет скорость он настолько резко, что вполне способен свалить с ног, если не принять мер предосторожности. Второе необходимое качество — бдительность. Даже если вам досталось удобное место, постарайтесь не засыпать сидя — иначе от резких движений вас просто может выбросить из сиденья. Я лично наблюдала такую сцену, когда заснувшую аджумму вышибло на середину салона во время бешеного поворота автобуса (скорость в это время водитель сбавлять и не подумает). Несмотря на понесенные потери (порванные колготки и синяк), повела себя женщина на редкость кротко — поохала и села на место. (Россиянка, думаю, убила бы «бандита» на месте за одни колготки.)

Кстати говоря, кротость поведения является третьим необходимым качеством пассажира корейского автобуса. Качество это сильно пригодится вам для того, чтобы смиренно переносить, к примеру, до одурения громкую музыку, которой обычно наслаждается корейский водитель. И хорошо еще, если это будет непритязательная эстрада. Намного хуже попасть в лапы к любителю национальных мелодий. Три ноты в небогатых сочетаниях, многократно усиленные мощными динамиками и упоенным подпеванием водителя, будут терзать ваши барабанные перепонки всю дорогу.

Автобусный кондиционер — это еще одно испытание, которое вам предстоит вынести с голубиной кротостью. Свирепая струя ледяного воздуха, бьющая, как правило, в ухо, не меняет ни направления, ни интенсивности от продолжительных беспомощных попыток подкрутить шпунтик над головой. Смиритесь, строптивЦЫ/что еще *остается посоветовать?* То же и с табачным дымом — водители, как большинство корейских мужчин, чувствуют за собой святое право обкуривать вас в свое удовольствие — о правах некурящих здесь, в отличие от избалованного Запада, не имеют ни малейшего представления. Курят водители автобусов, по моим ощущениям, непрерывно, поэтому от мест на передних сиденьях, особенно зимой, при закрытых окнах, надо держаться подальше.

Все перечисленные правила касаются тех везунчиков, которым в автобус посчастливилось сесть. А сделать это отнюдь не просто. Если вы намерены со скромным достоинством стоять на остановке и ждать, когда подъехавший нужный автобус распахнет перед вами двери, то вы рискуете продлить ожидание до вечера. Распахивать двери, подмигивать и зазывать — это удел корейских таксистов в людных местах. Долгожданные же автобусы запросто могут просвистывать мимо — до тех пор, пока вы, не переполнившись отчаянием, не начнете выскакивать на проезжую часть и бешено жестикулировать им всеми частями тела. Тут водитель, возможно, смилостивится и остановится. Хотя гарантии нет. Помню, как в ветреный холодный день мы с дочкой стояли на остановке, а мимо нас проносились нужные «тройки» — одна за другой, невзирая на все мои призывные телодвижения, и каждый водитель показывал жестом назад — дескать, спокойствие, только спокойствие, сейчас придет следующий, на него и сядете. (Мне хотелось бросить вслед каждому из этих утешителей бомбу.) В итоге ждали мы благодетеля час.

Непростые отношения складывались у нас и с водителями автобуса номер 222, на котором мы с дочкой по утрам отправлялись в садик. Судя по всему, они мучились какими-то национальными комплексами, ибо имели обыкновение, завидя нас, отъезжать добрых 20 метров вперед от остановки, а когда мы добежали до двери, закрывать ее буквально перед нашими иностранными носами. При этом исконно корейскую аджумму с авоськами, подбегающую с соседнего перекрестка, они снисходительно ожидали, пропуская порой даже свой сигнал светофора.

Серию примеров я могу продолжать и продолжать — за неимением своей машины автобусами в Корее мне приходилось пользоваться постоянно. Я со временем несколько привыкла к «бандитскому» поведению, однако до сих пор не перестаю задаваться вопросом: откуда в водителях корейских автобусов этот кураж и выпендрейж? И как это, интересно, получается: то ли туда сразу набирают отборных грубиянов, то ли суровое автобусное бытие так радикально меняет незлобливых корейских аджосси?

В вежливой, предупредительной к клиентам Корее в других ее общественных институтах иностранец почти не встречается с подобным отношением (пожалуй, за исключением иммиграционных служб, сотрудники которых к иностранцам — в особенности из стран, не особенно обеспеченных — суровы до хамства).

Что касается бешеной скорости вождения, то сами корейцы объясняют ее пылким и темпераментным национальным характером. Сами корейцы любят сравнивать себя с итальянцами — такие же, дескать, страстные и горячие. Итальянцы же, услышав о неожиданно объявившихся у них духовных братьях, обычно немало веселятся. Буквально все мои знакомые итальянцы заявляют обратное — что трудно найти больший антипод итальянскому характеру, чем характер корейский. Думается, однако, что безобразное вождение автобусов в Корее к национальному характеру — пылкому или не очень — отношение имеет отдаленное.

Скорее всего, здесь просто срабатывают пресловутые нормы — чем больше рейсов накатаешь, тем лучше. Поэтому и спешат так сильно корейские автобусы — и часто, увы, в больницу, а то и подальше.

И наконец, о хамстве автобусных водителей по отношению к водителям частных машин. Этот бесспорно имеющий место факт корейской жизни можно, думается, считать неожиданным следствием государственной политики поддержки общественного транспорта в Корее. Политика эта совершенно разумна, ибо в маленькой перенаселенной Корее частный транспорт действительно необходимо ограничивать (траты бензина, запруженные дороги, нарушение экологии). Однако пропаганда этой политики строится зачастую с почти маоистской прямоотой: автобус — хорошо, метро — хорошо, частная машина — плохо. Принятая некритически, пропаганда эта и рождает дискриминацию «частника», тот самый «бандитизм на дорогах», который так портит впечатление от Кореи — в целом доброжелательной и приветливой страны.

Глава двадцатая

Корейская литература в России

Когда на вопрос о своей специальности я отвечаю: «Современная корейская литература», — российские собеседники обычно спрашивают: «Правда? И что они там пишут?» Я уже неоднократно убеждалась, что корейская литература иностранцам, и в том числе моим соотечественникам, абсолютно неизвестна. И это при том, что российские интеллектуалы с иностранной литературой обычно знакомы неплохо, даже с такой экзотической, как японская или латиноамериканская. А вот корейская литература из их поля зрения полностью выпала.

В чем же тут дело?

«Руки вождя достигают и до груди корейских женщин...»

Впервые современная корейская литература дошла до нас в ее северном, то есть наиболее нечитабельном варианте. Это литература общества коммунистической диктатуры, режима, хорошо нам знакомого, только ужесточенного в несколько раз.

Коммунизм в Северной Корее наложился на традиции конфуцианства, которое подразумевало безусловное послушание писателя законной власти и санкционировало всяческое сотрудничество с ней. Великий вождь довершил начатое предшественниками. Причем, в отличие от Сталина, человека образованного, с хорошим литературным вкусом, который, несмотря на все жестокости, питал слабость к литературным талантам и при случае им охотно покровительствовал, Ким Ир Сен был простым партизаном из маньчжурских лесов и высокими сферами не особо интересовался, отдав их на откуп лично преданным литературным чиновникам, вроде Хан Сор Я. О том, что творил в подчиненном ему корейском Союзе писателей этот завистливый и пакостный тип до того, как сам стал жертвой репрессий, подробно рассказывается в замечательной книге Брайена Маерса «Хан Сор Я и северокорейская литература». Хан Сор Я, до 1945 года пописывавший что-то мелкотравчатое, после Освобождения смог выдвинуться в руководители Союза благодаря личным интригам и беззащитному подхалимству.

После чего он, как кукушонок из гнезда, вытолкнул из северокорейской литературы все крупные таланты и яркие личности, такие, как Ким Нам Чхон, Им Хва, Ли Тхэ Чжун. То, что осталось и развилось из того, что осталось, — это пропаганда, простая и утилитарная, как топор, для создания коего личность не требовалась. Недаром довольно долгий период произведения северокорейской литературы подписывались просто «творческий коллектив» без указаний конкретных имен авторов. Понятно, что от такой литературы не стоит ожидать ни разумного, ни доброго, ни вечного. Правда, в ней есть много веселого. Например, повествование о том, как великий вождь посетил только что отстроенный дом, где сходил в туалет, и, выйдя, торжественно провозгласил: «Какой низкий промывистый стульчак! Какая забота о человеке! Совсем не то, что в японских домах, где унитазы расположены высоко, где не думают о том, что ребенку может быть неудобно сидеть!» Особый шарм придавал таким писаниям перевод на русский язык, который, в полном соответствии с принципами чучхе, то есть опоры на собственные силы, северные корейцы делали сами, не консультируясь с русскими носителями. В чучхейских переводах то и дело встречались такие перлы, как:

«Руки вождя достигают и до груди корейских женщин», «Великий вождь — отец всех детей Кореи» и проч.

«Нос, подобный вершине Пэнлай...»

Думается, именно по причине излишней веселости такой литературы серьезные востоковеды советских времен старались держаться от нее подальше. Они занимались в основном корейской классикой. Старое поколение наших ученых, таких, как

Л. Р. Концевич, М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Г. Е. Рачков, поработали над корейской классикой на совесть. Они написали хорошие теоретические работы, сделали переводы основных классических корейских романов: «Облачный сон девяти», «Жизнеописание королевы Инхен», «Сказание о Чхунхян» и т. д. Качество перевода этих романов и новелл — на высшем уровне: здесь тебе и отточенный русский язык, и прекрасное знание переводчиком реалий, и великолепно сделанные комментарии. Беда лишь в том, что классический корейский роман сам по себе — вещь, рассчитанная на большого любителя. В этом романе практически нет действия, слабо выражена интрига. Он монолитен, неподвижен и тянется бесконечно, как Великая китайская стена. Монотонные жизнеописания добродетельных государей, детальные перечисления блюд на столах, обильно сдобренные невнятными стихами и пышными сравнениями, которые ничего не говорят западному человеку. Длинные описания внешности героев в стиле:

«Глаза у него были широки, как у Сюй Фу, а уши величественны, как у Гуй Шао» ... Одолеть такую книгу мог либо очень добросовестный специалист, либо воинствующий эстет (впрочем, в благополучные и лениво-спокойные семидесятые ни в тех, ни в других недостатка не было).

О некоторых ассоциациях с крупной кукурузой

После установления дипломатических отношений с Республикой Корея российские специалисты (а с их помощью — и рядовые читатели) получили возможность познакомиться с современной южнокорейской литературой. Казалось бы, все замечательно: наконец-то читающая российская публика узнает, что такое настоящая, современная и свободная литература Страны утренней свежести! Наконец-то у японской литературы в России появится достойный дальневосточный соперник! Но не тут-то было.

Первые же переводы южнокорейской литературы на русский язык громоподобно возвестили, что с советской традицией качественного и добросовестного перевода покончено, похоже, надолго. (Эта проблема касается не только корееведения, но и вообще современного перевода в России — уровень его в целом ужасающе низок.) Два сборника современной корейской прозы, вышедшие в Петербурге в 1994 и 1995 годах, «Золотая птица Гаруда» и «Сезон дождей», местами до боли напоминают журнал «Корея» застойных времен.

«Когда вода в котле закипела, она покидала туда заблаговременно начищенный картофель». «Когда он улыбался, то ровный ряд его зубов вызывал у меня ассоциацию с крупной кукурузой», «Бабушка состроила грустное выражение лица». «Я смотрел на клейкие выделения в уголках ее полузакрытых глаз и говорил с чувством неприязни и нетерпения». «Когда полицейские, волоча упорно сопротивляющуюся мать за волосы, удалились...»

Допустили эти корявые ляпы и не иностранцы, и не свои неучи. Переводы сделаны грамотными специалистами, людьми высокого интеллектуального уровня, хорошо владеющими корейским языком. Может быть, даже слишком хорошо. Потому что то и дело в якобы русских предложениях перевода, как кости сквозь кожу, проступают каркасы предложений корейских. Конечно, перевод с корейского на русский — вещь непростая: слишком разный у этих языков грамматический и лексический строй, слишком разнятся и реалии. Переводчик все время попадает под влияние чужого языка. (Это хорошо заметно в устной речи людей, долго живущих в чужой языковой среде. Помню, как сообщила мне о телефонном звонке из Москвы русская соседка в общежитии, которая жила в Корее два года: «Тебе сегодня телефон приходил».) Однако мастерство художественного перевода как раз и состоит в том, чтобы сделать разницу языков незаметной.

«Верная Чхунхян» в переводе Троцевич, например, читается настолько гладко, что воспринимается почти как произведение русской литературы. То же самое можно сказать и о переводах современной японской литературы (строй японского близок к корейскому языку). Она стала популярной в России не в последнюю очередь благодаря качественной работе таких переводчиков, как Фельдман и Маркова. С петербургскими сборниками такого, к сожалению, не получилось. То ли тут сказалась перестроечная скороспелость, то ли мало заплатили литературному редактору, но во время чтения этих книг глаза спотыкаются чуть ли не на каждой строчке.

Другая слабость этих сборников — почти полное отсутствие комментариев, по причине чего от несведущего читателя ускользает половина смысла читаемого. И тут я снова вспоминаю с благодарностью коллег-японистов, переводы которых всегда отличались отличными, профессиональными комментариями. Интерес к Дальнему Востоку пробудился у меня в детстве благодаря комментариям к японским сказкам и сборнику поэзии Исикава Токубоку. (Они были написаны, если не ошибаюсь, той же Верой Марковой.) Без ее объяснений я в 12 лет просто ничего не поняла бы в этих книгах. Корейская культура известна в России еще меньше, чем японская. Но тем не менее в «Сезоне дождей» предисловие отсутствует вообще, а в «Золотой птице Гаруде» оно хотя и есть, но никакой информации ни о стране, ни о культуре не содержит.

И вечный «хан»

И все же основная причина, по которой эти и другие переводы современных южнокорейских новелл прошли в России не замеченными широкой публикой, заключается, на мой взгляд, даже не в слабости перевода, не в нехватке комментариев. Главное, что ставит непреодолимую преграду между корейской литературой и ее иностранными читателями — это отбор переводимых произведений. Отбор проводится самими корейцами, а точнее — корейскими культурными фондами, которые субсидируют эти переводы. Фонды действуют в соответствии с правительственной политикой распространения корейской культуры по всему свету политикой, одержимой одной-единственной маниакальной сверхзадачей: получения Нобелевской премии. Понятно, что претендовать на эту высокую премию может лишь высокое искусство, под которым понимается, как правило, творчество корейских литературных генералов. Их-то и переводят в основном в России. А их творчество...

Нет, я не хочу сказать об этих солидных дядях и тетях ничего плохого. Они пишут, стараются. Повести у них выходят тоже солидные, толстые, правильные, на хорошей бумаге. Но... даже в самой Корее их читают в основном студенты филологических

факультетов, да и те, как говорится, по долгу службы. Обычные читатели имена этих деятелей, конечно, знают, заслуги абстрактно уважают — ведь живые корейские классики постоянно участвуют в разнообразных телепрограммах и общественных кампаниях, часто высказываются по поводу различных социальных проблем на страницах печати — в общем, занимают активную общественную позицию. Но вот чтоб написал тот или иной живой классик, обычный кореец с высшим образованием сказать обычно затрудняется. Даже самые эрудированные и образованные корейцы читать предпочитают что-нибудь полегче. Меня поначалу такой подход немало удивлял. Российская-то интеллигенция своих современных классиков читает. А потом, когда я поступила на отделение корейской литературы в университет Ёнсе и познакомилась с трудами современных корейских мэтров сама, хорошо поняла корейских читателей.

...После чтения этих повестей и новелл мне всегда хотелось выбежать на свежий воздух. Хотелось попрыгать на одной ножке или покачать пресс в тренажерном зале. Хотелось сходить на рынок, потолкаться в живой, энергичной толпе, услышать человеческий смех. Чтобы снова ощутить, что жить — это хорошо. Потому что современные корейские классики изо всех сил убеждали меня пойти и повеситься на первом же фонарном столбе. Убеждали беспросветной мрачностью произведений, свинцовым фоном повествования.

Герои их романов и повестей не знают, что такое смех, веселье, наслаждение. Они плачут, голодают, умирают от страшных болезней и уродств, и страдают, страдают... Страдают от любви, мучаются от старости. Их в детстве бросают матери, они теряют близких на войне. Жизнь все бьет и бьет их ключом по голове. А если не бьет, так тихо давит. У этих страданий нет конца, нет причины и, главное, нет смысла. Они даны не в наказание, не для очищения души и уже тем более не для радости борьбы и преодоления, а «кынян», то есть просто так. «Как все плохо!» — вот единственная идея, которую можно вынести из многочисленных томов, написанных Ли Мун Рёлем, О Чон Хи и многими другими. И ни единого луча надежды.

Может быть, написано это талантливо, красивым языком. Не спорю. Но сопереживать этим героям, огретым пыльным мешком из-за угла, невозможно — по крайней мере, западному читателю, воспитанному на другой, гораздо более активной литературе: «Когда я вижу сломанные крылья, нет жалости во мне, и неспроста: я не люблю насилие и бессилья...» И меньше всего эти произведения годятся для выполнения основной цели переводной литературы — знакомства иностранцев с Кореей.

Ведь реальные корейцы — это не нация беспросветных пессимистов со сломанными крыльями. Жизнь к этому народу часто бывала немилостива, им знакомы и война, и голод, и суровая бедность. Но удары судьбы корейцы привыкли сносить со стоическим, мудрым терпением и улыбкой, не жалуясь. В массе своей они работают как лошади, но не ноют, потому что помнят, для чего живут на этом свете: для детей, для родителей, чтобы цепь рода, семьи не прерывалась. Нормальные корейцы любят пошутить и повеселиться, большие любители поесть, не дураки выпить и поволочиться за женщинами. Они совсем не те затюканные неврастеники, которые встают перед нами со страниц высокой корейской прозы.

То, что здоровые, сильные, энергичные люди никогда не бывают героями этой прозы, не случайно. Эта традиция опирается на так называемый принцип «хан» (неизбывная печаль, страдание), который с 60-х годов XX века стал считаться основополагающим для корейской культуры. Корейская творческая интеллигенция сегодня воспитывается в убеждении, что лишь печаль и страдание достойны художественного изображения.

Ибо это чувства изысканные, на которые способны лишь высокоорганизованные, утонченные личности, а здоровыми и веселыми могут быть лишь грубые неотесанные мужланы. Поэтому в произведениях «высокой» корейской прозы ныне господствует укусно-чахоточная тональность.

В последние годы к «хану» прибавилась еще и запоздалая мода на экзистенциализм и современную французскую философию (Фуко, Сартр и Ко). Экзистенциалистские мудрствования, конечно, не прибавили высокой корейской литературе жизнерадостности и простоты. Если раньше о герое написали бы просто: «Он горько плакал», — то теперь писателя начинает нести: «Он плакал, горько ощущая бессмысленность существования. словно кит, стремящийся выброситься на берег, словно ребенок, жестоко кусающий грудь матери. Слезы текли, как безотчетный импульс, повелевающий ему исчезнуть, раствориться в мрачном жерле

Вселенной...» Корейские критики всячески приветствуют эти занудные словоизвержения. Без словечек «экзистенциализм», «постструктурализм» и т. д. сейчас редко встретишь литературоведческую работу, даже если она посвящена творчеству поэтов начала XX века, творивших задолго до того, как эта европейская напасть проникла в Корею.

Что же переводить?

К счастью, «хан» и экзистенциалистские заморочки не исчерпывают корейской культуры. В ней есть что читать, есть что переводить. Но чтобы корейская литература действительно получила известность за рубежом, надо, на мой взгляд, прежде всего отказаться от навязчивой идеи перевода лишь произведений возможных кандидатов на Нобелевскую премию. На нынешнем этапе важнее другое — просто приучить российского читателя к мысли, что литература в Корее есть, и интересная. Для этого, мне кажется, надо попытаться перевести те произведения, которые охотно читают сами корейцы. Это наверняка будут легкие жанры, вроде детективов или триллеров. Серьезные литераторы относятся к ним свысока (помню, с каким осуждением посмотрел на меня корейский поэт Со Чжон Чжу, когда увидел, что я, аспирантка филологического факультета, читаю детектив Ким Сон Чжона «Тайная возлюбленная»). На мой же взгляд, эти книги в Корее часто вполне достойны внимания. Я не являюсь поклонницей детективов ни российских, ни западных, но корейские мне неожиданно понравились. Легкая грусть, восточная неторопливость, лирические описания придают банальным догонялкам стрелялкам в Корее особый колорит и смысл.

Не менее интересным мне представляется еще один популярный в Корее жанр — автобиографии. Их пишут обычно популярные деятели, актеры, но может написать и домохозяйка. Эти книги совсем иного стиля, нежели высокая литература. Они активны, полны остроумных размышлений, стремятся дать ответы на многие насущные проблемы современного общества. И неудивительно, что люди читают их куда с большей охотой. На мой взгляд, эти книги дают о современных корейцах гораздо более точное представление, чем унылая высокая беллетристика.

Детские книги, сказки, фольклор также представляют собой на редкость симпатичные жанры корейской литературы. Для детей здесь пишут доходчиво и увлекательно, рассказывая при этом о самых сложных вещах — об истории и культуре страны, о конфуцианстве и буддизме, о старых традициях. Читать эти книги интересно даже взрослому. Думаю, что переводы корейской детской литературы могли бы дать

русским детям много полезной информации о культуре соседней страны. Что же касается корейских сказок, то они переводились на русский язык не раз. Но, к сожалению, издатели обычно ограничиваются одним и тем же джентльменским набором: «Обезьяна и кролик», «Хонбу и Ныльбу», «Фея с горы Кымгансан» и т. д. А мир корейского фольклора гораздо богаче. В нем много сказок веселых и остроумных, хотя порой предназначенных не для детских ушей.

Есть мистические рассказы о привидениях, есть интереснейший фольклор острова Чечжу. Отбирать эти вещи для перевода, мне кажется, надо по одному-единственному критерию — чтобы иностранцам, как детям, читать было познавательно и интересно.

И наконец, для читателей с более интеллектуальными запросами могли бы, на мой взгляд, подойти поэзия и проза начала XX века. Этот период дал Корее много талантливых имен. Время уже отсеяло шелуху, и остались лишь те, кто писал действительно хорошо. Ли Гван Су, Им Хва, Хен Чжин Гон и многие другие — их жизни и книги отразили в себе один из самых важных и интересных периодов истории, когда закрытая на протяжении многих веков Корея стала входить в общемировую культурную систему. Рассказы об этих писателях и переводы их произведений могут, на мой взгляд, привлечь российского читателя.

В особенности хороши произведения корейской поэзии этого времени. Да и вообще корейская поэзия пользуется, как ни странно, большей популярностью отечественных читателей, чем проза, — в особенности среди молодежи. Это заметно даже по «Кёбо мунго» — самому большому книжному магазину Сеула. Если около полок с корейской прозой народу обычно мало, то у полок с поэзией и эссе всегда толпятся студенты, в особенности девушки. Приходят, садятся на пол, скрестив ноги, и читают — часами. Оторвутся на секунду от книжки, поведут затуманившимися очами куда-то вдаль — и снова уткнутся в томик. И я их понимаю. Корейская поэзия — это действительно здорово. Ради нее одной стоит учить корейский язык. Моя подруга — тайка, вместе с которой мы учили корейский на языковых курсах в

Сеульском университете, выписывала любимые корейские стихи на листочках и приклеивала их на стену. Она говорила: «Когда мне тяжело, я посмотрю на стену, прочту какое-нибудь стихотворение — и душа у меня оживает».

У меня корейская поэзия рождает точно такое же ощущение — в особенности мой любимый поэт Ким Со Воль. Пристрастие, охотно признаю, не оригинальное. В России уже переводились его стихи, творчеством Ким Со Воля занимались ученые-литературоведы. Однако, насколько мне известно, эти переводы так и не вышли за рамки научных исследований, до сих пор не издано ничего общеупотребительного. А в идеале это должны быть стихи в сопровождении биографии, написанной читабельным, не усложненным специальными терминами языком.

Хотя надо признаться: перевод поэзии — вещь очень непростая. Стихи ведь гораздо теснее, чем проза, связаны с родным языком. Будет ли так же «оживлять души» Ким Со Воль на русском языке, предсказать трудно. Возможно, гениальному русскому переводчику прекрасной корейской поэзии только предстоит появиться на свет.

Глава двадцать первая

Корея мобильная

Есть у корейского народа качество, которым я не устаю восхищаться. Это — редкостная восприимчивость к новому и легкость на подъем. При всей любви к традициям и кажущемся консерватизме корейцы — необыкновенно мобильная, подвижная нация. Любые технические новинки находят у них в сердцах горячий отклик. Думаю, что успех корейского «экономического чуда» не в последнюю очередь объясняется этим качеством корейцев. Новое для них — значит, хорошее. Этим они сильно отличаются от россиян, склонных долго сомневаться и раскачиваться, прежде чем купить новую кастрюлю с антипригарным покрытием или подсоединиться к интернету — а вдруг здесь что-то не то? Тампаксы — это же неестественно! Кухонный комбайн — от него же теряются витамины! Компьютер — это же виртуальный вампир! А вы знаете, что от импортных шампуней с кондиционерами вылезают волосы? Назад, к природе!

В результате на значительной части территории России волосы моют мылом, морковку трут на ручной терке, а доклады пишут от руки. То, что это грозит перхотью, ссадинами на пальцах и писчим спазмом, как-то не принимается во внимание.

А корейцы не задаются подобными вопросами. Они с энергичной готовностью внедряют у себя блага цивилизации и всячески совершенствуют свой мир, делая жизнь легче и приятней. Естественность сама по себе не имеет для них цены. Ведь если вдуматься — человек вообще существо неестественное. Он отошел от природы в тот момент, когда слез с дерева и встал на задние конечности. Как сказала Зинаида Гиппиус: «Нет ничего неестественней ватерклозета».

В Корее ватерклозеты, то есть туалеты, первоклассные. И вообще здесь есть все, чем пользуются развитые общества, и даже больше. Цивилизацией наслаждаются все группы населения страны. Корейские тетушки за пятьдесят лихо водят новенькие машины, называют подругам по мобильникам и готовят кимчхи в посуде «Цептер».

Самый показательный пример в этом отношении — поголовная компьютеризация корейского общества, свершившаяся буквально на моих глазах — где-то с 1995 по 1998 год. Если в России компьютер входит в жизнь туго, под аккомпанемент и сейчас еще популярных жутких историй о вредном излучении экранов и виртуальной реальности, которая злодейски засасывает человека, то в Корее народ с самого начала был озабочен лишь одним — компьютерной безграмотностью женщин и необходимостью срочного обучения рядового обывателя компьютерным премудростям.

Как результат, компьютерами и сетью интернета сейчас в Корее пользуются все, вплоть до домохозяек, которые выискивают новые рецепты на любимых сайтах, по полдню висят в чатах или просматривают меню в ресторанах (любая забегаловка здесь имеет свой сайт). Компьютеры есть практически в любой корейской семье, и часто по несколько штук. Те же, у кого по каким-то причинам нет дома компьютера, имеют возможность посещать специальные виртуальные салоны, сетью которых охвачена вся страна. Цены в салонах, по сравнению в российскими, баснословно низкие. Есть спрос — есть и предложение.

Конечно, компьютер вносит в жизнь корейского общества и свои сложности. Поголовная увлеченность детей компьютерными играми в ущерб активному досугу, неразборчивые знакомства по чатам, из-за которых порой разрушаются семьи, — все эти проблемы существуют и требуют своего решения. Но, как известно, проблемы есть везде, где есть жизнь. Тихо бывает лишь на кладбище. Выбирая себе жизнь, мы выбираем проблемы. Корейцы выбирают проблемы цивилизованные.

О мобильных телефонах

Из всех благ цивилизации, которыми насыщена Корея, мне особенно запали в душу мобильные телефоны. О них я и хочу сейчас рассказать.

В 1997 году со мной произошел в Сеуле настоящий анекдот.

Один «новый русский», приехав по делам в Корею, нанял меня в качестве переводчицы. Чувствовалось, что сделал он это не для того, чтобы объясняться с корейцами, а, чтобы иметь под боком восхищенную слушательницу. То и дело он заговаривал об оставленном в Москве мобильном телефоне, которым ужасно гордился, и косил при этом на меня лиловым глазом. Я из вредности не реагировала, и интенсивность намеков была усилена. Выбирая подарки для партнера, мой работодатель небрежно говорил: «Нет, эта сумка для Михалыча не подойдет. Тут для сотни отдел пришит, а Михалыч пока до сотни не дорос...» В это время из моей сумочки... зазвенел телефон.

Если бы мой собеседник мог хоть на минуту перестать токовать и огляделся бы по сторонам, то понял намного раньше, что в Корее завлекать женщину мобильным телефоном бесполезно.

Эта игрушка с самого начала стала доступна здесь людям среднего достатка (никому здесь, например, не приходила в голову такая бессмыслица, как платные входные звонки — система, практикующаяся в России), а все новые и новые корейские компании, прорывающиеся на рынок, способствуют все большему ее удешевлению. Когда в 1998 году в Корее разразился экономический кризис и на улицах стали появляться бездомные, то телевизионщики, делавшие о них передачи, отмечали, что все эти несчастные семьи, разместившиеся в городских парках и умывавшие детей по утрам водой из фонтанов, владеют мобильными телефонами, а многие — машинами. Конечно, это можно было бы объяснить тем, что нищета для этих людей наступила внезапно и они еще не успели отделаться от своих «цивилизованных» привычек. Однако нередко в Корее можно увидеть и самого заскорузлого «бомжа по убеждению» с телефоном, висящим на грязной шее.

Известный анекдот про детей «новых русских», ковыряющихся в песочнице радиотелефонами, в Корее почти реален. В школе, в которой училась моя дочка, с мобильными телефонами ходили все ученики старше 12 лет, да и малышня их уже догоняла. И я сама уже подумывала о том, не отдать ли мне мой трехлетней давности аппарат, над которым за его древность посмеиваются знакомые, в пользование 8-летней Маше, а себе завести что-нибудь поновее.

Сейчас мобильный телефон имеет в Корее практически любой человек. Эта практика внесла в жизнь корейского общества много изменений. Например, это новые правила вежливости, которым посвящены многие рекламные телевизионные ролики и плакаты, висящие в публичных местах. Вот один из таких плакатов. На скамейке в метро удобно развалился толстоватый дядя, который разговаривает по телефону, крича на весь вагон,

а приличная пара рядом смотрит на него осуждающе. Под плакатом подпись: «Метро — это не женская половина дома. В многолюдных местах отключайте звуковой сигнал телефона!» (то есть переключайте его на световой или вибрационный). В университете Ёнсе, почему-то в кабинках женских туалетов, висит призыв: «Студенты Ёнсе гордятся своей культурой и отключают телефоны во время лекций!» Действительно, громкие многочисленные звонки превращаются в настоящую проблему во время лекции, выставки или концерта классической музыки, и в некоторых залах к посетителям прямо обращаются с просьбой переключать телефон на автоответчик, чтобы не мешать окружающим.

Распространение мобильных телефонов в Корее, как и в Японии, родило и разнообразный «прителефонный» бизнес. Для мобильных телефонов шьют чехольчики и сумочки, к ним привешивают мельчайшие висюлечки-игрушечки, на аппаратах печатаются фотографии владельцев с любимыми собачками или девушками в обнимку. Сами аппараты бесконечно облегчаются и совершенствуются. Помню, как напугал меня молодой человек с книжками в руках, с которым я села в полупустой ночной автобус, и он, положив руки на колени и прислонясь щекой к окну, вдруг начал задумчиво говорить сам с собой: «Да... Ты права... На улице дождь, а я так хочу тебя увидеть... Но ты же не пришла ...» и прочую лирику. Я, подумав, что парень совсем заучился, решила пересесть от него подальше, но потом заметила, что говорит он по крошечному микрофону, который сбоку не виден, а сам телефон при этом лежит в сумке.

Итак, мобильный телефон стал неотъемлемой частью жизни современных корейцев. О том, насколько замечательно это изобретение человечества, я тоже смогла оценить на собственном опыте, будучи вечно занятой работающей матерью маленького ребенка. Моя дочка, даже оставшись одна дома, не чувствовала себя одинокой. Она всегда знала, что я доступна в любой момент: и в дороге, и на официальном приеме. Стоит только снять трубку—и мама рядом.

Любопытно, что в Австралии мобильный телефон до сих пор еще остается роскошью. Я почувствовала это, когда при покупке телефона неожиданно выяснила, что платить за него мне придется довольно кругленькую сумму. У австралийских детей есть характерная шутивая песенка: «Мой папа лучше твоего!!!»

Почему? Потому что у него есть мобильный телефон и факс».

Да, явно некорейские мотивы...

Глава двадцать вторая

Особенности корейской моды

Несмотря на то что мода становится все более интернациональной, каждый народ отбирает для себя то, что ему больше нравится носить, руководствуясь своими традициями и представлениями о прекрасном. Какими бы открытыми западным ветрам ни считали себя современные россиянки, очевидно, что наша национальная

приверженность красному цвету, подплечикам и меховым манто нетленна и не поддается никакому европейскому влиянию.

Помню забавный случай, произошедший со мною в Канберре. Я проходила через дорожный полупустой универмаг в центре города, проходила быстро, ибо твердо знала, что эти вещи мне не по карману... Как вдруг одно пальто в глубине безлюдного отдела властно привлекло мое внимание. Еще не понимая, почему, но уже не в силах сопротивляться, я пошла навстречу неслышному зову. В отделе, кроме меня, была еще одна покупательница. Она выходила из примерочной, одетая в то же самое пальто. «Ну, как?» — спросила она своего спутника по-русски. Вопрос на засыпку: какого цвета было пальто? Правильно, красного.

Как мы с моей незнакомой соотечественницей из всего многообразия дорогих вещей в австралийском универмаге выделили, не сговариваясь, именно красное пальто, так и корейки из всех тенденций мировой моды всегда выберут свой, «корейский» стиль. Каким же он будет? Базируясь не на результатах социологических исследований, а исключительно на собственном ощущении мира женской моды Кореи, которое сложилось за пять лет жизни в этой стране, могу предположить следующее.

1. При любом повороте моды это будет обтягивающая одежда. Причем не сексуально облегающая, услужливо подающая мужским взорам все рельефные прелести ее носительниц, — не одежда, которую так любят в Латинской Америке и России. Корейская одежда будет не подчеркивать, а стягивать грудь и плечи, формировать даже у взрослой женщины стесненные девичьи движения. Не вполне понятно, откуда взялась эта тенденция. Ведь в традиционном корейском платье — ханбоке грудь у женщины была полностью открытой. Может быть, это повелось с тех времен, когда первые западные миссионеры стали объяснять корейкам, что так ходить неприлично?

2. Платья чуть расклешенные и с завышенной линией талии.

Вот тут явно чувствуется традиция ханбока. На корейках эти платья смотрятся великолепно — в самый раз для тоненьких хрупких фигурок с не очень длинными ногами. Корейская девушка в таком платьице выглядит милой и чуть наивной, рождая, вероятно, в мужских душах желание обогреть и защитить. А вот западные фигуры этот покррой убивает на месте, превращая полногрудую и длинноногую красотку в толстую неуклюжую недотепу-переростка .

3. Даже у молодых женщин приверженность к коричневому, серому, черному цветам, а также неброской пастели. Цвета эти прекрасно подходят к восточным лицам, подчеркивая их четкие, яркие линии. Русоголовую же светлоглазую женщину пастель делает, увы, невзрачной серой утицей, безжалостно высвечивая малейшие дефекты кожи.

4. Стиль, который моя мама называла «из-под пятницы суббота». То есть надевается не одна добротная вещь, а множество всяких узеньких блузочек, жилеточек и пиджачков одновременно, одна деталь на другой, так что едва шевелятся руки. Вид стяннутый и опять же трогательный.

5. Пренебрежение естественными материалами в угоду поблескивающей и поскрипывающей синтетике.

6. Обувь. При любом повороте мировой моды — максимально неудобная. Если платформа, то чудовищных размеров, если узкие носки, то туфля будет напоминать воронку... Результат — шаркающая походка корейнок с тяжелым приволакиванием ног в стиле «утомленное солнце».

7. Обязательное наличие бижутерии, ювелирных изделий и всяческих заколок для волос даже при стрижке ежиком. Много мелких украшений.

Таковы, на мой взгляд, основные тенденции корейской женской уличной моды в ее мэйнстримовском варианте. Итак, какой идеальный образ рисуется перед внутренним взором кореянки, выбирающей себе новую одежду? Какой она хочет предстать перед окружающими? Мне кажется, кореянки сторонятся открытой, провокационной сексуальности и выбирают преимущественно образ женственный и нежный. Слабое создание в стягивающей плечики синтетической кофточке, с трудом передвигающее тоненькие ножки на каблуках непомерной величины, с головкой, в которой переливаются разноцветными огнями заколочки и гребеночки, — у какого мужчины не дрогнет сердце при виде такой женщины?

От любимого стиля корейская женщина отказывается только на стадии «молодой жены» — это первые несколько лет замужества. Поскольку кореянки выходят замуж, по русским меркам, довольно поздно (26—28 лет), то, как правило, стараются сразу же обзавестись двумя положенными детьми (ни больше, ни меньше сейчас в Корее иметь не принято). Таким образом, первые годы после брака для женщины — это годы беременностей, родов и кормлений. Для этого периода предусмотрена своя, очень женственная мода — просторные разноцветные платья с оборочками, рюшечками, перелинками и прочими уютюшечками.

Носят их не только беременные, но и вообще молодые жены.

Эти платья как бы являются свидетельством перехода женщины в новый статус. На этом этапе общий стиль не приветствуется — к нему кореянка вернется опять, но уже через несколько лет, после обзаведения детьми и возвращения в светскую жизнь.

Правда, это касается только женщин из образованного слоя.

Домохозяйка уровнем пониже от «молодой жены» обычно сразу переходит к простонародному «аджуммскому» стилю (аджумма, напомню, это замужняя женщина средних лет), который будет носить до старости: широченные штаны или длинные широкие юбки с широкими же кофточками. Для аджуммского стиля тоже характерна разноцветность, но уж совсем феерическая: клетки и горошки, полосочки и ромбы самых тропических расцветок пляшут на женщине в невообразимых сочетаниях. Интересно, что аджуммы тоже предпочитают синтетику — натуральный хлопок и шерсть в Корее носит только студенческая молодежь, одевающаяся в стиле «унисекс», да «молодые жены» в рюшечках.

Стиль одежды замужней женщины в Корее определяется не только ее материальными возможностями и личными вкусами, но очень часто — вкусами свекрови, с которой вместе живут молодые. По традиционным представлениям, невестка обязана слушаться свекровь в выборе собственного туалета. После замужества новые родные называют женщину «человек нашего дома».

Как представитель дома, она и должна выглядеть.

Особенности мужской моды

На эту тему я могу говорить гораздо меньше, потому что обычная одежда корейских мужчин — это деловой костюм или профессиональная форма. А поскольку основное время своей жизни кореец проводит на работе, то именно эту одежду он и носит больше всего. И только в самом легкомысленном случае надевает чистенький пуловер

со светлой рубашкой. Так что одеты корейские мужчины довольно однообразно, хотя, конечно, покрой, фирма, материал костюма различаются в зависимости от достатка владельца. И еще в одном корейские мужчины схожи. Что бы они ни надели, они выглядят потрясающе аккуратно. Всегда.

Даже если работают в автомастерской или чистят канализационные трубы.

Под защитой «стражников его Величества». В квартале Инсадон — фольклорный праздник. Фото автора

Фольклорный «парад королевских войск» на Тэханно. Фото автора.

Глава двадцать третья Корейское миролюбие

Несостоявшийся конфликт

Когда в прошлом веке Л. Н. Толстой провозгласил идею «непротивления злу насилием», то вызвал насмешки и осуждение большей части русского общества. Это неудивительно, ибо идея эта в корне противоречит нашему активному национальному

характеру. Русский человек без особого напряжения может не воровать, не прелюбодействовать, в состоянии даже возлюбить ближнего своего. Но непотворение, пассивность в конфликте?

Ни за что! Вот «вечный бой, покой нам только снится» — это по-нашему. В Корее, однако, принята совершенно другая модель поведения в обществе.

За всю историю эта страна ни разу ни на кого не нападала — только защищалась. Следствие это или фактор формирования корейского характера, судить трудно. Одно неоспоримо — в ежедневной жизни корейцев нет атмосферы агрессивности. Непотворение злу насилем в Корее видишь на каждом шагу. И воспринимаешь его не как признак слабости. Скорее наоборот — как достоинство, уверенность в себе и внутреннюю культуру. В связи с этим хочу рассказать о случае, за который мне стыдно до сих пор.

Случилось это вскоре после моего приезда в Корею. В воскресный день я продираюсь сквозь толпу рынка Намдэун, когда вдруг почувствовала, что очки сползают с носа. Причем не сами по себе, а под воздействием какой-то злой силы. Любой очкарик поймет мои ощущения в тот момент — когда глаза покидают привычное место, с этим хочется как-то бороться. Как человек интеллигентный, я не обругала злую силу матом, а лишь решительно убрала от лица нечто постороннее. Раздался грохот, толпа расступилась... Оказалось, что толкал мои очки краем подноса замотанный в спешке разносчик еды, а я этот злополучный поднос опрокинула. Кроваво-красным соусом оказались залиты его штаны, тряпки торговцев вокруг, перевернутые миски валялись на асфальте... В общем, легким движением руки я, слабая женщина, устроила гибель «Титаника».

Поразительна была реакция молоденького парнишки-разносчика. Совершенно молча он принялся собирать миски. Торговцы так же молча стали приводить в порядок свои прилавки. На меня никто даже не взглянул. Представьте подобную ситуацию на рынке в Коньково. Живой бы мне оттуда уйти не удалось.

Итак, что же произошло? Мне причинили неприятность — я ответила еще большей. И как всегда в конфликтных ситуациях, зло нарастало бы с каждым ответным ударом, пожар разгорелся бы, и никто не вспомнил бы, что началось все со случайного касания лица подносом... если бы у разносчика не хватило мудрости эту порочную цепь прервать. Просто — промолчать. Ничего не ответить.

Вспоминая многочисленные мелкие стычки — в транспорте, на работе, в магазинах, бытовые конфликты, которыми изобилует российская жизнь, я все время думаю — 70% их могло бы и не быть, если бы мы почаще проявляли такое вот непотворение. Или лучше сказать — вежливость? Доброту, терпение? Или просто — здравый смысл?

...В переполненный вагон сеульского метро входит распаренная тетка с корзиной, распространяющей благоухание сырой рыбы. Ставит эту корзину кому-то на ногу... Об этой тетке можно сказать много. И в московском метро, без сомнения, сказали бы. Корейцы же — поцокали языками и отодвинулись. А и правда — чего на нее злиться? Явно из провинции — вон, то и дело вскакивает, беспокойно взглядывает на схему метро...

...Опять метро. Час пик. Затор на эскалаторе. Виновица — деревенская бабушка: боится ступить на диковинную лестницу, охает, причитает и ни с места... Даже сейчас, через 70 лет после Зоценко, в России нет гарантии, что кто-нибудь из толпы не выкрикнет классическое: «Куда прешь, старая!» А в Сеуле бабушка вызвала у задержанных спешкой людей не злобу — добродушный смех. И тут же нашлись два

веселых студента, которые подхватили старушку под руки и помогли ей освоить чудо цивилизации.

...Корейский дорожный полицейский выписывает штраф. Нарушитель — нервный дед, сильно напоминающий ветерана войны брежневских времен, — протестует, орет и плюется (!) в стража порядка. Молодой полицейский напрягается, но продолжает свое дело — одной рукой выписывает квитанцию, другой отстраняет плюющего деда, приговаривая: «Спокойно, дедушка, спокойно...» Хулиган на глазах сдувается, как воздушный шарик.

(Ветераны! Попробуйте ради эксперимента плюнуть в московского гаишника.)

Подобные бытовые случаи — конфликты, погасшие в зародыше, — я наблюдала в Корее ежедневно. И в сотый раз убеждалась, какая это мудрая вещь — непротivление. Злу противостоят необходимо, когда это активное и умышленное зло. Когда на Корею нападала Япония, то в миролюбивых корейцах просыпалась долженствующая воинственность. Но в огромном большинстве ситуаций конфликты вспыхивают не по злой воле, а по причине естественного несовершенства окружающих. Да, наши ближние несовершенны. Порой они потеют, толкаются и наступают нам на ноги. Нервничают и задевают нас подносами. Но зачем мы тратим нервы, голосовые связки, наконец, время, чтобы ответить, «поставить на место»? Куда лучше — просто не заметить чужую оплошность. Наплевать и забыть.

...Четыре года каждый вечер я возвращалась домой по Тэханно. Это студенческая улица в центре Сеула. Сказать, что на ней много народу, — это ничего не сказать. Тэханно — это сборище разнородных толп. Рокеры тут соседствуют с христианскими проповедниками, псалмы проповедников заглушают звуки барабанов, по которым самозабвенно колотят студенты ближайшего университета. Тут же катаются с горки дети, отплясывают брейк-данс какие-то личности в широких штанах, сплетничают подружки-студентки на лавочках... Естественно, что все они друг другу мешают. Но ни разу за все время я не видела на этой улице никаких скандалов и драк. А ведь собирается здесь молодежь — то есть слой общества с заведомо повышенной агрессивностью. Если бы эти студенты реагировали на раздражители с такой же готовностью, как россияне, — вся Тэханно через полчаса была бы усеяна свежими трупам. А эти — ничего, как-то сосуществуют.

...Вот пересекает толпу парочка — девушка в белом платье и высокий парень. Сзади летит баскетбольный мяч — прямо ей по плечу. Девушка охает — больно. Парень успокаивает подружку, помогает ей отряхнуться. Из толпы выныривает незадачливый хозяин мяча — по сравнению со спутником девушки, ниже ростом раза в полтора. Мезансцена подготовлена, да какая выигрышная! Ну все, сейчас начнется: «Ну, ты, мужик. Пойдем выйдем». Но заканчивается дело чисто по-корейски. «Извините», — кланяется баскетболист. «Да ладно, ничего», — машет рукой девушка.

Вот и весь обмен репликами. Еще один конфликт не состоялся.

Как корейцы ссорятся

Итак, к конфликтам корейцы не склонны и всегда, в любом случае предпочтут худой мир доброй ссоре. Но все-таки даже им время от времени приходится конфликтовать, как и всем живым людям. Как известно, ссориться, выяснять отношения, разводиться и т. д. можно по-разному, и эта разница определяется не только нашими индивидуальными различиями в темпераменте или образовании, но и национально-

культурными стереотипами поведения. Кто-то в таких случаях хватается за кинжал, а кто-то за бутылку, кто-то матерится, а кто-то невозмутимо раскуривает трубку, кто-то зовет наемного убийцу, а кто-то звонит адвокату. У корейцев тоже есть свои национальные стереотипы на этот счет, и иностранцу их полезно знать. На мой взгляд, стереотипы эти в Корее существенно различаются по половому признаку.

Часть первая.

О тыквах и скаковых лошадях, или как конфликтуют корейские женщины

Начну с описания прекрасной половины корейского общества.

Как конфликтуют в Корее женщины? В целом — вполне в рамках патриархального общества, и западных мужчин, напуганных ужасами феминизма, я приглашаю в Корею: жениться и вспомнить, что такое женщина патриархальная, то есть зависимая от тебя до последней копейки. Предупреждаю, что ждет их полная и обидная противоположность традиционному представлению о «восточных женщинах», столь приятно ласкающему мужское эго.

Кореянок наши мужчины обычно представляют в виде нежных кротких ланей, которые выражают свое огорчение исключительно жемчужными слезками в уголках хорошеньких глазок. В мирное же время эти изящные красотки с милым щебетаньем подносят тапочки своим всеильным повелителям и неусыпно бдят с вязаньем в руках у постели мужчины, если вдруг он — ах! — заболел насморком.

Скажу прямо и откровенно — черта с два! За неимением в корейских домах тапочек грязные носки с вас она, может быть, и снимет — оберегая мытый пол. А вот вязать не будет, потому что какой же вы тогда мужчина, если не можете купить ей нормальную кофточку? И что вы за мужик, если валяетесь с гриппом вместо того, чтобы идти и зарабатывать деньги...

И далее в том же духе. Это — сценарий предполагаемого конфликта. Формы столь же восхитительно традиционны — скандалы и истерики, о которых я упомянула выше. С подвизгиванием и отказом от выполнения супружеских обязанностей, с угрозами уйти к своей маме и наездами на вашу маму, с криками и публичными оскорблениями. Помню, как в начале 90-х годов московские переводчицы корейских фирм, затаив дыхание, пересказывали друг другу подробности затянувшегося семейного скандала одного из высокопоставленных сотрудников южнокорейского посольства в России, чья супруга имела обыкновение врывать на деловые заседания мужа и громогласно заявлять: «Ты что обещал моему отцу, когда просил моей руки? Что мы уедем в Америку! А куда ты меня увез?! В эту дыру?!!»

Возможно, та посольская жена и была несколько эксцентрична (эксцентричность ее опиралась, думается, на тот простой факт, что развод для ее мужа, дипломатического работника, был, как у нас в советские времена, равносителен служебному самоубийству). Однако действовала она в рамках общей патриархальной традиции — то есть рассматривала мужа как скаковую лошадь, на которую в свое время поставила и с которой не намерена была слезать. Ибо ни на что другое общество ей ставить не даст.

Образование она получает в основном для того, чтобы получить необходимый образовательный ценз — для получения, в свою очередь, мужа с соответствующим образованием. В науке может быть семи пядей во лбу, и тем не менее за профессорское

место ей приходится конкурировать с мужчинами, а она женщина — значит, дура по определению. В бизнесе или политике ее тем более никто не воспринимает серьезно. В офисе если сидит, так чтобы переключать бумажки или разливать чай... Остается одно поле битвы за финансовый урожай — муж, на выжимание материальных благ из которого и направляется вся ее энергия.

Добавим, что в целом в Корее развод хотя и допустим, но воспринимается опять же как социальная катастрофа, которая рушит биографии не только непосредственных участников, но и всего их рода бог весть до какого колена. Не только дети, но и двоюродные племянники разведенных супругов не могут в дальнейшем рассчитывать на социально благополучного брачного партнера. Значит, брак — ставка на всю жизнь. Отбирают «лошадь» долго, тщательно осматривая зубы и копыта, то есть финансовое положение, линию родства, состояние здоровья, сверяя данные гороскопа и т. д. И если впоследствии обнаружится, что сие домашнее животное по причине скрытого дефекта или невезения «не смогло», то пусть пеняет на себя. Волна самоубийств, которая прокатилась по Корее в период валютного кризиса, еще раз доказала это. По свидетельству социологов, самоубийства среди уволенных служащих крупных корпораций часто объяснялись страхом мужчин признаться в своем банкротстве женам, чтобы не услышать в ответ грозного: «А что ты обещал моим родителям?» Многие шли на этот шаг для того, чтобы семья после смерти могла получить страховку и, таким образом, «обещание родителям» было хотя бы частично выполнено.

Конечно, не все мужья в Корее реагируют на супружеские сцены столь драматично и благородно. Иные действуют с женами по старинке, без всяких страховок — синяк под глаз и... Но наивно думать, что синяком можно остановить корейскую жену.

Во-первых, она от этого не замолчит. А во-вторых, синяк превосходно может поставить вам сама. В 1999 году этой теме была посвящена одна из передач SBS, которая так и называлась: «Мужья, которых бьют жены». По свидетельству авторов этой передачи, супружеских пар, где жена занимается рукоприкладством, в Корее не так уж мало. В передаче приводился список предметов домашнего обихода, которые используются корейским слабым полом для воздействия на своих повелителей. Туда входили скалки, утюги, медные тазы, палочки для еды — в общем, оружие впечатляющее. Но не оно является самым грозным в корейской семье. Есть и другое, куда более длительного и убойного действия. Это «пагачжи», то есть черпак из тыквы-горлянки. Дело в том, что для обозначения женского нытья, пиления, зуда, проедания плечи, промывания мужниных мозгов и проч. в Корее существует специальное словосочетание: «пагачжирыль кыккта» — «выскребать тыкву-горлянку». В традиционной Корее из тыквы-горлянки путем кропотливого и тщательного выдалбливания и выскребания делался специальный черпак для хозяйственных целей. Такая же кропотливая тактика испокон веку применяется корейками для обрабатывания мужа. В результате лошадь скачет резво, насколько может, добиваясь желаемого материального состояния всеми, в том числе и противозаконными средствами.

Так, в подавляющем большинстве финансовых скандалов и злоупотреблений среди высших должностных лиц Кореи в последние годы следствием были без труда прослежены следы нежных женских ручек, усердно и тщательно «выскребавших тыкву-горлянку», то есть головы своих несчастных мужей, внедряя в них идеи о настоятельной необходимости приобретения скромных норковых шубок, симпатичных бриллиантовых коле и проч. И шубки с коле исправно доставались — вплоть до самого ареста.

Да поймет меня читатель правильно: я ни в коем случае не хочу сказать, что в Корее нет ласковых, понимающих жен и счастливых семей. Гармоничные союзы есть везде, как есть они, к примеру, в мусульманских странах. Но никому на этом основании не придет в голову отрицать очевидные факты дискриминации женщин в арабском мире. Точно так же реальна и та тенденция, которую я описываю, для института корейской семьи.

Причины проблем лежат, конечно, не в какой-то природной испорченности корейских женщин. Зри в корень, как говаривал Козьма Прутков, то есть смотри в детство. Чего по сей день южнокорейское общество требует от девочки? По сути дела, одного-единственного качества — товарного вида (даже умение вести хозяйство и квасить кимчи не ценятся так высоко). Ее учат быть милой, нарядной, хорошенькой (не дай бог поцарапать нос — мигом налетят мамки-няньки с мазями и притираниями!). В семьях победнее — завивают, красят волосики, навешивают разноцветные ленточки и бусинки. В семьях побогаче в добавление к этому учат немного болтать по-английски, немного бренькать на пианино, грациозно задирать ножки в любительском балете...

И все. Капризы и кокетливые кривлянья считаются неотъемлемой частью имиджа «милой девочки» и активно поощряются (не верите — посмотрите пару корейских передач и реклам с участием детей).

Зачем это делается? «Воспитывай дочь как принцессу — и получишь в зятя принца», — гласит популярное корейское высказывание. Уже с 4—5-летнего возраста малышка постоянно слышит от родных пока еще полушутливые разговоры о «богатом женихе» — высшей награде, которую получает девочка, если будет достаточно «йеппыда», то есть хорошенькая. Заметьте — речь идет не о добром, не об умном и сильном, не о любящем и порядочном человеке, а именно о богатом. Семена будущих проблем уже брошены в почву. Присмотритесь, во что играют, что рисуют корейские девчушки детского возраста, и вы увидите, что образ «богатого жениха» занимает в их сознании весьма значительное место. Идею о том, что муж должен быть прежде всего богатым, а жена — прежде всего нарядной и хорошенькой, эти девочки усвоят на всю жизнь. И всю свою семейную жизнь будут разъяснять эту ролевую ситуацию непонятливым супругам — всеми доступными методами.

Однако в последние годы мощная традиция Элочки-людоедки в Корее дает трещину. Разрушается она изнутри. Дело в том, что для реализации мечты о богатом женихе сейчас, как я уже сказала выше, требуется образование. И хотя задумывается оно в основном как образовательный ценз по схеме «получить диплом и положить в сундук», усилия лет, проведенных над книжками, для многих женщин даром не проходят. Образование раскрывает перед ними окно в большой и увлекательный мир. Все больше кореянок проникаются западными идеями женской независимости и начинают работать после окончания университета — и работать по-настоящему. Таким образом, они получают возможность зарабатывать себе на шубки и колечки не манипулированием собственным мужем, не домашними истериками и не «выскребанием тыквы», а чем-то более интересным и достойным. Конфликтуют женщины нового поколения реже — им и без этого есть чем заняться — и гораздо более цивилизованно. Их методы выяснения отношений ближе к мужским (я не имею в виду мурдобой, конечно) и мне лично кажутся более привлекательными.

Часть вторая.

О сохранении лица, или как конфликтуют корейские мужчины

На первый взгляд, ссориться с корейскими мужчинами легко и даже где-то приятно — если это слово употребимо в отношении конфликта, то есть ситуации заведомо неприятной. Легко потому, что есть в корейской культуре пресловутый принцип «спасения лица» противника. Это означает стремление проводить над человеком даже самые неприятные манипуляции в максимально приятной и достойной форме. Так, расставаться с ненадежным деловым партнером здесь будут почти под лирические звуки скрипок. Ему будут улыбаться и нежно жать руки, ему выплатят все причитающиеся деньги и даже сверх того, его сводят в ресторан и напоят пивом — и забудут.

Эта форма поведения часто вводит в заблуждение жуликоватых российских предпринимателей (с этими малоприятными субъектами мне как переводчице приходилось довольно часто сталкиваться). Было смешно наблюдать, как напряженно входил в кабинет корейского директора какой-нибудь очередной «новый русский», нагло подставивший своего партнера и теперь ожидавший, видимо, найти в здании уважаемой корпорации нечто вроде братков с горячим утюгом. И как он тут же расслаблялся, увидев, что бить его не собираются, а вместо этого заводят приятные беседы о семье и погоде и приглашают в ресторан. Приняв такое отношение за слабость и глупость корейцев, мой малосимпатичный соотечественник тут же пытался сесть обманутым партнерам на шею, требуя у них новых отсрочек и уступок.

Ответом были обещания подумать, новые порции сиятельных улыбок и новые бутылки пива. После этого российский партнер сбрасывался с корабля современности. Все его новые телодвижения, попытки встретиться и объясниться были уже бесполезны.

Однако, чтобы с человеком обошлись таким образом, ему надо было очень сильно насолить корейцам. Ссориться, конфликтовать по-настоящему корейские мужчины не любят и делают это с большой неохотой. Они дают человеку все новый и новый шанс, прощают один проступок за другим — за то, что «человек хороший» и разрывать с ним отношения как-то жалко. Помню, как на студию KBS посадили у пульта записи нового сотрудника лет 50, единственной задачей которого было нажимать по очереди два рычажка — вперед и назад — и не перепутать. Сотрудник, тем не менее, умудрялся путать, затягивая таким образом время записи до бесконечности, — при этом обаятельно всем улыбаясь.

Мы с Евгением Штефаном, вынужденные, как попугаи, повторять один и тот же кусок программы по несколько раз, кипели и ругались неприличными словами, умоляя сменить растяпу, но все было бесполезно — новичка держали на месте, каждый раз показывая и объясняя все сначала. Начальник отделения мягко говорил нам: «Да, я все понимаю. Но он очень добрый человек».

Такая политика — держаться за человека до последнего — для Кореи очень характерна. Конечно, держаться не за любого, а за того, кто доказал, что он «свой», лояльный или хотя бы безобидный. Делается это еще и потому, что корейская профессиональная сфера организована по схеме традиционной семьи и сотрудники считаются как бы сыновьями хозяина или директора. В небольших корейских фирмах начальник -«папа» может распекать и даже побить провинившегося сотрудника, но не выгонит его.

Правда, очень часто по этой же причине любому корейскому сотруднику в случае финансовых трудностей могут не доплатить или задержать зарплату, рассчитывая на то, что он «войдет в положение» и, как хороший сын, не будет возражать.

Однако традиция «сохранения лица» имеет и еще одну, не столь приятную сторону. Если вы в чем-то провинились, то в Корее никто ничего не скажет вам прямо. Берегут ваше лицо, берегут свое лицо... И санкции нагрянут неожиданно, как гром среди ясного неба. О вашем, к примеру, увольнении вы узнаете не от своего непосредственного начальника (он будет как ни в чем не бывало улыбаться), а от какой-нибудь второстепенной девочки секретарши из соседнего отдела. Помню, как наш учитель-американец в интернациональной школе в Сеуле (большинство детей в этой школе были корейцами) начинал родительские собрания с одной и той же отчаянной мольбы: «Пожалуйста, говорите мне прямо, если вы чем-то недовольны. Я вас знаю, я четыре года в Японии работал!» Он не раз, по его словам, сталкивался с ситуацией, когда неизменно улыбающийся при личных встречах корейский или японский родитель неожиданно писал на него докладную директору школы — причем по поводу того самого аспекта преподавания, за который хвалил в глаза!

Точно так же неожиданно вы можете узнать, что чем-то обидели корейца. Пожалуй, этот вариант еще более распространен. Потому что здесь просто личного обаяния или чуткости недостаточно — важно хорошо знать местную культуру и традиции.

Самый поразивший меня случай непредвиденного конфликта (к счастью, благополучно разрешившегося) произошел со мной в самом начале пребывания в стране.

Увольняясь с одной мелкой торговой фирмы, я довольно долго не могла получить от начальника причитающиеся мне деньги, хотя ходила в контору почти каждый день. «Я заплачу тебе завтра, — обещал мне предприниматель. — Скорее небо упадет на землю, чем я тебе не заплачу». Дни шли, небо было на месте, но денег я так и не получала. И вдруг после очередного неудачного визита мне позвонила переводчица из соседней фирмы: «Приходи в свой офис немедленно! — кричала она. — Там у вас такое творится!»

Когда я пришла в офис, там была совершенно похоронная атмосфера. Начальник с женой были пьяны вдрызг и плакали.

Вечно орущий телевизор не работал. Все молчали и ждали меня.

«Зачем ты так нас оскорбила? — запричитал мистер Ли. — Зачем ты опозорила нас перед людьми?! Ты была для нас членом семьи и так подло нас предала! Возьми, возьми эти проклятые деньги! Я бы заплатил тебе их все равно!» Я ничего не понимала.

Мне объяснили, что накануне кто-то рассыпал у входа в общее здание пачку визиток с данными нашей фирмы и именем ее владельца и основательно походил по ней ногами. Хозяин подозревал, что сделала это я — из мести за невыплаченные деньги.

Я все еще не понимала. «По моему имени ходили ногами! Фирма — это мое лицо. Мое лицо пачкали, топтали. О горе, о позор мне! Как мы теперь будем смотреть людям в глаза?» Я, как могла, успокоила начальника: «Не волнуйтесь, мистер Ли. Скорей всего, ваши визитки кто-то случайно выронил. Русские мстят по-другому. Если бы я хотела вам отомстить, я бы просто подожгла вашу лавочку к чертовой матери. Мне бы не пришлось в голову топтать визитку — я бы скорей потоптала вам пальто».

Обидеть корейца можно тысячами самых неожиданных способов и об этом не подозревать. Например, вы можете оскорбить его излишне пристальным взглядом.

Смотреть прямо в глаза в Корее считается немалым хамством. Если мы с вами, отчитывая ребенка, порой говорим ему: «Что глаза отводишь? стыдно?»

Смотри мне в глаза!» — то корейская мама заявляет своему шалуну прямо противоположное: «Ты что мне в глаза смотришь, нахаленок?! Не смей на мать тарашиться!» Для обозначения такого взгляда имеется специальный глагол: «пурарида», т. е. «свирепо вращать глазами». Наши европейские глаза вообще часто кажутся корейцам свирепыми (как нам их глаза — хитрыми). И если вы вдруг, задумавшись в метро, рассеянно на кого-то уставитесь, не удивляйтесь, если из забытья вас выведет обиженный возглас: «Почему вы на меня смотрите?»

Это еще очень хорошо, если скажут. Гораздо чаще бывает по-другому. Корейский сослуживец за соседним столом в офисе будет ежиться и молча терпеть ваши рассеянные прямые взгляды, а потом вы неожиданно столкнетесь с тем, что у вас на фирме, оказывается, стойкая репутация наглеца.

Одна из самых опасных в этом отношении сфер — национальная гордость корейцев, которую задеть можно легко, как больной палец. И не заметить этого. Преподаватель русского языка, в чьи обязанности входит ознакомление корейских студентов с культурой России, часто попадает по этой причине в сложное положение. Его могут спросить, например, действительно ли Эрмитаж лучше Кёнбоккуна, королевского дворца в Сеуле.

Первая реакция россиянина — фыркнуть, ибо скромненький деревянный Кёнбоккун, пышно именуемый «дворцовым комплексом», напоминает ему скорей хозяйственные постройки при доме купца второй гильдии где-нибудь во Владимирской губернии, только вместо крашенных петухов на крышах — обезьяны. И русский преподаватель часто, увы, фыркает. Студенты весело смеются в ответ. Потом преподаватель начинает петь осанну великой русской культуре. Корейцы внимательно и увлеченно слушают, задают все новые вопросы... А потом, за месяц до начала нового семестра, преподаватель с удивлением узнает, что контракт ему не продлили.

Узнать такое не особенно приятно. Ведь старался же, просвещал их, приобщал к настоящей культуре, сколько фильмов со слайдами перетаскал! И главное — ведь как снег на голову, ведь тебе улыбались в глаза, а потом... Какое коварство, какая скрытность! Примерно так рассуждают все обиженные партнеры корейцев. Обида, конечно, плохой советчик, и человеку трудно понять, что корейцы не коварны — у них просто не принято действовать прямо. Они не будут тайком вам гадить, не будут подкладывать мыло в суп, но и откровенности от них не жди.

Прямота для корейцев равнозначна глупости, открытость в конфликте — плохому воспитанию. Так что единственное, что можно предпринять иностранцу во избежание конфликта в Корее, — это держать нос по ветру.

Возможно, многим россиянам такая тактика придется не по вкусу. Что тут можно сказать... Только опять вспомнить про чужой монастырь. Замечу, однако, что в корейском способе конфликтовать есть свои несомненные плюсы. Например, корейцы значительно реже нас с вами прибегают к силовым разборкам в бытовых конфликтах. В принципе, мордобой, конечно, случается. Но мне за четыре с половиной года видеть такие сцены приходилось, может быть, от силы пару раз, причем драчунов, к их явному облегчению, тут же растаскивали окружающие. Гораздо чаще приходилось видеть сцены подготовки к драке, наблюдение за которыми мне всегда доставляло немалое эстетическое удовольствие.

Представьте себе: вечерняя улица, выход из ресторана, два подвыпивших мужика о чем-то повздорили и угрожающе стоят друг напротив друга. Стоят и ... шипят. Вполне натурально, как гуси. (Этот темпераментный шип («Ай-щц!») этимологически происходит от начала одного корейского ругательства — вроде бы человек начал его, но не закончил. Поэтому, когда Маша, научившись шипеть от кого-то из приятелей в детском саду, выражала таким образом досаду или недовольство я ее останавливала. Хотя, конечно, слушать это было смешно.)

Так вот, корейские мужчины шипят, развернувшись к противнику то одним, то другим плечом. Потом несильно толкаются и продолжают шипеть еще сильнее, глядя при этом друг другу в глаза. Шипят, пыhtят, надуваются, таращат глаза, в толпе нарастает напряжение, охают женщины и ... внезапно все успокаиваются и расходятся. Оба лица благоразумно сохранены.

Нет, корейцы — народ не агрессивный и не коварный. Просто не склонен к прямым откровенным разбирательствам. Не любит некрасивых сцен. Надеется, что умный и так поймет, а дураку и объяснять нечего. Культура такая, и ничего здесь не поделаешь. В крайнем случае можете, правда, отомстить — потоптаться на чьей-нибудь визитке.

Глава двадцать четвертая

Корейский сериал глазами западного зрителя

Телесериалы, или мыльные оперы, смотрят нынче в любой стране мира. Не обошло это поветрие и Корею. Правда, в отличие от России здесь не приживаются импортные драмы об экзотической зарубежной жизни. Корейцев, живущих в мононациональном и довольно закрытом обществе, интересуют в этом мире прежде всего они сами; и телевизионные страдания бедной девушки из провинции Чолла, обманутой коварным столичным красавцем, трогают их сердца несравнимо больше, чем разборки далеких мексиканских педро и урсул. Лично мне довелось увидеть по корейскому телевидению лишь один иностранный сериал — из жизни американских студентов. Он демонстрировался в дневное время на английском языке и предназначался, видимо, для корейских студентов, изучающих английский. Шел он, насколько могу судить по опросу моих знакомых корейских студентов, безо всякого успеха.

А вот отечественные телесериалы, или «драмы», как их здесь называют, популярны в Корее необычайно. Их смотрят все поголовно — и женщины, и мужчины, и молодежь, и старики.

Массовости этих зрелищ способствует и великое их многообразие. Драмы здесь штампуются с учетом возрастных и интеллектуальных запросов самых разных категорий населения. Гибко распределяется и время демонстрации. Мелодрамы, идущие утром и днем, затрагивают, как правило, молодежно-семейные темы, и предназначены для домохозяек в возрасте примерно от 25 до 35 лет. Днем идут фильмы для старшей аудитории, затем, часов в 5—6, подростковые сериалы, а вечером, когда возвращаются домой студенты и служащие, демонстрируются мелодрамы на более интеллектуальную тематику — производственную,

университетскую или историческую. Поздно вечером идут сериалы для специфической молодежной аудитории, возвращенной на американском кинематографе. Эти драмы помимо любовной лирики включают в себя элементы триллера, мордобоя и проч.

Все вышеперечисленные категории корейских мелодрам различаются в основном по антуражу, на фоне которого разворачиваются основные события. По сути же все они едины: это стопроцентное «мыло», художественный и интеллектуальный уровень которого в России оценили еще во времена рабыни Изауры.

Любопытно, кстати, отношение корейцев к «драмам». Известный парадокс российского зрителя, который понимает, что смотрит чушь, и тем не менее ее смотрит, в Корее полностью отсутствует. Корейский зритель внимает происходящему на экране с доверчивостью ребенка, без тени сомнения или сарказма. Причин этому много — и вообще доверчивость корейцев к тому, что вещают в эфире (раз говорят — значит, имеют на это право), и традиционное конфуцианское уважение к интеллектуальному труду (раз писатель написал пьесу, которую экранизировали, значит, она того стоит). Но главное, что делает Корею землей обетованной для создателей и распространителей всевозможных мыльных опер, — это знаменитая корейская чувствительность, в которой не стыдятся признаться даже мужчины.

Хотя корейская пословица говорит, что настоящий мужчина плачет только три раза в жизни: когда рождается, когда умирают его родители и когда гибнет страна, — реальность сильно отличается от этого постулата. Я, привыкшая к западным стандартам мужского поведения, была, признаться, сильно удивлена, когда не раз и не два слышала признания корейских мужчин в том, что они любят смотреть сентиментальные фильмы и часто плачут. Причем заявляли они это с гордостью, поскольку, видимо, считали подобную чувствительность свидетельством тонкой и высокоорганизованной психики.

Особенности корейской мелодрамы

Как известно, сериал, подобно любой разновидности «искусства для народа» (женскому роману, жестокому романсу, тюремной балладе и т. д.), имеет свои стойкие стереотипы. Стереотипы корейской мыльной оперы сильно отличаются от привычных нам, скажем, латиноамериканских. Корейские «мыльные» герои говорят на своем языке, непонятном западному человеку и при самом гениальном переводчике, — вот почему голубая мечта корейских кинематографистов о завоевании западного рынка в реальность упорно не воплощается.

Итак, что же это за язык, что за особенности?

Первое, что бросается в глаза при просмотре корейской мелодрамы, — необычайная даже для сериала примитивность актерской техники, характерная скорее для провинциального театра XIX века, чем для современного зрелища. Все фальшиво, натужно и вымученно до чрезвычайности. Действующие лица находятся в состоянии непрерывной, как сказали бы в старые времена, аффектации. Заламывание рук, слезы величиной с перепелиное яйцо, душераздирающие вопли с искаженными лицами и обмороки героев здесь вещи совершенно обыденные, и если за стенкой у соседей слышатся истерические крики, не спешите вызывать полицию — скорей всего, это корейская семья самозабвенно погрузилась в перипетии любимого сериала.

Конечно, такой исполнительский схематизм отталкивает западного зрителя от корейских фильмов. Как бы ни ругали мы с вами голливудские творения, очевидно,

что средний уровень игры актеров в них куда выше. Это понятно — ведь там собирают со всего мира и лучшее, и лучших. В корейском же «мыльном» кинематографе явно прослеживаются лишь свои родные корни, а именно — незатейливые представления на деревенских рынках. Сейчас все больше молодых корейских актеров учатся за рубежом, в странах, где драматическое искусство имеет более утонченные традиции, соответствующие эстетическим потребностям сегодняшнего дня. Приятно осознавать, что в число стран, куда едут учиться корейцы, входит и Россия. (Кстати говоря, негоже и нам забывать о том, что пару веков назад сценическая Россия тоже ходила в училищах у иностранцев.

Станиславский и Михаил Чехов не появились бы у нас без прочного освоения русскими французского и итальянского театрального опыта.) Хочется надеяться, что обучение за границей тоже пойдет корейскому кинематографу на пользу.

Вторая причина, по которой западному зрителю трудно воспринять корейскую мелодраму, — это ее тематика. В отличие от тех же латиноамериканцев с их знойными сюжетами, корейские авторы, как правило, создают свои драмы на заурядном бытовом материале. Их героев не съедают крокодилы, не давят роскошными лимузинами коварные завистники, не травят медленным ядом роковые разлучницы. Проблемы и события корейской мыльной оперы, как правило, очень обыденны, и западному зрителю, скорее всего, покажутся скучными. Но именно эта узнаваемость изображаемого на экране и делает родные сериалы столь привлекательными для корейцев. Помню, как делился своими чувствами по поводу сериала «Баня», представляющего, на мой взгляд, на редкость занудное бытописание семьи содержателя бани, знакомый сотрудник «Самсунга»: «Там все как в жизни — как у меня, у родственников... Очень реалистично семейные проблемы описываются. Очень, очень жизненный сериал».

Что же это значит — «жизненно»? Это значит, что герои корейских сериалов, как и реальные корейцы, редко нежатся под бананом. Они не разгуливают по пляжам в соблазнительных бикини, поигрывая загорелой мускулатурой. Вместо всего этого действующие лица корейской драмы... едят. Большую часть экранного времени корейский герой проводит за столом. При помощи еды он объясняется в любви, выражает свое самочувствие, отношение к происходящему и к собеседнику, демонстрирует материальное положение, открывает свой духовный мир. Собственно говоря, еда — основной критерий, по которому различаются типы корейской мелодрамы. Скажи мне, что и как ты ешь, — и я скажу, кто ты.

Вот несколько примеров наиболее характерных типажей.

1. «Дружная семья». Непрерывно коллективно чавкает за столом под реплики типа: «Ням-ням, вкусно. Да, тетя всегда вкусно квасит кимчи. — Как это у тебя так хорошо получается? У меня никогда не получается кимчи так вкусно. — Ну, ты же знаешь, что я всегда готовлю с душой. В еду надо вкладывать душу» (произносится с необыкновенно драматичным нажимом в голосе).
2. «Семья в ссоре». Каждый надут ест в своем углу. Причем желательно какую-нибудь дрянь, вроде рамена или покупного гамбургера. Голодные дети постоянно подбегают к маме и просят поесть. Расстроенная мама посылает их подальше.
3. «Строгий, но справедливый отец». Поклонник традиционной корейской кухни. Ест с обстоятельным кряхтеньем и причмокиванием под содержательный диалог: «Я же говорю — на завтрак надо подавать только кимчи-чиге (суп из кимчи). — Папа, но

нельзя же ежедневно есть кимчхи-чиге. — А я говорю, варите. Это здоровая национальная пища. От нее хорошо работает желудок.

А после обеда надо пить зеленый чай. Только зеленый чай, а не кофе. Кофе пить вредно» (произносит свои увещевания громко, убежденно, по-левитановски чеканно).

4. «Выпендрейный красавчик западного образца, злодей—погубитель главной героини». Не ест здоровой национальной пищи. Водит девушку по дорогим западным ресторанам, где звучит страстная музыка и коварно поигрывает вино в бокалах.

5. «Героиня в расстроенных чувствах». Не ест ничего, несмотря на уговоры родни и друзей. Уговаривают на протяжении серии ее раз 10, под печальные звуки скрипки — и, вторя скрипке, она будет со стонами отказываться. Может упасть в обморок от продолжительного голодания на нервной почве. Может напиться так, что ее тут же вывернет наизнанку при выходе из ресторана, — идея ее «вечной женственности» при этом в глазах корейского зрителя несколько не страдает.

6. «Энергичный, но недалекий друг (подруга) главного героя (героини)». Противоположность вышеописанному типу. Введен для того, чтобы оттенить тонкую душевную организацию главного героя. Ест все подряд, с чавканьем и громким неадекватным смехом.

7. «Заботливая мать». Ну, с этой вообще все ясно. Бесконечно бродит по рынкам, что-то режет, парит, мешает в кастрюле, чтобы потом попытаться с маниакальным упорством запахнуть все приготовленное в домочадцев, особенно в **Девушку В Растрепанных Чувствах** (как вы догадываетесь, безуспешно).

8. «Пожилой богач, вышедший из народа». Ест в дорогих ресторанах, но периодически тянет в рот всякую гадость, вроде печеного батата, продаваемого уличным торговцем. Сие странное действие имеет яркую ностальгическую окраску — оно означает, что герой не забыл, откуда он вышел. Поедание батата будет сопровождаться западной романтической песней, слова которой к упомянутому корнеплоду не имеют никакого отношения.

Все эти и другие персонажи бесконечно едят и страстно обсуждают съеденное, шумно готовят и с надрывом спорят о том, какая пища более здоровая... Думаю, читатель уже понял: победное шествие корейской мелодрамы по голубым экранам западного мира — вещь весьма проблематичная.

Лямур по-корейски

А где же основа основ привычных нам сериалов — любовь?

Есть ли она в корейской мелодраме? Есть-то она есть, но... уж очень корейская. То есть он любит ее, она любит его, но воссоединиться они не могут. И мешает им не какая-нибудь потусторонняя злодейка Сара, а родные родители. Родители в корейской мелодраме — инстанция высшая и последняя, некая сила природы, действия и решения которой сомнению не подвергаются.

Сила эта действует весьма своевольно и прихотливо. Чаще всего упирается и не разрешает нашим героям жениться. Что-нибудь да не понравится родителям в избраннике (це) своего 25—30-летнего дитяти — или нос, или уши, или данные гороскопа, или послужной список двоюродного прадедушки. И тогда прогремит, как гром с ясного неба, грозное: «Нет! Не разрешаю!» Могут еще и затрещину дать, чтобы быстрее дошло. В ответ герои заливаются слезами величиной с перепелиное яйцо,

отказываются от еды, долго гуляют по берегу Хангана на холодном ветру, напиваются в стельку... и сочетаются браком с тем, кого нашли мама с папой.

Вот тут-то и начинаются их страдания. В особенности это касается девушки. Потому что на сцену выходит главная баба-яга корейского фольклора всех времен — **Ее Величество Злобная Свекровь**. Выходит, и начинает тиранить бедную героиню, как старослужащий салагу. Чего только не придумывает, чтобы сжить беднягу со света. То редьку заставит резать правильными пятиугольниками, то потребует кланяться свекру под углом ровно 78 градусов — ни больше ни меньше. Невестка все покорно терпит, заливаясь уже знакомыми нам слезами. От непосильной работы и стрессов она в конце концов оказывается на больничной койке под капельницей.

О капельницах и поносах

О, эта капельница корейской мелодрамы! Тебя не минует ни один положительный герой. Под капельницей лежат они сами.

Под капельницей обязательно оказываются их родители. Корейские режиссеры щедро прописывают капельницу и от сердечных болей, и при выкидышах, и от стрессов. И, конечно, от поносов.

Поносят корейские положительные герои весьма часто и всегда — неспроста. Расстройство желудка в корейской мелодраме имеет тот же высокий символический смысл, что в западной — сердечный приступ. В особо трагические минуты, когда мексиканский герой хватается за сердце, корейский бежит в туалет, откуда вскоре раздадутся выразительные звуки. Им будет вторить печальная музыка, а домочадцы — внимать происходящему со скорбными лицами.

Корейский хеппи-энд

Поели, поплакали, посидели в туалете, полежали под капельницей... Ну, и чем же сердце успокоится? По закону жанра, финал должен быть счастливым. Но счастье, как известно, каждый понимает по-своему. Корейский «счастливый конец» интересен тем, что абсолютно нелогичен. Откуда придет избавление, догадаться невозможно до самой последней серии. Известное правило Чехова о ружье, которое, будучи повешенным на стену в первом акте, должно обязательно выстрелить в последнем, в корейской мелодраме не работает абсолютно. Злобная свекровь вдруг может превратиться в милейшую старушку и сильно облегчить этим жизнь страдающей героине. Постылая жена положительного героя, на протяжении 30 серий здоровая и настырная, как бык, вдруг окажется под пресловутой капельницей, а оттуда, к удовлетворению зрителей, плавно отправится на тот свет, открыв для разлученных влюбленных дорогу к светлому совместному будущему. Богатый надменный красавчик, также ставший на пути наших героев, попадет под машину, и, хотя слеза с перепелиное яйцо все же скатится со щеки чувствительной девушки по этому поводу, вытирать ее будет уже возлюбленный. Иначе говоря, конфликт в корейской драме разрешается всегда «сверху» и практически никогда не является следствием действий самих героев.

Их дело — не действовать, а пассивно и разнообразно страдать.

А дело зрителей — оплакивать эти страдания.

Грудь вперед, походка от бедра

Правда, сейчас под воздействием западных идей феминизма ситуация становится не столь однозначной. В последней серии поведение самой главной героини может диаметрально измениться. Покорная невестка, которую на протяжении всего фильма не бьет только ленивый, неожиданно превращается в крутую феминистку и борца за свою свободу и личное достоинство. Голос ее, доньше тихий и жалобный, приобретает визгливые истерические нотки. Ходить девушка начинает такой уверенной походкой, что земля под ней сотрясается. Если раньше машину вела еле-еле, то и дело опуская голову на руль от расстройства чувств (это на загородном шоссе-то!), то теперь мчится, чуть не сбивая прохожих (нельзя все же баб за руль пускать, нельзя!). Может врезать кому-то пощечину... В общем, с точки зрения эстетической наша героиня не слишком выигрывает от своего неожиданного перевоплощения — напоминает кота Леопольда, принявшего на грудь озверина.

Смех смехом, а если серьезно, то тенденция эта в корейской мелодраме очень важна. Особенно если учесть, какая огромная масса людей смотрит в Корею эти сериалы и как серьезно их воспринимает. При всей фальшивой условности, при всей дремучей примитивности мелодрамы учтем — героиня, которая нашла в себе силы уйти из дома, где ее подавляли и тиранили, может послужить душевной опорой и примером для какой-нибудь корейской девочки, оказавшейся в той же ситуации (сама ситуация, увы, для Кореи не так уж редка). Героиня активная и сильная, не позволяющая себя унижать. Героиня, добивающаяся высот на службе, талантливая и умная... Пусть таких женщин на корейском экране будет побольше. Это как раз то западное влияние, которое можно только приветствовать.

Эротические потуги

Что не скажешь, увы, о другой западной тенденции, которая все активнее утверждается в корейском кинематографе вообще и в мелодраме в частности. Это — изображение сферы собственно любовных отношений героев. Корейские фильмы, всегда отличавшиеся редким для нашего испорченного времени пуританизмом, включают в себя все больше элементов эротики. Еще совсем недавно любовь на корейском экране исчерпывалась тем, что герои держались за руки под крики чаек или, как лошади, клали друг другу головы на плечи под печальную музыку. Теперь режиссерам эти художественные приемы кажутся недостаточно выразительными. Героев начинают по поводу и без повода раздевать, сплетать в объятиях, заставляют страстно целоваться и содрогаться в любовных конвульсиях.

Умом, конечно, понимаешь, что увлечение «обнаженкой» — это своеобразная детская болезнь, которой неминуемо переболеет любой национальный кинематограф, прежде чем стать зрелым и спокойным. Да и совсем уж крамольных сцен в мелодраме все же не увидишь. Однако ситуация в корейском кинематографе ухудшается еще и тем, что его нынешняя подростковая гиперсексуальность сочетается с подростковой же неумелостью актеров. Герой так старательно и серьезно вытягивает губы при поцелуе, героиня так хлопает глазами и двигает плечами, тужась изобразить экстаз, что в целом зрелище напоминает пародию и созданию лирического настроения (по крайней, мере у западного зрителя) никак не способствует. Причины подобной некомпетентности лежат, видимо, в том, что в Корею, стране всегда бедной и патриархальной, традиционно не сложилась своя эротическая культура (для нее нужна и свобода, и материальный достаток, на худой конец хотя бы теплый климат), и то, что силятся изобразить сегодня на экране корейские актеры, является для них, в общем-то, новинкой, заимствованием из западных фильмов. Так что эротические мотивы, по

крайней мере на данном историческом этапе, к сильным сторонам корейских фильмов не относятся.

И все же, все же...

Сколько бы ни ругали мы, иностранцы, корейские сериалы, корейцы их смотрят и любят. Даже в Австралии, в Канберре, где я сейчас живу, есть пункт проката свеженьких корейских мелодрам. Признаюсь, что я, автор этих строк, в том пункте проката — постоянный клиент. Начала я посещать его с целью сугубо практической — чтобы не забыть язык и корейские реалии. Сейчас же просмотр на сон грядущий парочки серий об очередной победе кимчи-чиге над пиццей в доме тетушки Чо или о перипетиях женитьбы сына дядюшки Ана на дочери его начальника стал для меня насущной потребностью, почти ритуалом — как вечерняя чашка мятного чая с медом. Дочка тоже привыкла засыпать под звуки корейских голосов с экрана. «Мне от них так спокойно на душе делается», — призналась она мне как-то. И я с ней полностью согласна.

Конечно, художественные достоинства этих фильмов оставляют желать лучшего. Но, несмотря на это, в чем-то я корейцам завидую. Если народу хочется видеть на экране самого себя, а не внимать, затаив дыхание, сагам про будни иностранного миллионера, значит, свои собственные будни его вполне устраивают.

Глава двадцать пятая

Корея санитарно-гигиеническая

Тех наших читателей, которые ждут в этой главе рассказа об особых древних банных обычаях, о специфических восточных саунах, джакузи и прочей экзотике, я вынуждена разочаровать: ничего подобного в традиционной Корее не было. В отношении к гигиене корейский народ в старые времена был схож со многими народами мира, даже с теми, которые у нас всегда ассоциировались с изысканностью и рафинированностью. Известно ведь, что в «прекрасной Франции» утонченные дамы в старое время носили при себе помимо вееров изящные золотые вшигонялочки (ну, заедали их проклятые насекомые!). Средневековая Европа была еще та чистюля...

Традиционная Корея не особенно отличалась от Европы в этом отношении. Мылись в речках, а когда речки замерзали, то в тазиках. Впрочем, и тут не очень усердствовали. Корейским женщинам после родов, в частности, шаманки запрещали мыться семь дней: то ли счастье боялись смыть, то ли гармонию инь-ян нарушить... Осудить за это никого нельзя — людям было не до жиру. До 60-х годов XX века (!!!) на большей части территории

Южной Корее не было водопроводов, воду носили женщины на голове в больших кувшинах. Понятно, что в таких условиях не поплескаешься.

Но, к счастью, темное прошлое осталось позади. Как и в любой другой стране, состояние гигиены в Корее зависит сегодня не столько от давних традиций, сколько от уровня экономического развития страны и санитарной пропаганды.

Гигиена: день нынешний

Первое, что бросается в Корею в глаза, — это подтянутость и аккуратность общей массы людей. Никаких пятен на юбках, не выглаженных блузок, не чищенных ботинок. Мужчины одеты с иголки, женщины ухожены, дети нарядны. Корейцы, как я уже писала выше, за своей внешностью тщательно следят. И тут мне ничего не остается сделать, как вновь и вновь пропеть славу их «экономическому чуду». Ибо именно оно сделало одежду и обувь хорошими и дешевыми настолько, что никто не носит здесь одну и ту же вещь больше сезона. Все то же «экономическое чудо» обеспечило домохозяек и отличными стиральными машинами, и порошком, который отстирывает буквально все. Поэтому внешний вид корейцев — на пять с плюсом. Однако в вопросах гигиены собственно тела есть некие пунктики, по которым они сильно расходятся с современными западными представлениями об этом предмете. И первое — как часто надо мыться?

...В здании Австралийского национального университета помимо туалетов вы найдете еще и душ — для тех, кто приехал на велосипеде и вспотел по дороге, кто не успел это сделать дома утром, на случай жары. Когда в середине зимы по техническим причинам душевые на короткое время закрыли, это вызвало прямо-таки панику среди студентов, так что администрация сочла необходимым послать специальное разъяснение по университетской компьютерной сети. И если вы спросите среднего американца или австралийца, как часто надо мыться, он убежденно ответит:

«Конечно, каждый день», причем многие будут настаивать на том, что делать это надо два раза — утром и вечером.

Мне тоже всегда казалось, что в наше время в развитых странах сомнений быть не может — мыться надо каждый день, а если испачкаешься, то еще чаще. Оказалось, однако, что массовый кореец — представитель страны, весьма развитой — считает по-другому. Как-то на языковых занятиях в Сеульском университете нам надо было придумать предложения со словосочетанием «каждый день». Совсе не думая оригинальничать, я сказала первое, что пришло в голову: «Каждый день я принимаю душ».

На 28-летнюю корейскую преподавательницу мои слова произвели действие самой удачной шутки. Выяснилось, что она находит ежедневное мытье не просто ненужным, но и... вредным для здоровья. И с подобным мнением мне приходилось сталкиваться не раз. Весьма характерна ситуация, обыгранная в одном корейском телесериале, — конфликт молодоженов. Придирчивая жена настаивает на том, чтобы муж каждый день мыл перед сном ноги, а тот всячески противится.

Очевидно, что не материальные проблемы являются причиной этих представлений. Ведь горячая вода и мыло (а также хорошие шампуни) — вещи, доступные сегодня в Корее практически всем. Дело здесь, я думаю, только в установках населения, сформировавшихся в годы различных лишений, в массовом сознании, которое не поспевает за экономическим развитием страны. Гигиеническая пропаганда в Корее не просто не учит население мыться ежедневно, но работает часто в противоположном направлении. В корейском журнале «Здоровье» мне не раз попадались статьи, где утверждалось, что ежедневное мытье... портит кожу. И это притом, что корейцы

моются отнюдь не хозяйственным мылом — местная промышленность выпускает столько мягких видов мыла и его заменителей: гелей, пенки и проч., что вопрос этот отпадает сам собой. Самое любопытное, что в других гигиенических вопросах корейцы очень даже на высоте и кое в чем даже перегоняют Америку с Западной Европой. Например, чистят зубы они после каждого приема пищи, и в любом офисе в туалете вы увидите аккуратные ряды зубных щеток, принадлежащих сотрудникам. Корейская промышленность выпускает специальные дорожные наборы с зубными щетками и пастами, чтобы зубы после еды можно было почистить даже в туалетной комнате ресторана. Думается, именно благодаря этой хорошей привычке зубы у большинства корейцев белые, хотя они заядлые курильщики. А вот ежедневное мытье корейцы почему-то не практикуют — «берегут кожу».

И, по свидетельству той же преподавательницы Сеульского университета, до сих пор несколько дней не моются после родов: «такая традиция» — вот и весь сказ.

Не стоит делать, однако, радикальных выводов об общем уровне гигиены в Корее на основании этого факта. Проколы в гигиенических представлениях есть практически у каждого народа.

Так, немцы, заслуженно носящие репутацию чистюль, не считают нужным споласкивать посуду и тело после мытья в мыльной воде. Англичане известны своей почти биологической нелюбовью к проточной воде и смесителям даже в общественных туалетах — если вы захотите там помыть руки, придется набрать воды в общую раковину. Австралийцы ходят дома в той же одежде и обуви, в которой на улице, притом, что полы там покрыты ковровым покрытием и частая влажная уборка невозможна. Однако нет сомнений, что общий уровень гигиены в этих странах высок. Оценить его можно не на уровне эмоций, а вполне официально — статистически. По тому, сколько народу болеет и умирает от «болезней грязных рук». В Корее, как и в указанных странах, этот показатель низок. И это несмотря на то, что в корейских ресторанах закуски и суп подают в общих мисках, из которых каждый обедающий берет еду своими палочками или ложкой. Сами корейцы говорят, правда, что ни один микроб в здравом уме и твердой памяти не поселится рядом с красным перцем, которым изобилует корейская кухня...

В бане

Пусть не так часто, как американцы, но корейцы моются.

Где? Традиция тазиков сохранилась в основном только в небогатых традиционных домах. В современных квартирах есть и душ, и уютные ванны. А кроме того, в стране существует огромное количество саун, турецких бань, так называемых «каменных бань» и прочего, что можно объединить под общим названием — могоктхан (баня). Несмотря на то что эти заведения в Корее возникли относительно недавно, они быстро завоевали популярность. Бани в Корее недороги, чисты и уютны, это небольшие комфортные островки отдыха, соединяющие в себе женские клубы и салоны красоты (понятно, что судить я могу только о женских банях). Посещают могоктханы в основном женщины средних лет — среди молодых кореянок, как я поняла, могоктхан не очень котируется. Мои знакомые студентки объясняют это так: «Ну... Там лицо так краснеет... Выходишь наружу, и все думают, что ты пьяная» (пить по субботам, однако, им это соображение не мешает).

Итак, могоктханы — это царства женщин «за 30». Там они не только моются, но и делают массажи, всячески «удобряют» кожу и волосы, целенаправленно потеют и

худеют — в общем, в банях идет та неустанная битва за красоту, которую испокон веку ведут представительницы прекрасной половины человечества во всех местах его обитания. Хотя стратегические задачи у нас общие — задержать время и обмануть природу, — тем не менее тактика различается. Итак, чего же конкретно добиваются корейки?

Прежде всего, конечно, белизны кожи. За этим местные женщины следят неустанно — не дают упасть на себя солнечному лучу даже зимой, жарким летом носят специальные козырьки и зонтики от солнца, мажутся солнцезащитными кремами и т. д.

Если этого не делать, то кожа буреет, грубеет, покрывается пигментными пятнами: солнце в Корее — первый враг красоты. В бане женщины пользуются и специальными фармацевтическими, и народными средствами, отбеливающими кожу. Это, во-первых, полынь — царица корейской косметологии и медицины (в Корее изготавливают даже женские подкладки с полынью). Истолченную в порошок полынь корейки добавляют к яйцу, или к йогурту, или к меду, или к каше из пшеничной муки. Намазавшись этой зеленой смесью, похожие на кикимор женщины идут париться. Вместо полыни могут использовать измельченный в порошок зеленый чай, сухие водоросли, толченые ядра косточек абрикоса, тертый огурец, бамбуковую соль — средств не счесть.

Другая проблема, с которой борются корейские женщины, — это лишний вес. Эта мания цивилизованного мира коснулась и Кореи — притом, что народ здесь к полноте совсем не склонен.

И тем не менее лишние сантиметры на талии корейки воспринимают куда трагичнее нашего. Часто видишь, как на весы в бане становится женщина, которая по русским меркам просто худосочна; она с замиранием сердца следит за показанием стрелки, а потом с отчаянием объявляет своей еще более тощей подружке: «Все! 54!!!» Ясно, что будет дальше. Дальше будет парилка до изнеможения, и снова прыжок на весы, и клятвы не есть ни кусочка хлеба до конца жизни (именно хлеб винят корейки во всех бедах своей внешности), и, конечно, массаж.

«Экзекуция. Недорого, всего за 20 тысяч вон»

Именно так, в моем представлении, должно звучать рекламное объявление о корейском массаже. Он показался мне... скажем так, необычным. Массажистки редко пользуются специальными маслами или кремами. Вместо этого вас посыпают тертым огурцом, заливают яйцами и молоком. Однако в духовку не ставят, как логически следовало бы, а начинают вместо этого всячески издеваться. Бьют косточками пальцев по голове, выворачивают ступни, колотят кулаками по ребрам... Затем, как и положено после пыток, обливают водой. Вы в полном оцепенении встаете и уходите, приволакивая ноги, а довольная своей работой массажистка игриво кричит вслед: «Сегодня ночью твой муж будет тобой очень доволен».

И снова странности

Хорошо в корейской бане! Чисто, уютно... Но странно. Потому что никто из женщин не носит там резиновые тапочки (кстати, не носят их и в австралийских банях). Никто не подстилает полотенца, когда садится на скамейку или даже на пол сауны — где только что прошли чьи-то ноги. А садятся корейки не как-нибудь с боку на краешек, а основательно, в позе будды, так что достигают полного контакта с поверхностью. Вышеупомянутая массажистка не только не надевает перчаток, но даже не моет рук

после предыдущего клиента. Нижнее белье в банях корейки стирают тоже очень оригинально: его усиленно трут... ногами о каменные плиты банного пола. А чего стоит одна только общая расческа на веревочке у зеркала! И это в стране, где в общепите выдерживаются самые строгие санитарные нормы, где широко применяется одноразовая посуда, где каждая печенюшка в фабричной коробке в гигиенических целях обернута в отдельный фантик...

Один умный корейский знакомый объяснил мне, что причина банно-гигиенической беспечности корейцев лежит в их коллективном сознании: они чувствуют себя в бане как в семье, где все свои и некого бояться. Наверное, мой знакомый прав. Тем более что за чистотой в банях служащие следят почти как дома за ванной. То и дело в душевых, в сауне появляется из тумана среди островков голых тел одетая в нижнее белье тетушка-тэмири (банщица). Она не только трет спины своим клиенткам (это ее основная работа), но и что-то оттирает тряпочкой вокруг, подбирает невидимый мусор, наводит глянец на запотевшие зеркала... Ее усилия не пропадают даром: корейские бани блещут чистотой. Но ведь очевидно, что всей заразы тетушка-темири своей тряпочкой не выведет. В перенаселенной стране, где по телевизору то и дело крутят рекламу антигрибковых средств, от подобного «коллективизма» лучше, конечно, избавляться.

...Несмотря на эту ложку дегтя, в целом корейская баня — это большая бочка меда. Там хорошо. Можно позаниматься на тренажерах. Можно поспать. Можно поесть — у банщицы всегда найдется что-то съестное на продажу. А уж пива, с которым, помню, в московских банях всегда были проблемы, здесь просто залейся — причем по обычной городской цене. И стоит поход в это замечательное заведение всего 3 тысячи вон. Все это настолько естественно вписалось в жизнь корейцев, что кажется: бани были в Сеуле всегда, как гора Пукхансан.

Что же касается тех гигиенических проблем, о которых я написала, то уверена, что решение их — дело совсем недолгого будущего. Корейцы отличаются здоровым доверием ко всему, что касается пропаганды здоровья, и дело лишь за средствами массовой информации.

Заканчивая эту главу, я хочу рассказать забавную шутку, которую в Корее рассказывают про баню. Сидят на ветке воробьи. Все нормальные, а один — в плавках. Кто это такой? Ответ — тэмири.

Глава двадцать шестая

Как корейцы относятся к животным?

Сначала — об отношении к людям

Я уже упоминала о том, что корейцы — народ чувствительный и жалостливый. Корейцев трогают до слез прекрасные виды природы, они легко плачут над печальными песнями и телесериалами. Помню, как поразило меня это в первый раз:

полный зал плачущих и сморкающихся аджумм во время демонстрации фильма «Письмо» — фильма, который у меня вызвал только приступ ехидных смешков. Когда я после сеанса попыталась объяснить ужаснувшейся моему цинизму подруге все натяжки, неправдоподобности, ходульные приемы фильма, которые мешали мне сочувствовать главному герою, она со мной вроде бы соглашалась, но, вспоминая подробности «Письма», снова заливалась слезами: «Его так жалко!» «Жалко» — это очень корейская эмоция. Вот почему в Корее быстро прижились западные системы благотворительной помощи и даже выработались свои. Например, во времена экономического кризиса во многих корейских семьях все домочадцы, вплоть до маленьких детей, ежедневно откладывали по ложке риса от каждого завтрака, обеда и ужина, чтобы в выходной отнести сэкономленное в церковь — для голодающих. Кампании сбора средств в пользу голодающих Северной Кореи, в пользу жертв тайфунов, в пользу больных детей и проч. всегда проходят в Корее с успехом. В последние годы корейцы стали помогать не только своим менее удачливым соотечественникам, но и голодающим африканцам. Чувствуется, что международные благотворительные акции для них — особый повод для гордости: вот, мол, как мы поднялись. Теперь не западный мир нам помогает, как было после войны, а мы сами кому хочешь поможем.

Но жалеют корейцы не только героев фильма и не только далеких голодающих. Что гораздо ценнее, они быстро проникаются сочувствием и к конкретному человеку рядом, попавшему в сложную ситуацию, и часто искренне стараются ему помочь — даже незнакомые люди. Стоит спросить дорогу на улице — и вы тут же оказываетесь в окружении небольшой толпы горластых корейских тетушек, каждая из которых старается получше объяснить и даже проводить вас до места назначения. Однажды я отстала от своей туристической группы в незнакомом городке одной южной провинции. Пошла искать своих — и заблудилась.

Передо мной расстились рисовые поля, на которых работали крестьяне. Они во все глаза уставились на невестку откуда свалившуюся иностранку. Я спросила дорогу до гостиницы — и занятые люди оторвались от работы и с шутками проводили меня.

На прощание какая-то старушка крепко хлопнула по спине — иди, дескать, и больше не теряйся. Несколько раз мне приходилось попадать в Сеуле в глупую ситуацию — вошла в автобус, а кошелек оставила дома. И ни разу меня не ссаживали — или шофер снисходительно махал рукой и вез дальше, или какой-нибудь доброжелательный пассажир с улыбкой платил за меня.

Такую же доброжелательность и участливость в Корее я ощущала и со стороны большинства знакомых. Тот факт, что я живу за границей одна с маленьким ребенком, располагал их ко мне не меньше, чем к героине какого-нибудь слезливого сериала, брошенной на сносках коварным негодяем. По корейскому законодательству, в случае развода ребенок остается с отцом, и мой совершенно обычный для российского общества случай представлялся корейцам особенно драматичным. Больше всего трогал корейские сердца мотив «чужбины» в жизни нашей маленькой семьи. Хотя мы с дочкой чувствовали себя в этой стране превосходно и ни в чем, в общем-то, не нуждались, нас всячески старались обогреть и подкормить чем-нибудь домашним, Маше — сунуть какую-нибудь конфетку или игрушку, а меня даже выдать замуж за «доброего человека». Любые просьбы всегда выполняли охотно — посидеть ли с Машей, объяснить ли непонятное выражение в книге. Каждый раз, когда я просила кого-то из знакомых отредактировать текст моего выступления на семинаре или статью для корейского журнала, люди принимались за дело с большим энтузиазмом, работали несколько дней, отшлифовывая текст до состояния конфетки, — и никогда мне не

удавалось вручить им деньги за эту непростую работу. «У тебя что, денег много?» — обычно отшучивались они. Точно так же мне ни разу не удавалось заплатить за себя в ресторане — корейские подруги и друзья всегда платили сами: «Тебе что, деньги некуда девать?»

Не знаю, то ли статус одинокой матери с ребенком помогал, то ли просто везло на хороших людей. У многих моих знакомых кёпхо (советских корейцев), которые занимаются в Корее в основном мелким бизнесом, о местных жителях складывалось далеко не такое радужное впечатление. Мне рассказывали всякое... Но тут дело, думаю, в среде, с которой человек преимущественно общается. Челночный бизнес и в России, и в Корее, и в любой иной стране мира — сфера, сама по себе далекая от душевности. Я же общалась в основном с образованными людьми, представителями среднего класса. И эти люди в большинстве своем относились ко мне сердечно.

Тем сильнее было мое удивление, когда от западных иностранцев, которые тоже общаются преимущественно с образованным слоем корейского общества, я слышала подчас совсем другое мнение о корейцах. «Корейцы жестоки и безжалостны», — говорили мне. И свою оценку объясняли корейским отношением не к людям, а к животным: «Вы видели, в каких ужасных условиях содержатся у них домашние питомцы? А Сеульский зоопарк? Это же концлагерь!» Аргумент, на первый взгляд, веский — в западной культуре отношение к бессловесным тварям всегда считалось лакмусовой бумажкой, по которой проверяется человек. Можно ли на основании отношения к животным назвать корейцев жестокими? Разберемся.

Индустрия домашних питомцев, как и зоопарк, возникла в Корее совсем недавно. Это — явное следствие обогащения страны и ее активного подключения к доминирующей в современном мире западной культуре. Для традиционной же корейской культуры животные для души, животные как домашние питомцы, как друзья — явление абсолютно чуждое. Как любое чуждое явление, приживается оно не без определенных трудностей. Для того чтобы понять психологическую подоплеку отношения современного корейца к животным, невозможно обойтись без экскурса в историю.

Как это было в Корее...

Собачки, рыбки, кошечки, мышки и барсучки для старого поколения корейцев звучат скорее названиями пищевых продуктов, нежели обозначениями милых сердцу существ. Удивляться не приходится. Голод заставлял корейцев пробовать на зуб буквально всех «братьев наших меньших». Кто-то приходился по вкусу, в ком-то находили лечебные свойства, поедание кого-то превращали в ритуал. В результате практически все животные полуострова оказались так или иначе задействованы в корейском рационе. А любить душой тех, кого любишь желудком, — это уже патология. В результате в Корее сформировалось свое, весьма далекое от сентиментальности, отношение к животным. Иначе говоря, «птичку» корейцам не жалко. Западный исследователь корейской литературы Брайен Маерс обратил внимание на то, что в корейских романах начала XX века часто повторяется один и тот же художественный прием: показывая героя в расстроенных чувствах, автор заставляет его бежать по улице и... пинать подвернувшуюся под ноги собаку. Я и сама не раз замечала это, например, в произведениях Ли Ги Ена («Родная сторона», «Земля» и т. д.), где так поступают сугубо положительные персонажи. Если в западной литературе этот прием безусловно изобличил бы жестокого негодяя, то в корейском романе — это всего лишь свидетельство того, что герой юн и порывист. Он выглядит так же невинно, как герой западного романа или фильма, срывающий в порыве мятущейся души цветущую

веточку (правда, сейчас на голливудском экране и веточки не посрывает — «зеленые» закручивают).

Когда я переводила «Сказание о Чхунхьян», отметила еще одну любопытную деталь. Описывая юную девушку весной, неизвестный автор заставляет ее брать камень и... бросать его в иволгу.

Такая вот милая, игривая девичья шалость.

Тем нашим читателям, кто намерен в связи с этими фактами тут же объявить корейцев бессердечными злодеями, должна решительно возразить — это не так. Корейцы по природе, по душе не агрессивны. Сужу об этом не только по личному опыту общения. В корейском искусстве — а это верный показатель! — не встретишь кровавых сцен, сцен насилия, которыми изобилует, например, изобразительное искусство Японии. Хотя сейчас, кажется, тенденция к насилию в искусстве стала появляться — один хваленый боевик «Шири» чего стоит. Но это новая и явно американская тенденция. Традиционная же модель корейского обращения с животными объясняется, на мой взгляд, одной причиной — корейцы просто были всегда бедны и голодны, а голод не располагает к гуманизму по отношению к животным.

...и в России

Читатель может возразить, что старая Россия тоже была бедна, но собак, своих преданных друзей, не ела. Не есть-то не ела. А вот пинать — еще как пинала. Нам, современным собаколюбцам, в это почти невозможно поверить. Сейчас у нас принято писать о всеобщем хорошем воспитании детей в царское время. Однако реальность была куда суровой. Если и были какие-то зачатки гуманистического воспитания, то только у самой верхушки общества, у отпрысков «верхних 5%». А обычные российские дети тоже мучили животных, и больше всего, конечно, подростки из бедных семей. У простого народа нравы были еще те. Перечтите на досуге «Каштанку», или дореволюционные рассказы Бориса Житкова, или воспоминания дрессировщика Владимира Дурова — да хотя бы книги Горького о детстве и юности. И причина тогдашнего отношения россиян к животным была опять же не в какой-то исконной жестокости наших людей, а в бедности и убогости жизни основной части народа. Федюшка — сын столяра, вытаскивающий ради развлечения у Каштанки из желудка кусочек мяса на веревочке (сцена эта доводила до слез моих школьных подружек, теперь над нею плачет дочка), ребенок из бедных городских слоев — что он видел вокруг, кроме пьянства, грязи и тяжелого труда взрослых? Откуда было взяться гуманизму в его душе, если гуманизма не было — и не могло быть — вокруг.

И все же в целом старая Россия была богаче и благополучней, а посему и нравы были помягче, чем в Корее совсем еще недавнего времени. Понятие о том, что бессловесную скотину мучить не годится, в морали русского народа всегда существовало, хоть далеко не всегда эта мораль реализовывалась на практике. Сказки, в которых пожалевший щуку или змею герой неожиданно обогащался или получал помощь. Пословицы: «Божья тварь Богу работает», «Погоняй коня не кнутом, а овсцом», «Блажен человек, иже скоты милует». Приметы: «Не пинай собаку — судороги вытянут», «Кота убить — семь лет ни в чем удачи не видать». В корейском фольклоре ничего подобного мне не попадалось — увы... Жизнь в старой Корее была жестока — и не только к животным. Палками били не только собак, но и, к примеру, отца великого корейского поэта Ким Со Воля, которого таким образом лечили от душевной болезни (дело происходило в 20-х годах XX века). По совету шаманок бил палкой его

родной отец (дед поэта). Страшные крики избиваемого, от которых будущий поэт убежал в горы, шаманки объявляли криками злого духа, поселившегося в душе больного, и советовали бить еще сильнее. Любимая женщина Ким Со Воля — Осун, его Беатриче, которой посвящены самые чистые, самые возвышенные и трогательные строки корейской поэзии: «Цветок шиповника», «Выкликание души», — жила, терпя постоянные побои алкоголика-мужа, за которого против воли ее выдали родители, и умерла совсем молодой. А вы говорите — собаки... Нищета, отсталость и жестокость нравов — три лошади из одной упряжки.

Сытый голодного не разумеет

К сожалению, этот аргумент никогда не принимается на Западе всерьез. Ну и что, что бедность, говорят европейцы и американцы. У нас тоже были экономические проблемы, «великая депрессия» в 30-е годы, например, так мы ж собак не пинали...

Сытый голодного не разумеет. Что такое «великая депрессия» в Австралии, я понимаю сейчас, когда смотрю австралийские художественные фильмы-страшилки об этом времени («Кадди» и т. д.): для нашего народа, для народа Кореи, всегда живших по-настоящему тяжело, знавших и настоящие войны, и настоящий голод, эти фильмы, где дефицит дамских чулок и масла изображается как трагедия, просто смешны. Что такое «великая депрессия» в Англии, хорошо видно по документальным книгам Джеймса Хэрриота: «Среди йоркширских холмов», «Собачьи истории» и т. д. — бедный деревенский ветеринар в 1930-е годы разъезжает на машине, звонит клиентам-фермерам по телефону. Фермеры (тоже якобы бедные и страдающие от ужасов депрессии) разводят породистых собак, в глухой провинции проводятся выставки экстерьера домашних животных, в стране находятся деньги на финансирование общества защиты животных от дурного обращения...

Устойчивым, благодушным покоем веет от этих книг и фильмов. Очевидно, что временный спад производства в сытых странах даже близко не может сравниться с той истинной нищетой, в которой веками жила Корея. Там визг собак не мог волновать — там людям надо было ежедневно унимать плач голодных детей. Ни европейцы, ни американцы понять этого, увы, не в состоянии.

Как это сейчас

Сегодня бедность отошла в прошлое. Кажется, что так и было в Корее всегда — блестящие машины, освещенные тысячью огней улицы, нарядные детишки с конфетками во рту. Но все это — приметы лишь последних 25—30 лет жизни страны. Собачки же в попонках и рюшечках, черепашки в подводных дворцах, рыбки в дорогих аквариумах с подсветкой — эти приметы еще моложе, минимум лет на 20. В 2000 году корейскому обществу кинологии исполнилось всего 13 лет.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что к домашним животным в Корее по-прежнему относятся по-другому, нежели на Западе, где это — многовековая традиция. Хотя для собачек в современной Корее шьют попонки и подушечки, раскрашивают их шерсть в разные цвета, навешивают цветастые заколочки на челки, к собаке по-прежнему не испытывают того пиетета, тех очеловечивающих эмоций, которые характерны для западных любителей животных. Пусть даже корейская хозяйка целует свою собачку и кладет ее с собой в постель, эта маленькая питомица для нее скорее живая игрушка и предмет престижа, чем душевный друг. Хозяйка гораздо больше

озабочена красотой поводка, чем физическими нуждами своей собачки. Любой западный «зеленый», ознакомившись подробнее с содержанием собачки или кошки в корейском доме, упадет в обморок. Животное почти не гуляет, дома часто сидит целый день на привязи. Чтобы кошка не царапала паркет, ей обрезают когти. Чтобы собачка лаем не беспокоила соседей, ей порой делают операцию по удалению голосовых связок. Едят корейские собачки исключительно концентраты или рис и кимчи с хозяйского стола. Неудивительно, что мрут корейские питомцы как мухи. Если в России любитель собак, прежде чем завести животное, прочитает горы книг по уходу за ним, полгода будет выбирать породу, а потом столько же ходить на выставки, выбирая производителя, то в Корее ко всему этому относятся с абсолютной легкостью. Покупают с рук у метро, не озаботясь ни прививками, ни состоянием здоровья животного — выживет так выживет, умрет так умрет. И, судя по всему, особенного огорчения последний вариант не вызывает — ну, сломалась игрушка, новую купим. Часто эти живые игрушки именно для такого временного пользования и продают: например, рыбки в наглухо запаянных фигурных аквариумах продаются не в живых магазинах, а в сувенирных.

Сеульский зоопарк. Ах, этот Сеульский зоопарк! Он расположен на живописных холмах, снабжен и фуникулером, и красочными автобусами, и искусственными озерами. Человеку там — раздолье. А вот животным... Маленькие клетки, залитые бетоном полы, ни зелени, ни деревьев в клетках, ни убежища, где можно спрятаться от лавины орущих посетителей. Звери нервные, облезлые. Зимние вольеры, где в крошечных клетках почти без света, заросшие навозом проводят холодное время года носороги и бегемоты. Ладно, не будем о печальном. Это вам не зоопарк в Сиднее, одним словом.

Значит ли это, что корейцы жестоки? На мой взгляд, это означает только то, что они еще недостаточно богаты или, точнее, недостаточно привыкли к своему новообретенному богатству. А поскольку экономическое развитие идет в Корее семимильными шагами, то и перспективы содержания животных дома и в зоопарках здесь вполне обнадеживающие.

Как это будет

Особенно сияющее будущее ждет в Корее, мне кажется, собак, ибо это — предмет остро политический. Я уже писала, что традиционное поедание собачины в Корее вступает в резкое противоречие с западной культурой, для которой это — попрание всего святого, о чем западные гости страны часто открыто заявляют корейцам, бурля и пузырясь при этом от собственной праведности.

На дворе — эпоха глобализации, и с неистовыми зарубежными защитниками животных приходится считаться. Вот почему средства массовой информации в Корее делают сейчас все возможное, чтобы всячески откреститься от старой традиции. В стране издаются национальные атласы собаководства, авторы которых пишут об изображенных там собаках исключительно как о друзьях и украшениях традиционного корейского дома. В журналах для иностранцев, например, «Korea now», корейские журналисты с большим сочувствием пишут о развитии индустрии похорон домашних питомцев. Открытие международной выставки декоративных собак в Сеуле подается чуть ли не как главная новость дня и освещается всеми СМИ Кореи. Снимаются фильмы вроде «Квартиры номер 31—32», где дама с садистскими наклонностями готовит под соусом любимую собачку мужа, и тот, возмущенный ее жестокостью, тут же с ней разводится. Следующей жертвой психопатки будет ее соседка, которую она

тоже убьет. Таким образом, в сознании корейского зрителя выстраивается логическая цепочка: от убийства собаки до убийства человека — один шаг.

Несмотря на явную подражательность всей этой околособачьей шумихи, я несколько не сомневаюсь в том, что уже следующее поколение корейцев будет воспринимать ее как неотъемлемую часть национальной культуры. Если, конечно, темпы экономического роста Кореи не замедлятся. Книжки по психологии домашних собак и просторные зоопарки будут в Корее столь же обыденным явлением, как сейчас — нарядные резиновые перчатки, без которых даже самая заскорузлая провинциальная аджумма в нынешней Корее не станет мыть посуду. К хорошему человек быстро привыкает.

А то, что «хорошее отношение к лошадям» — это действительно хорошая вещь, а не баловство, которым молодежь с жиру бесится, как подчас говорят корейские старики, я убеждена. Пусть на Западе оно порой пропагандируется с эмоциональными излишествами, любовь и жалость к животным сами по себе — явления безусловно прогрессивные. Это — бесспорное свидетельство материального и морального благополучия общества.

Неудивительно, что нынешние корейские дети, которые живут в несравнимо лучших материальных условиях, чем их родители (и при этом, что очень важно, в обществе морально здоровом, ориентированном на доброту, взаимопомощь и гуманность), растут более добрыми существами, которых боль «меньших братьев» не оставляет равнодушными. Помню, как рыдал, не стесняясь даже меня, один мой корейский ученик: решив наказать его за двойки, его мама выбросила любимую собачку. «Где она сейчас? Ей же холодно, она есть хочет», — плакал здоровенный мальчишка, у которого уже начали пробиваться усики. Нет сомнений, что, в отличие от матери, для которой было все равно что выбросить — живое существо или машинку на батарейке, мальчик видел в собачке не игрушку, а живую душу.

Иностранная школа, куда ходила моя дочка, находилась в Сеульском детском парке, куда школьники ходили гулять на переменах. Сторож в парке на заднем дворе держал в тесных клетках животных — собаку и кроликов. Для какой цели, можно только догадываться. Корейские дети из Машиного класса начали со сторожем тихую войну — они открывали клетки и выпускали пленников на волю. Конечно, этот детский протест был наивным — сторож бегал потом и, громко ругаясь, загонял животных обратно, — но желание освободить живые души было продиктовано самыми добрыми и гуманными чувствами.

...Как бы хотелось, чтобы ни голод, ни война не помешали этим детям пронести свои гуманные чувства к созданиям малым через всю жизнь и приумножить ту сумму добра, которая уже существует на корейской земле.

Глава двадцать седьмая

Корейский авось

Бессмертная фраза Пушкина про «русский авось» и по сей день убеждает наших соотечественников в том, что авось — это исключительно русская национальная категория. «Русский авось» у нас принято проклинать, высмеивать, восхвалять — в любом случае, отталкиваясь в своих суждениях о нем от твердой посылки, что этот экзотический принцип существует только в России. Держу пари, однако, что тот, кто так считает, никогда не сталкивался с восточным близнецом русского авосья — авосем корейским. Хотя тот порой дает нашему отечественному аналогу сто очков вперед.

Корейский авось испытывал запасы моего терпения и человеколюбия в течение почти пяти лет. Мне, как человеку, по природе осторожному и осмотрительному, он изматывал нервы гораздо сильнее, чем любые проявления корейской самобытности, будь то горловое пение пхансори у меня под окнами или специфический запах соевой пасты твенчжан, доносящийся из соседней двери. Ну, взять хотя бы такой пример. В нашем общежитии в Сеуле самые дорогие комнаты, в одной из которых жили мы с дочкой, принято было убирать силами приходящих уборщиц. Мы уходили из дома в 8, возвращались после четырех. Возвращаясь, я неизменно находила дверь своей комнаты, открытой: в таком состоянии ее оставляла уборщица, закончив работу часов в 10 утра. То есть комната была ежедневно открыта в течение нескольких часов. Со всем, что в ней находилось, — с дорогой дубленкой и обувью, компьютером на столе, золотыми сережками в шкатулке... Все мои попытки объясниться с уборщицей ни к чему не приводили. «Вы опять забыли закрыть мою комнату». — «А что, у вас что-то украли?» — «Нет, но ведь могли!» — «Да, но ведь не украли!» Попытки пожаловаться начальству добавляли в этот ритуальный диалог лишь пару дополнительных фраз: «Она что, плохо убрала комнату?» — «Нет, она опять оставила дверь открытой!!!» — «А что, у вас что-то украли?» ... И далее до бесконечности.

Можно было биться о стенку головой, но доказать общежитскому начальству, что, оставляя комнату открытой, уборщица подвергала мое имущество риску, было невозможно. Авось, которым руководствовались эти люди, был тверд как скала и никакой логике не поддавался. Впрочем, убеждать в чем-то конкретных комендантов и уборщиц было в принципе бесполезно.

Риск как понятие, на мой взгляд, вообще отсутствует в корейской картине мира. От него в Корее не принято страховаться.

Подобный подход корейцев к жизни особенно поражает западных матерей.

Бессилие Кассандры

Моя русская приятельница, молодая мать и жена русского специалиста, находящегося в Корее в командировке, намеревалась воспользоваться услугами корейской няни: с целью немного освободиться, а заодно и окупить свою малышку в мир незнакомой корейской речи. Английскому она ее сама научит, а корейский будет еще одним языком, ребенок-полиглот, замечательно. Ее прожекты, однако, быстро расстроились — после того, как она немного понаблюдала за манерой кореянок обращаться с детьми. Вот некая молодая женщина вывезла коляску с младенцем на крутую тропинку на горе Намсан. Оперла коляску о большой камень и... села в трех шагах от нее. При

одном взгляде на эту сцену моей знакомой стало дурно. Перед ее внутренним взором завертелись страшные картины, достойные фильма «Броненосец Потемкин», — коляска, прыгающая по камням вниз, женщина, бегающая взад-вперед по обрыву в бессильной попытке остановить надвигающуюся катастрофу... По спокойному лицу женщины с коляской, однако, было ясно, что подобные видения ее совершенно не мучили. И не потому, что она была злобной или безответственной. Просто она была корейкой — то есть не видела столь явного для моей знакомой риска.

«Не может быть! — уверяла меня приятельница. — Просто это была не мать! Это наверняка какая-то приходящая няня!» — «Еще как может», — хмыкала я в ответ. Поведение женщины с коляской было, на мой взгляд, абсолютно типичным для Кореи. Последите за поведением корейских матерей в метро. Платформы в сеульском метро гораздо уже, чем в Москве, народу — столько же, если не больше. И тем не менее, в корейском метро то и дело видишь, как по краю платформы совершенно самостоятельно ковыляет малыш лет двух-трех, в то время как мать преспокойно вышагивает вдалеке, болтая с подругой или мужем. Ребенок явно не принадлежит к беспризорникам: хорошо одет и ухожен, мама ласково помахивает ему ручкой...

Мне лично потребовалось немало времени, прежде чем я научилась сдерживать порыв броситься и оттащить маленького от края платформы. Поначалу инстинктивно бросалась и спасала ребенка от опасности, которая мне казалась очевидной. Как и следовало ожидать, ответом была не благодарность окружающих, а легкое недоумение. Подтекст — все тот же: «Он что, упал с платформы?» — «Нет, но мог бы упасть». — «Да, но ведь не упал».

А чего стоила распространенная у детей из соседней школы забава: ожидая зеленого сигнала светофора на перекрестке и затевая от скуки потасовку, мальчишки-школьники выталкивали друг друга на дорогу, прямо под колеса машин. И никто из корейских взрослых рядом их не останавливал — все поглядывали на ребячьи шалости со снисходительной улыбкой. Дергалась только я: хватала маленьких безумцев за шкуру и в меру воспитательных способностей старалась образумить. Но всегда в подобных ситуациях ощущала себя вешей Кассандрой из греческой мифологии. Той самой пророчицей, которая тщетно пыталась предупредить легкомысленных окружающих об опасностях, ведомых только ей одной. Естественно, зарабатывая репутацию человека, который... — ну, как бы это выразиться? — слишком впечатлителен и тревожен. А если сказать проще: лечиться вам надо, девушка. От нервов. Отваром жужубы пополам с женьшенем.

В свое оправдание замечу, что лечиться надо не только мне, но и большинству западных иностранцев. Корея — страна не для перестраховщиков. Еще один случай из «детской серии». Другая моя русская знакомая, тоже молодая мать, преподававшая русский язык в военном городке под Сеулом, как-то морозным зимним утром увидела под своими окнами картину, которая заставила ее бросить собственного маленького сына дома и выбежать в одних тапочках на мороз. А увидела она следующее. В луже, покрытой утренним ледком, голой попкой сидел корейский малыш лет полутора, жизнерадостно пуская пузыри. Штанишки с него сползли, ноги насквозь промокли. Никого из взрослых рядом не наблюдалось. Моя знакомая схватила ребенка на руки и, судорожно растирая его подолом кофты, принялась бегать по окрестностям, отыскивая заблудших родственников малыша. Ближайший родственник, а точнее, мать обнаружилась в десятке метров от места происшествия. Она... играла в теннис с подругой на ближайшем корте. Появление мокрого сына на руках иностранки женщина встретила улычиво, но без излишней суеты.

Попытки моей знакомой объяснить матери, что ребенка надо немедленно посадить в горячую ванну и дать напиток теплого молока, оказались бесплодными. Жизнерадостно поулыбавшись и слегка попрактиковавшись в английском (O, thank you very much! No worries! и проч.), корейская мама продолжила тренировку.

Ребенок пополз дальше.

Жизнь без страховки

Что это: жестокосердие, равнодушие, хладнокровие? Не то, не другое и не третье. Это просто другое восприятие мира, в которое страхование от риска практически не входит. Анатомия корейских техногенных катастроф — характерное тому свидетельство. Зачастую причиной обвалов мостов и высотных зданий, крупномасштабных пожаров, взрывов газа и массовых аварий на дорогах в Корее (что, по некоторым данным, происходит в этой стране приблизительно раз в два года) является элементарное отсутствие предусмотрительности. Недостаток защиты от опасности, которую часто можно увидеть невооруженным глазом.

Вот газовые трубы, а вот тут же электропровода, провисшие над старым домом. Открытые всем ветрам, свободно болтающиеся, с лопнувшей в нескольких местах старой изоляцией. При одном взгляде на них от этого дома хочется бежать подальше.

Кажется — вот-вот, порыв ветра посильнее, и... Это, увы, не мое большое западное воображение. Подобная беспечность постоянно всплывает на поверхность, когда в Корее доискиваются до причин крупных катастроф. Например, основной причиной случившегося пару лет назад знаменитого пожара в летнем детском лагере (о нем писали даже зарубежные газеты) была все та же непредусмотрительность. Жилище, в котором находились дети, не было снабжено запасными выходами. Сделано оно было из огнеопасных материалов, вообще не предназначенных для человеческого жилья. Поражает и та легкость, с которой взрослые в лагере оставили подростков в здании одних. В общем, это был от начала и до конца тот самый «авось», который, по корейской пословице, «губит людей». Тысячу раз пронесило. А в тот раз — не пронесло.

Однажды мне довелось в Сеуле стать свидетелем одного происшествия. Во время осеннего праздника чхусок, кажется в 98-м году, мы с дочкой находились в парке отдыха Соул-лэнд. Один из аттракционов состоял из двух лодок, покрытых сверху металлической решеткой и соединенных одной осью, которые то поднимали сидящих в них людей, переворачивая их вниз головой на многометровой высоте, то опускали их вниз. Во время одного из подъемов аттракцион вдруг остановился. Сидящие в верхней лодке люди повисли вниз головой. Кто-то из наиболее гибких и подвижных (в основном дети) смог освободиться от сдерживающих ремней и усесться верхом на металлическую клетку. Однако большинство продолжало висеть. Сначала люди, подвешенные вниз головой, подавали какие-то признаки жизни. Затем неподвижно замерли. Над местом происшествия тут же закружили вертолеты с представителями прессы, снимая несчастных в разных ракурсах. Каждые десять минут мегафон разносил медовый голос администратора, уговаривающего несчастных подвешенных «не волноваться». Реальное же спасение в виде пожарной лестницы пришло... через час. Это — в детском парке, где с риском связан практически каждый аттракцион. О том, что аттракционы надо красить и обновлять, а бумажки от мороженого подбирать, администрация усвоила хорошо. Что же касается правил безопасности — об этом просто никто не подумал.

Как не подумал и тот, кто оснастил один из подходов на гору Намсан в центре Сеула высоченной лестницей из 130 покатых ступенек. Ступеньки есть — а перил нет. Сходит лестница прямо на оживленную магистраль, по которой со сверхзвуковой скоростью проносятся машины. Жутко даже представить, что будет с человеком, который на такой лестнице, не дай Бог, оступится. Шансов спастись у него просто не будет. Тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо.

Ту же беспечность корейцы часто проявляют, когда дело касается оборудования их собственных домов. Эта особенность корейской жизни не перестает меня поражать. Вот двери в новом доме: то, что по-русски называется «на соплях». Хлипкий замочек, который открывается ногтем, щели, в которые достаточно просунуть проволоку — и весь дом в твоём распоряжении. Если вы полагаете, что новые хозяева, въехав сюда, как-то усовершенствуют защиту своего жилища, то ошибаетесь. Так и будут жить.

Так и будут хранить деньги и семейные ценности в этой хижине дяди Тома.

И никакие чужие примеры не учат корейцев осторожности.

Я не раз убеждалась в этом, когда доводилось смотреть или читать криминальную хронику вместе с корейскими друзьями.

Читают, ужасаются — и совершенно не делают выводов.

...Мы с подругой обсуждаем виденный накануне по телевидению сюжет криминальной хроники: к одинокой девушке залезли ночью в дом, ограбили и изнасиловали. Преступник, житель соседнего дома, смог пробраться в дом потому, что девушка по случаю жары... не заперла дверь квартиры. «Какой ужас!» — негодует моя подруга-студентка. Точно так же, как и жертва упомянутого преступления, она живет одна. И... точно так же держит дверь открытой. И будет держать ее открытой и дальше.

Жарко же.

...Моя знакомая — молодая домохозяйка — эмоционально рассказывает о том, что в Сеуле в последнее время участились квартирные кражи. Думаете, что это подвигнет ее на ремонт окошка в ванной, которое хронически не закрывается? Ничего подобного. А окошко выходит на пустынный задний двор. Никакой отмычки не надо — подставь табуретку, и милости просим.

...Студентка университета с горечью жалуется, что накануне у нее в столовой украли кошелек. Оказалось, что кошелек с солидной суммой денег она оставила на столе в дальнем углу столовой, чтобы таким образом занять место в то время, пока будет стоять в очереди.

Вообще сценарии бытовых преступлений в Корее совершенно нетипичны для западных стран или России. Например, как-то была поймана серийная воровка. Ею оказалась девушка, которая обчищала квартиры и студенческие пансионаты по одной простенькой схеме. Зайдя в дом студентки в ее отсутствие, она представлялась ее подругой. Затем просила родственников или квартирную хозяйку дать ей войти в комнату студентки и забрать нужную книгу или конспект. Хозяева впускали незнакомого человека в комнату, а сами... уходили. Согласитесь, ситуация, для России совершенно немыслимая.

Авось, или Крестьянский фатализм

Искушенный в схватках с жизнью житель Нью-Йорка или Москвы наверняка задастся вопросом: как при такой беспечности жители корейской столицы умудряются выживать вообще?

Ответ прост — по сравнению с этими городами уровень преступности в Сеуле ниже в десятки раз. Сам народ меньше склонен к безобразиям, а контроль со стороны общественности куда бдительнее. И слава Богу. Но все же полностью игнорировать преступность, так же, как и остальные опасности, нельзя и в Корее.

Точно так же, как и в любом другом уголке мира, здесь нельзя надеяться на авось или, как говорят американцы, «нельзя давать сосунку шанса». Но — увы. Авось во многих сферах жизни сегодня правит бал в Корее, являясь весомой частью национального менталитета. Почему?

Причины, в общем-то, те же, что и в России. Авось как своеобразное проявление фатализма является закономерным явлением у народов, кормящихся сельскохозяйственным трудом в климатических зонах рискованного земледелия. Долгие века приучают людей к тому, что от личных усилий человека мало что зависит. Можешь хоть вывернуться наизнанку, обрабатывая свое поле, — все равно огромен риск того, что урожай погибнет от засухи или дождей. Так не лучше ли расслабиться и понадеяться. На что? На Бога, на судьбу, на души предков. В быту это означает — на авось.

Известно, что в России эта часть менталитета достаточно живуча. Опирается она на общую разгульность русского характера, неумение и нежелание контролировать свою жизнь. Но мне кажется порой, что в дисциплинированной Корее позиции авось в чем-то сильнее — даже судя по вышеприведенным примерам. В беспечности, с которой корейцы водят машины и мотоциклы, отпускают совсем маленьких детей гулять по улицам, игнорируют защиту жилищ — вообще, в корейской доверчивости к окружающему миру есть, мне кажется, что-то сугубо деревенское. Это и немудрено: ведь большая часть нынешних жителей

Сеула — это бывшие жители деревень. То есть это люди, выросшие в обстановке, где знаком каждый человек и каждый камень.

Они не привыкли опасаться окружающей жизни.

С одной стороны, эта черта корейцев очень привлекательна.

Есть в ней что-то по-детски обаятельное. Ведь, согласитесь, приятно общаться с людьми спокойными, ненапряженными, не ждущими каждую минуту удара в спину. А с другой стороны, после зрелища, которое я наблюдала в Соул-лэнде три года назад, кататься на аттракционах в корейских парках мне почему-то до сих пор не хочется.

Глава двадцать восьмая

Почему корейские девушки не умеют готовить

Многие россиянки, общаясь с незамужними кореянками, в особенности со студентками, с удивлением замечают, что эти «восточные женщины», с виду воплощение традиционных добродетелей, в массе своей не обладают добродетелью, которая в России для женщины считается чуть ли не основной, — они не умеют готовить. Совершенно. И никаких комплексов по этому поводу не испытывают. Напротив, порой даже с неким кокетством заявляют, что максимум, чему они научились за свою 20—30-летнюю жизнь, — это заваривать кипятком рамен, быстрорастворимую лапшу. А если студентка живет отдельно от родителей, то она в придачу и с удовольствием пожалуется вам на то, что от стрессов, нерегулярного питания и отсутствия материнской заботы у нее постоянные проблемы со здоровьем: то, как говорится, лапы ломит, то хвост отваливается. Обычно молодые кореянки объясняют свое неумение организовать быт тем, что им «некогда», они «учатся», «работают» и т. д.

Наших женщин такие объяснения шокируют: «А мы что, не учимся и не работаем?» Неумение молодых кореянок обращаться с кастрюлями и поварешками многие россиянки склонны категорично осуждать и объяснять ленью, плохим семейным воспитанием, издержками эмансипации и прочими грехами. На одном интернет-форуме мне как-то довелось прочесть следующее мнение: дескать, корейские мамы слишком жалеют и балуют своих дочерей, поэтому ничему их не учат.

Однако критики не подозревают о том, что материнская жалость тут совершенно ни при чем. Удивляющая нас не хозяйственность, неприспособленность незамужних кореянок — результат не чьих-то просчетов и уж тем более не проклятой мужчинами «эмансипированности» современных женщин. Корни этого явления лежат в глубине многовековой истории дальневосточной цивилизации.

«Милый вор»

Для россиянки это покажется по меньшей мере странным, но умение готовить... не входит в традиционный комплекс необходимых добродетелей девушки в Корее. В странах Дальнего Востока было не принято учить девочку секретам домашних дел или ремесел. Это считалось не только ненужным, но и даже вредным.

Для корейца (китайца, вьетнамца), замкнутого в рамках своей семьи и внутренне противопоставляющего ее всему окружающему миру, дочь с рождения была чужой, заранее принадлежавшей не родному дому, а дому будущего мужа. «Милый вор» — так называли в Корее в родной семье дочь, вышедшую замуж. Тут подразумевалось многое — и добрачное содержание дочери, и свадебные расходы, и подарки родне, и те вещи, которые замужняя дочь, приходя в родительский дом погостить, выпрашивала у них. С традиционной точки зрения все эти траты для семьи были напрасными — деньги были все равно что украдены. Как гласят корейские пословицы: «В доме с тремя дочерьми на ночь двери не закрывают», «В дом, где пять дочек выдали замуж, вор не заходит» — то есть дочери представляют из себя черные дыры в семейном бюджете, истощая родную семью расходами на себя настолько, что и воровать в их родных домах нечего. Сын-то потом окупался — он заботился о старых родителях,

справлял поминки по ним после смерти. А дочь была бесполезной приживалкой, и ей это постоянно давали чувствовать (не родители, так родственники или соседи), внушая невротическую смесь стыда и вины за свой пол. От этого комплекса многие корейские женщины не могут избавиться и сегодня.

По причине «бесполезности» дочерям старались и не прививать никаких особых навыков. Ведь научить их домашним кулинарным или хозяйственным секретам означало добровольно раскрыть эти секреты чужим семьям. Зачем? Умение по-особому приготовить тток {25 Тток — отбивной рисовый хлебец} или сшить ханбок {26 Ханбок — корейский национальный костюм} за одну ночь, да при этом скроить ткань без лишних обрезков, могло не только вполне реально улучшить благосостояние семьи, но и — в определенные моменты — спасти ее. Что, например, могла сделать бедная вдова-крестьянка, оставшись с детьми без кормильца? Она занималась чаще всего пхумаси {27 Пхумаси в кругу корееведов принято считать благородной формой взаимопомощи соседей: сначала, дескать, я тебе грядку вспашу, а потом ты мне дом построишь. Возможно, иногда это так и было. Например, многие работы на заливных полях были действительно невозможны без концентрированного привлечения соседской силы, и люди действительно создавали бригады взаимопомощи. Но это слово служило в Корее и для обозначения банального батрачества бедняков в богатых домах}, то есть за плату работала, шила да готовила по богатым домам. Научить своим домашним секретам всю округу вовсе не входило в ее планы.

Конечно, в бедных домах девочка с малолетства помогала матери по хозяйству, особенно если была старшей — опять по пословице: «Старшей дочери в семье хуже всех живется». Но она, как правило, не пользовалась при этом какими-то специальными навыками, а лишь послушно и дисциплинированно выполняла простейшие задания: «принеси — подай — убери». Считалось, что по-настоящему научить секретам домашнего ремесла женщину должна свекровь или любая другая старшая женщина из рода мужа. В этот дом невестка, по идее, должна была приходить как чистый лист бумаги. Учитывая, что невестке порой бывало лет 10—12 (а то и того меньше — если, например, ее брали в качестве минмёныри, то есть невестки, которая должна была вырасти в доме мужа), странным такой обычай не покажется.

Добродетели Чхунхян

Так что ж, значит, в родном доме корейскую девочку ничему не учили? Учили, разумеется. Но закладывали в нее чаще всего не конкретные хозяйственные знания, а лишь необходимые для конфуцианского общества моральные основы. Верная Чхунхян — идеал традиционной женщины в Корее — проводила свои дни не в приготовлении кимчи по маминим рецептам (для этого у нее была служанка Хяндан), а в чтении конфуцианских трактатов о том, как должна вести себя добродетельная супруга. Женская добродетель в корейском варианте представляла из себя покорность и умение запрягать свои эмоции подальше и не высовываться. Робкая, слабая, бессловесная, терпеливая, покорно выполняющая любое приказание — такова была идеальная корейская невеста и невестка. Российский или немецкий крестьянский идеал — девушку физически крепкую, здоровую, веселую и румяную, мастерицу и сплясать на празднике, и будничную рубаху расцветить вышивкой, и пирог испечь такой, что пальчики оближешь, — в Корее бы отменили с порога как крайне нежелательную кандидатуру. Марья-искусница или Василиса Премудрая — это явно некорейские героини. Корейцы сказали бы, что в такой женщине — избыток мужского начала ян, и она своей активностью просто опасна для мужниной семьи, ибо может разрушить ее

духовную гармонию {28 Подобные рассуждения о соотношении инь и ян в современной Корее можно нередко встретить и на страницах вполне научных журналов. В особенности этим славится консервативное «Здоровье»}. Впрочем, эта точка зрения была характерна для народов всех стран Дальнего Востока. Жутковатые обычаи китайцев бинтовать ноги девочкам или затягивать до предела грудь так, что молочные железы, бывало, полностью деформировались, идут именно от конфуцианского стремления «загасить» в женщине все проявления жизни, чтобы ни вздохнуть во всю грудь, ни быстро пробежаться она не смогла.

До сих пор многие корейские матери относятся с подозрением и тревогой к любым проявлениям активности даже самых маленьких дочерей — излишне шумной возне с другими детьми, любознательности, хорошему аппетиту, громкому смеху. Одна знакомая кореянка (девушка болезненная, очень худенькая, с постоянными расстройствами пищеварения) рассказывала мне, что в детстве была шумным, крепким и подвижным ребенком и это очень тревожило ее мать, видевшую в живости дочери избыток пресловутого ян. Мать всячески старалась обуздать ее активность, то и дело приказывала «сидеть тихо и ничего не делать» и при любом удобном случае ограничивала ее в еде, не давала мяса, яиц и прочих «возбуждающих жизненную энергию» продуктов. В результате добила своего — от детской резвости в этой 20-летней девушке не осталось и следа.

С европейской точки зрения это звучит возмутительно, но, вероятно, какая-то сермяжная правда в традиционном воспитании была. Быть яркой, сильной личностью рискованно даже в современной армии. А порядки, с которыми корейская невестка сталкивалась в доме свекрови, были куда жестче армейских. И гораздо разумнее в этих условиях ей было оставаться тихой, молчаливой и покорной — чтобы часом не взорваться и не взорвать новых маму с папой, а заодно и мужа, к чертовой бабушке.

Умение готовить, как и любое умение, в таких условиях было вовсе не нужно. Для свекрови было гораздо предпочтительнее иметь под своим началом не самостоятельного приспособленного человека, а послушного ребенка, который без указания старших не может ступить шагу и, соответственно, бунтовать не будет. Как известно, в армии «шибко умным», как и шибко самостоятельным, приходится несладко.

Родная мать поэтому воспитывала в девочке необходимую покорность, пассивность и приниженность. Сиди тихо и ничего руками не трогай — вот, собственно, и все традиционное воспитание. Не было в нем ни материнской избалованности, ни изнеженности. Скорее — глубокое внутреннее отчуждение.

Хотя упрощать ситуацию, конечно, нельзя. Строгим конфуцианским канонам не всегда удавалось истребить человеческие эмоции, особенно такие естественные, как любовь к своей дочери. Об этой нелогичности женского, материнского поведения говорит пословица: «Внука от дочери на спине несет, а родной внук рядом бежит». По-настоящему родным до сих пор считается только внук от сына, который будет заботиться о стариках, внук от дочери — чужой, принадлежащий дому сватов. И тем не менее «беспольного» ребенка дочери нелогичная женщина может любить больше. Когда я изучала минё — корейские народные песни, то столкнулась с песней матери, наполненной пронзительной грустью. В ней поется о том, что женщине велят любить больше всех мужа и его родителей. Но они суровые, чужие и неласковые люди, и больше всего она любит своих детей — сына и «дочкуцветок». Мать с тоской поет о том, что недолго осталось ей быть с любимыми детьми — сына отдадут в ученье на чужую сторону, а дочка-цветок выйдет замуж и уйдет из родного дома навсегда.

Когда феминистки необходимы

Традиционное воспитание девочки в Корее отразилось многими своими гранями в сегодняшнем дне. Неумение наладить свой быт и поразительный инфантилизм девушек, который сохраняется вплоть до замужества — а замуж сегодня их выдают лет в 2729. Постоянная демонстрация своей слабости — известная манера кореянок волочить при ходьбе ноги и постоянно охать задуманы как раз с этой целью. Покорность, с которой они, бывает, мирятся с грубостью и даже насилием со стороны своих бойфрендов (парню ничего не стоит на людях стукнуть свою подругу-студентку по лбу или врезать ей кулаком промеж лопаток — это вызывает лишь ужимчивый хохоток с ее стороны). Все это западных иностранцев удивляет. Странной многим из нас кажется и та обстановка секретности, которой корейская хозяйка до сих пор окружает свои методы ведения домашнего хозяйства, в особенности кулинарные рецепты. В отличие от простодушных российских домохозяек, которые в гостях наперебой делятся друг с другом секретами своих «оливье» и «наполеонов», кореянка о своих домашних рецептах предпочитает помалкивать. Это — ее семейная святыня, ее Самый Большой Секрет.

Однако жизнь не стоит на месте, и многое в современной Корее меняется. В корейских университетах, в общественной жизни страны все заметнее проявляет себя феминистское движение.

Над феминизмом любят посмеяться российские юмористы, писатели и журналисты всех мастей, причем укусить феминисток побольнее обычно стараются наши женщины («баба бабе худший враг», как известно). У феминистского движения действительно есть смешные и нелепые стороны, особенно в развитых странах, таких, как Америка или Австралия. Равенство полов там давно реально существует (и в этом громадная заслуга первоначального движения за освобождение женщин), и борьба, которую по инерции продолжают вести феминистки, сводится обычно либо к мелочным придиркам вроде протестов против подачи женщине пальто, либо к надуманным требованиям — например, разрешить женщинам служить в морской пехоте. Однако корейский случай значительно отличается от западного. В Корее, с ее давними традициями подавления личности женщины, для работы феминисток есть еще гектары непаханой целины. Обработкой ее они и занимаются сейчас — стараются оградить студенток от вполне реальных, а не мифических, как в Америке, сексуальных домогательств преподавателей, на службе — от приятельского лапанья коллег, пытаются предотвратить случаи сексизма (предубеждения по признаку пола) при приеме женщин на работу, защищают интересы женщин в судах, где слушаются дела об изнасилованиях или разводах, и так далее. Цель деятельности корейских организаций по защите прав женщин — освободить корейскую женщину от зависимого, приниженного состояния, узаконенного традицией, научить ее достойно и аргументированно (а не визгами и истериками) отстаивать свои интересы — представляется весьма реальной и достойной. Конечно, в деятельности корейских воительниц за права женщин тоже случаются пережесты. Однако в целом корейские феминистки на меня лично производят впечатление очень нормальных, адекватных людей. Кстати, выглядят они, в отличие от своих нервных и растрепанных западных сестер по убеждениям, весьма ухоженно и привлекательно.

«С надеждой к моим дочерям»

Другой приметой общественных перемен в Корее становятся более близкие и сердечные отношения матерей и дочерей. Страна богатеет, и вместо первобытной целесообразности все большую роль в человеческих отношениях начинают играть личные эмоции. Да и замужество уже не означает полный отрыв женщины от родителей, как в старые времена. Корейские матери начинают по-новому относиться к девочкам. Например, в 1996 году в издательстве «Сокпхиль» вышла замечательная автобиографическая книга на эту тему: «С надеждой к моим дочерям». Написала ее довольно известная в Корее деятельница женского движения, тележурналистка и писательница О Сук Хи. Разведясь с мужем, она осталась с двумя дочерьми. Последний факт уже сам по себе считается в Корее постыдным для матери — ведь она не смогла родить сына. К тому же вторая дочка оказалась с рождения немой, а любой физический дефект издавна считался в корейском обществе позорным. О разводе и говорить нечего — стыд, срам, унижение. В общем, свидетельств ее женской несостоятельности, в понимании толпы, было больше чем достаточно. Но О Сук Хи, женщина веселая, сильная и здравомыслящая, и не думала сгибаться под гнетом несуществующей вины, которую попыталось возложить на нее общество. Своих дочерей она восприняла не как наказание, а как благословение судьбы. Она дала им гордые, красивые имена — а это в Корее имеет особый смысл. Сыну, внуку корейцы выбирают имя долго и любовно, консультируются с прорицателями и знатоками иероглифики, роются в словарях, чтобы родить какого-нибудь «Каменного тигра», «Отважного мудреца» и проч. Имя для корейского мальчишки — это повод для хвастовства перед приятелями. А девочки что? Так, недоразумение, отходы производства. В старину им имен вообще не давали или называли по порядковому номеру в семье: «первая», «вторая». Да и сейчас большинство родителей над именем дочери голову особо не ломают, и носят многие женщины поэтому невзрачные, серенькие имена. Дочерей же О Сук Хи зовут Хи Рок и Хи Рён. Иероглиф «хи» означает «надежда» (вот почему книга названа «С надеждой к моим дочерям»), «рок» — «зеленый» (здесь в смысле цветущая, сильная, здоровая). «Мама, а что означает мое имя?» — «Оно означает, что ты моя надежда, что ты будешь крепкой и сильной, как зеленая сосенка, будешь приносить людям радость». Младшая дочка не может задать матери такого вопроса, но ее имя звучит еще более гордо. Она родилась второй девочкой в семье, но не стала по этой причине объектом досады и раздражения («Опять девчонка!»). Иероглиф «рён» означает «президент» (влиятельное лицо, важный пост). «С надеждой на то, что ты будешь президентом? Не обязательно президентом, но я надеюсь, что ты будешь высоко летать, что многого добьешься».

С красивых имен должна начинаться и достойная жизнь

В своей искренней, эмоциональной книге О Сук Хи пишет о том, как растит своих детей уверенными в своих силах, как учит дочек радоваться жизни, прививает им чувство собственного достоинства, приветствует проявления самостоятельности и независимости. Делать это бывает нелегко, ибо приходится не только идти наперекор общественным предрассудкам, но и многое менять в своих представлениях.

Младшая дочка не любит надевать обувь (в Корее ее даже для маленьких девочек делают на каблуках и обязательно надевают на носочек), постоянно стремится ходить босиком. В Корее это нарушение всех правил приличия. Взрослые, глядя на босоногую трехлетнюю (!) Хи Рён, осуждающе цокают языками. Первая реакция матери — испуг: уж не извращение ли у дочери какое-то?

Что делать? Схватить ребенка и насильно натянуть обувь? Отругать, чтобы никогда больше? Но, наблюдая, с каким восторгом девочка, освободившись от стягивающих ножки туфелек с носками, носится по морскому побережью, О Сук Хи понимает, что извращением это быть не может. Это стремление к свободе, к здоровью, это радость жизни {29 Читая эту главу, я от души повеселилась. Не были эти ревнители приличий в Австралии, а то бы все ее население в извращенцы записали. Там босиком ходят не только маленькие дети, но, бывает, даже преподаватели на лекции в университет идут без обуви — ногам и приятно, и полезно}.

Новое сомнение. В Корее у взрослых принято похлопывать пощипывать девочек за ягодицы — в знак приязни, симпатии к маленькому, теплому, родному тельцу. Лаская дочку, то же самое делает и О Сук Хи. А дочь почему-то противится: «Мама, мне неприятно, не нравится». Что это, каприз, за который ребенка следует отругать, как это обычно делают в таких случаях? Но О Сук Хи вспоминает себя в детстве.

Действительно, ласка эта детям неприятна. Но «девочка должна быть послушной», и в угоду взрослым она подавляет внутренний протест, утрачивая драгоценное ощущение власти над своим телом, над своей жизнью.

А потом, став взрослой, не может противостоять насильнику, не может закричать, позвать на помощь... Нет, к детскому протесту против нетактичных прикосновений надо прислушиваться.

Все женщины семьи собрались у телевизора. На экране — мелодрама. Вот уже десять минут, как плачет брошенная возлюбленным героиня. У зрительниц тоже глаза на мокром месте. Трагедия брошенной мужем или любимым женщины — настолько старый и распространенный сюжет корейского искусства и литературы, что никто уже не задумывается — а в чем, собственно, трагедия? «Почему она плачет?» — «Ну, ее же любимый бросил, она тоскует» ... — «А зачем тосковать по человеку, который тебя бросил? Ты ему не нужна, а он зачем тогда тебе нужен?» Девочки смеются, глаза у них высыхают. «Если меня мужчина бросит, я его через полминуты забуду», — с детским максимализмом тут же заявляет старшая, отворачиваясь от слезливой героини на экране.

Из подобных, казалось бы, мелочей формируется ощущение внутренней силы и свободы, рождается новое мышление нового поколения корейских женщин. Пока матерей, подобных О Сук Хи, в Корее мало. Но сам факт их появления свидетельствует о том, что старой корейской системе воспитания девочек как безответных страстотерпиц приходит конец.

Конечно, перемены в положении женщины в Корее не столь стремительны, как, может быть, хотелось кому-то. Сохраняющийся институт свекровей, например, остается в силе и способен попортить немало крови молодым женам. Но индивидуализация общественного сознания и общее улучшение качества жизни и здесь делают свое дело. Женщина от 55 и старше сегодня в Корее полна сил и энергии и, что немаловажно, материальных возможностей. Общество может предложить сегодня ей удовольствия куда более разнообразные, чем национальный корейский спорт — «третирование невестки». И многие из свекровей новыми возможностями пользуются — ко всеобщему удовлетворению.

«Весик», или Мечта Клары Цеткин (а может. Розы Люксембург)

Итак, жизнь меняется. Маленький пример с той же обувью.

Когда в 1995 году я приехала в Корею и начала там ходить в сандалиях на босу ногу, то на меня так зацокали языками, что я испугалась и тут же надела положенные местным этикетом туфли. Но уже через пару лет прогулка по сеульским улицам в шлепанцах и босоножках без носков стала совершенно обыденным делом. Глядишь, скоро и босиком пройтись будет можно – освобождаются женщины. И наверняка следующие поколения девушек в Корее будут более самостоятельными и приспособленными к жизни, перестанут приволакивать ноги с целью разжалобить всех вокруг, перестанут жеманно жаловаться на выдуманные хвори и стрессы. Но как же с готовкой? Освободившись от пут традиционной морали — научатся ли, наконец, корейские девушки готовить?

Делать прогнозы, как известно, неблагодарное занятие, но я все-таки рискну. По моим ощущениям — нет. К счастью или увы — как вам больше нравится. И вот в этой перспективе повинна действительно эмансипация. Развитие корейского общества постепенно приводит его к тому состоянию, о котором мечтали коммунары на заре Советской власти. А мечтали они, как известно, о некоем идеальном обществе, в котором граждане будут ходить обедать в общественные столовые, детей сдавать в детсады и ясли, а сами предаваться всевозможным коммунистическим наслаждениям.

По мере взросления Советского государства эти прожекты были объявлены бредовыми и противоречащими самой сути человеческой природы, тяготеющей к личному борщу (больше всех возмущались по этому поводу писатели-деревенщики, иначе как с поварешкой у плиты женщину не представляющие). Однако антикоммунистическая Южная Корея всем своим современным бытием доказывает, что ничего бредового в этих идеях нет. Разумно организованная система общественного питания (правда, в условиях частной собственности) действительно способна вытеснить хозяйку с ее вековой позиции у плиты, не снижая при этом качества еды и не вызывая никакого падения общественной морали. Вкусные, разнообразные и дешевые ресторанички настолько вошли в быт нынешних корейцев, что представить себе жизнь без них уже, похоже, невозможно. Никому в Корее не приходит в голову таскать с собой на работу домашние обеды, как это делает до сих пор большинство не только россиян, но и австралийцев. Зачем? Если можно вкусно, дешево и в веселой компании пообедать в соседнем ресторане. Зачем мучиться, лично заготавливая на зиму кимчи, если супермаркет поставит ее по приемлемой цене и в таком разнообразии видов, обеспечить которые одна домашняя хозяйка неспособна? Зачем вставать на рассвете и готовить мужу на рыбалку кимпап {30 Кимпап — дальневосточный вариант походной еды, вроде западных бутербродов. В Корею пришел из Японии в конце XIX века (хотя корейские националисты считают, что наоборот). В ким (сушеный и соленый лист водоросли порфиры) заворачивается рис, а внутри риса содержатся разные начинки (мясные, рыбные, овощные). Получаются симпатичные и вкусные колесики}, если можно купить его по пути в недорогой харчевне? Деньги — те же, а хлопот... Вот и получается, что от домашнего хозяйства и круговерти у плиты понемногу освобождаются в Корее не только юные девушки, но и вполне солидные матроны.

Такой новый корейский порядок если и вызывает у кого недовольство, так все у тех же писателей-деревенщиков, только местных. Впрочем, что тут удивляться: порядок-то новый, а значит, по определению плохой. Традиционалисты ведь на то и традиционалисты, чтобы непрерывно тосковать по прошлому, работа у них такая: то по деревенским колодцам их ностальгия мучает, то по традиционным домам с окнами не застекленными, а затянутыми бумагой (где, поясню, темно, тесно, низкие потолки, а из щелей свистит ветер), то по рукотворной соевой пасте {31 Соевую пасту в современной Корее почти нигде не готовят дома — дело это долгое и весьма

трудоемкое}. Да если б это одно! Мне довелось как-то прочесть статью с сетованиями на тему, что современные девушки в Корее не носят при себе, как раньше, кинжалов «тангом». В старые добрые времена это была необходимая часть их аксессуаров. В случае, когда женщина бывала опозорена мужчиной, она должна была вонзить этот кинжал... Не туда, куда вы подумали, а в грудь, причем себе. Чтобы негодяй навек потерял покой от терзаний совести. А нынче — какое падение нравов! — бесстыжие корейки бегут заявлять в полицию.

Любопытно, кстати говоря, что ни одной «деревенщицы», по моим наблюдениям, ни в Корее, ни в России нет, хотя писательниц больше чем достаточно. Традиционный уклад почему-то никак не вдохновляет женщин. Воду-то из воспетого поэтом колодца на голове таскать приходится им...

К счастью, традиционалисты в нынешней Корее все меньше влияют на общественное мнение. Подавляющее большинство корейцев — люди практичные и здравомыслящие, а поэтому к весику, как и к другим новым веяниям, облегчающим труд женщин, относятся весьма положительно. Обеды и ужины вне дома, в ресторане понемногу превращаются в часть современной корейской культуры. Причем не только студенческо-молодежной, но и вполне солидной, семейной. Это принято, это нормально — поужинать вечером с женой не дома, а в соседнем ресторане, собраться с друзьями в пивной, поехать с семьей в воскресенье в соседнюю провинцию, чтобы полакомиться там в одном из ресторанов по-особому приготовленной местной рыбой. Даже большие семьи, состоящие из нескольких поколений, в нынешнее время предпочитают не набиваться на семейное торжество в чью-то квартиру, а чинно заказать столики в ресторане, красиво одеться, на людей посмотреть и себя показать. Любят подобные выходы в свет и деревенские старушки, приезжающие погостить к сыновьям в Сеул. Как почетных гостей, их ведут в самые дорогие рестораны национальной кухни. С любопытством озираются бабушки вокруг, с удовольствием пробуют деликатесные блюда... И никакому деревенщику не убедить деревенскую бабушку, что весик — это плохо, что нищета, забитость и каторжный труд, в которых прошла ее молодость, имеют хоть какие-то преимущества перед нынешним изобилием и удобствами жизни.

Что же касается молодежи, то для нее весик привычен, как автобус. Молодые смотрят на вещи совсем просто. Зачем возиться со сковородками, считают они, если можно выйти на улицу и поесть все, что хочешь? А если лень идти, закажи на дом по телефону. В таком потребительском раю, как Сеул, в глазах молодежи умение женщины готовить постепенно теряет актуальность и становится неким необязательным хобби, вроде умения вышивать крестиком. Умеешь вышить подушечку — хорошо. Не умеешь — не беда. Не уметь готовить не стыдно. Куда более стыдно не владеть компьютером или английским языком. Вот уж это — позор так позор. И чему ее только родители учили?

Изящно перепархивая из конфуцианского феодализма в буржуазный коммунизм, корейские девушки готовить, похоже, так и не научатся. Но стоит ли так уж возмущаться по этому поводу? Вот не умеем мы с вами, уважаемые современные русские хозяйки, ткать. И прясть не можем, хотя это смотрится, не спорю, очень женственно, поэтично и даже музыкально («В ни-иизенькой светё-ё-ёлке», помните?). И жать снопов нам как-то редко приходится. Но ведь не сгораем мы с вами от стыда по этой причине. Ну, не умеют корейские девушки готовить. Но, может быть, им это просто не надо? Они и без поварешек неплохо смотрятся.

Глава двадцать девятая

Корейцы за рубежом

Мой первый журналистский опыт состоялся в эпоху перестройки, в период, когда пресса со всех концов разоблачала только что почивший в бозе СССР. Мне тоже предложили его разоблачить — по специальности. Надо было написать о том, как в свое время Советская власть депортировала корейцев с Сахалина в Среднюю Азию, как позакрывала корейские школы и театры, лишила корейцев их родного языка и исконной национальной культуры.

Редактор посоветовал мне писать резко, не стесняясь в выражениях, — ведь небольшая газета эта была создана как орган печати репрессированных народов, жертв сталинской ассимиляционной политики. Моя статья была призвана доказать, что лозунг о национальном самоопределении в СССР существовал только на бумаге, а на деле подменялся ассимиляцией и насильственной русификацией.

В принципе, задача была понятной и где-то даже благородной. В самом деле, советским корейцам было что припомнить нашей родной власти. Обвинение всего народа, включая грудных младенцев, в шпионаже в пользу Японии, переселение в 24 часа с насиженного места в телячьих вагонах — чувствуется тут рука товарища Сталина, великого гуманиста всех времен и народов...

Много трагического и страшного рассказывают об этом очевидцы. О гибели стариков и детей, о том, как охрана выбрасывала трупы прямо из вагонов, а для корейцев нет греха страшнее, чем оставить прах родственника брошенным, не захороненным по сложному национальному обряду. О том, как высаживали людей на голом месте, в пустыне, и они, как стада, сбивались в круг — в середине дети, потом матери, а по краям мужчины, принимавшие на себя весь пронизывающий холод ночной пустыни.

О том, как наутро они начинали копать землянки в промерзшей на многие метры земле. Страшное было время, что и говорить.

И все же жажда крови и политических выводов, которой томился редактор маленькой газеты, настораживала. Мне хотелось рассказать обо всем по-другому — как-то по-человечески, что ли...

Ведь корейцы, подавшиеся на русский Дальний Восток в поисках лучшей доли, оказались игрушкой не только в руках великого советского инквизитора — они стали заложниками истории.

Да, советский диктатор страдал шпиономанией. Да, при рубке леса он не жалел щепок. Но в период подготовки к войне с Японией, в период, когда Корея была не самостоятельной страной, а японским генерал-губернаторством, — чем еще, как не подрывной силой в тылу, могли ощущаться эти многочисленные дальневосточные колонии корейцев — скученно живущих, плохо говорящих по-русски, варящихся в своей среде эмигрантов? Разбирались с этими потенциальными шпионами, конечно, по законам, далеким от цивилизованных (хотя вряд ли цивилизованнее выглядит, например, принятое примерно в то же самое время решение Рузвельта об отправке в лагерь всех американцев японского происхождения). Но ведь и с коренным населением России власти в те годы обращались не гуманнее. Таким же заложником истории стал мой прадед, белогвардейский офицер, разлученный с семьей, вынужденный окончить свою жизнь в эмигрантских скитаниях. Ему не повезло — в гражданской войне

победила не его сторона, и он автоматически превратился во врага новой власти. Так же не повезло и нашим корейцам — перебежали они не на самую ласковую землю и не в самые удачные годы.

Понятно, что такая трактовка событий не устроила моего редактора. От меня требовались тона куда более пафосные — острое политическое разоблачение, гневный плач по утраченной культуре, резкий протест по поводу разрушения системы национального корейского образования в СССР... Но что-то в моей душе противилось такой установке. В простенькую разоблачительную схему (закрытие национальных газет и школ = подавление национального самосознания, насильственная ассимиляция = трагедия народа) не укладывалось слишком многое. Да, сталинские соколы переселили корейцев в отвратительные материальные условия, заставили начать жизнь практически с нуля. Но это случилось в 1937 году, когда в лагерях и ссылках страдали люди самых разных национальностей. А потом жизнь продолжалась.

И не все в той жизни виделось мне безоговорочно плохим в отношении советских корейцев.

Начать хотя бы с образования. Большинство корейских эмигрантов в момент перехода к нам были беднейшими крестьянами — они и бежали-то в Россию от безземелья и беспросветной нищеты. Естественно, эти люди были неграмотными. Их дети смогли не просто выучиться читать — в советское время по уровню высшего образования корейцы были то ли на первом, то ли на втором месте среди народов СССР. Что же касается сугубо национального образования корейцев, то тут мне вспоминался один немаловажный факт. В 1980-е годы на корейском отделении востфака Дальневосточного государственного университета, где я училась, практически не было советских корейцев — они, приходя на факультет, выбирали исключительно японский или китайский язык, хотя идти на корейский их всячески уговаривали при поступлении.

По уровню доходов на общем советском фоне корейцы тоже всегда смотрелись весьма неплохо. Я жила в 80-х годах на Дальнем Востоке и хорошо помню, что у многих корейцев в те годы были свои богатые дома и машины, корейская молодежь в массе своей всегда была хорошо одета. Конечно, золотой дождь на этих людей не проливался — Россия и сама по себе не самая богатая и благополучная страна. Но все-таки корейцы в среднем были заметно более обеспеченны, чем многие другие народы СССР. А с людьми, которые крепко стоят на ногах, нельзя не считаться даже при социализме. Возможно, завистливые реплики за спиной им слышать и приходилось, но уж страдальцами, жертвами наши корейцы никогда мне лично не казались. Конечно, я, русская, не могу достоверно свидетельствовать, как внутренне они ощущали себя, страдали ли от проявлений расизма со стороны окружающих. И тем не менее замечу, что если в детстве и юности мне приходилось сталкиваться, например, с проявлениями бытового антисемитизма, то о корейцах я никогда не слышала ничего плохого. Отец всегда одобрительно говорил, что таких трудяг, как корейцы, надо искать. Мама — заядлая любительница-огородница, отреагировала на мое поступление на корейское отделение Дальневосточного университета полушутливой фразой: «Ну, теперь за корейца замуж выйдешь, научишь меня, как хорошие арбузы выращивать»... Правда, стоит отметить, что я жила в детстве в многонациональной Сибири, где бытовой расизм всегда был на порядок слабее, чем в Центральной России. Но и в столице, по моим наблюдениям, отношение к корейцам не было плохим. Стоит вспомнить хотя бы популярность у русской интеллигенции прозы Анатолия Кима, корейца по национальности, который хотя и пишет на русском языке, но известность в советское время получил благодаря именно дальневосточным мотивам в своем творчестве.

Все эти соображения мешали мне проникнуться должным обличительным пафосом. Статья вышла недостаточно накаленной, и в редакции сильно переписали ее, расцветив такими перестроечно-огонечными штампами, что читать результат под своим именем мне было стыдно.

С тех пор прошло больше десяти лет. Я уже семь лет живу не в своей стране. И чем дольше я живу за границей, тем больше ощущаю, что мои сомнения при написании той давней статьи были не случайны. Я поняла, что проблемы национального самосознания, проблемы сохранения корейцами, как и другими эмигрантами, своего языка и культуры на территории другого государства — в общем, проблемы, которые та перестроечная газета преподносила как язвы социализма и приписывала исключительно злой воле советского режима, едва ли разрешаемы в принципе. Вне зависимости от страны и социального строя.

Почему эмигранты не говорят по-корейски

Австралия, где я сейчас живу, это далеко не сталинский Советский Союз, где целый народ могли за мифическую вину сослать туда, куда Макар телят не гонял. Национализм, расизм здесь под строгим запретом. Никто не посмеет обозвать человека иного цвета кожи «чучмеком», «чуркой», как это, к великому стыду моему, можно все чаще услышать в последнее время в России даже из уст образованных людей. Здесь за одно такое публично оброненное словечко можно загреметь за решетку. Три раза приходило мне письмо от администрации университета с просьбой ответить, не приходилось ли мне, иностранке, подвергаться в Австралии национальной дискриминации. Писали так заботливо, что прямо хотелось на кого-то пожаловаться. Но — не на кого.

В рекламах, изображающих австралийских граждан, никогда не показывают только белых: обязательно присутствуют аборигенские, азиатские, негритянские лица. Как поется в австралийской песне, которую дети учат в школах: «We are one, but we are many». И это не рекламный трюк. Обилие межнациональных, межрасовых браков, разнорасовые любовные парочки и этнически смешанные дружеские компании на улицах... Дочкины подружки — сплошной интернационал.

Правда, та дружба народов, которую можно сейчас наблюдать, существует относительно недавно — лет 25—30 назад все было по-другому. Создавалась Австралия как исключительно «белое», причем британское, англоязычное государство. До 1972 года была запрещена «желтая» эмиграция, местные аборигены получили избирательные права только в 1968 году. Но тем не менее сейчас скрытые расистские настроения можно встретить лишь среди стариков. А большинство населения мультикультурализм, интернационализм воспринимает как норму жизни.

Однако при ближайшем рассмотрении ситуация с мультикультурализмом оказывается далеко не такой простой. И первое — в «мультикультурной» стране на мультиязыках никто не говорит. Китайцы, корейцы, арабы — все говорят и между собой, и с детьми практически только по-английски. Почему?

Недавно получаю письмо из дочкиной школы, в котором сообщают, что в школе начинается преподавание итальянского языка и что от родителей требуется поддержать интерес ребенка в этом направлении. А далее на двух больших листах следует подробнейшее объяснение, зачем это нужно: «Зная иностранный язык, ребенок будет лучше знать английский», «итальянский язык является европейским языком и поэтому

может быть полезен для расширения кругозора» ... И, наконец, аргумент самый убойный:

«Иностранный язык — это большой фан для ребенка».

Зачем, казалось бы, ломиться в открытую дверь? Да скажи в русской школе, что в нее приезжает носительница языка преподавать итальянский, из желающих его учить образовалась бы очередь.

Но здесь это дверь закрытая, народ надо уговаривать. Почему?

Все очень просто. Для русских итальянцы — носители великой и вожделенной западной культуры. Для австралийцев же это потомки первых бедных эмигрантов-«макаронников», держателей крохотных ресторанчиков и пекарен. Машина подружка Джэмма — полуитальянка. Языка не знает не только она, не только ее отец — дедушка с бабушкой, из поколения первых эмигрантов, и те говорят в семье только по-английски. Итальянский для них — язык бедности, язык пережитых трудностей и лишений. Говорить на нем и вспоминать все то, от чего когда-то убежали за тридевять земель, им, видимо, не хочется. Точно так же воспринимает корейский и первая волна корейских эмигрантов — как язык нищеты. А язык страны, в которую приехали, — как язык преуспевания и благоденствия. Самая заветная мечта большинства корейских эмигрантов — чтобы дети их смогли как можно основательней врасти в эту благополучную среду и стать «настоящими австралийцами» — или русскими, американцами... Недаром очень многие корейцы второго поколения в СССР выбирали русское филологическое образование. Чтобы великолепно выучить русский — и полностью забыть корейский.

Но не только бедностью исторической родины объясняется нежелание людей говорить на ее языке. Есть и другая причина, и она касается уже более поздних поколений эмигрантов из Кореи. Эти корейцы приехали из экономически развитой страны, однако своего языка стесняются и они. Дело тут, на мой взгляд, в том, что язык лучше, чем что-либо иное, концентрирует в себе культуру нации. На каждом шагу национальная ментальность, заложенная в языке, вступает в противоречие с мышлением, господствующим на новой родине эмигранта. К примеру, корейское «чипсарам» — это вовсе не русское «жена», хотя именно такой перевод дают словари. Перевод такой, а смысловая нагрузка совсем другая.

Недавно наблюдала, как на детской площадке в Канберре играли отец с маленьким сыном. Это были то ли корейские, то ли китайские эмигранты, причем давно приехавшие. У отца — легкий акцент, у сына лет пяти уже неотличимая от окружающих австралийская речь. Сын убегал, отец догонял, и говорили они между собой по-английски следующее.

— Daddy, you fatty little pig! You'll never catch me!

— Why, you little rascal?

— Because you fat! You fat piggy!

По-русски это означало:

«Папа, ты жирный поросенок! Ты никогда меня не догонишь!

— Почему, ты, плутишка?

— Потому что ты жирный. Ты жирный поросенок».

Даже в переводе на русский язык этот мирный семейный диалог звучит дико, рука сама собой так и тянется к ремню. А что будет, если сказать, то же самое по-корейски? «Абочжи, но тгунтгунхан твечжисэккия? ...» Тут уж рука потянется не к ремню — к ружью. Более циничного нарушения принципа сыновней почтительности и придумать нельзя: так с родителями в конфуцианских странах не говорит и последний подонок.

Обучая сына корейскому языку, родителям-эмигрантам пришлось бы научить его одновременно и многому другому. Пришлось бы научить его кланяться взрослым и почтительно разговаривать с ними, пришлось бы научить, говоря о себе, постоянно употреблять естественную для корейского языка уничижительную форму. Как совместить это с западной массовой культурой с ее культом «молодых и свободных», с подростковыми телесериалами, где взрослые, и особенно учителя, постоянно изображаются дураками, занудами или деспотами, по определению враждебными тем, кто «выбирает пэпси»? Да даже тем, кто выбирает пока молочко в бутылочке. Показательный пример — популярный голливудский мультфильм «Король-лев», получивший Оскара. Главный герой львенок по-черному издевается над учителем, попугаем Зазу, и это подается не как проступок героя, а как свидетельство его раскованности и остроумия, которыми зрители должны восхититься.

Как назвать по-корейски многострадального Зазу — «Зазу-сонсэнним» («Зазу-учитель»)? Нестыковочка получается: «сонсэнним», или «преждерожденный», — это тот, кто, по корейскому обычаю, по классу с палкой ходит. А как приучить эмигрантского ребенка к выражениям «ури нара», «ури качжок», «ури омма» («наша страна», «наша семья», «наша мать» — иначе, «моя мать», например, по-корейски сказать нельзя) в обществе, живущем по законам индивидуализма, с идеологией, устами певицы Уитни Хьюстон утверждающей, что «самая великая любовь на свете — это любовь к себе»? Из разговоров с корейскими эмигрантами становится понятно, что для многих из них родной язык — это негативный символ уже не бедности, а «отсталой», «репрессивной» конфуцианской идеологии. Как сказал мне один корейский аспирант: «Вы что, корейские фильмы смотрите? Неужели эта чушь может нравиться? И чтобы язык не забыть? Знаете, я бы сам его с удовольствием забыл».

Борьба с репрессивными бабушками

Нет, никто прямо не борется в Австралии с национальным самосознанием эмигранта. Никто не закрывает корейских школ, не ограничивает распространение корейских книг. Хочешь — иди на церковные курсы изучения языков, хочешь — вступай в общество любителей Кореи. Хочешь — открывай свой ресторан или магазин национальных товаров, хочешь — квась кимчхи. Но с «отсталой» и «репрессивной» идеологией эмигрантов австралийское общество борется всеми способами, жестко и эффективно отменяя то, что в здешнюю схему поведения не вписывается.

Идеологию стран Дальнего Востока, в частности, здесь принято критиковать за несвободу, неравенство, дискриминацию женщин, покорность старшим, трудоголизм, который, как считается, мешает корейской или китайской молодежи жить полноценной жизнью. О заезженных амбициозными родителями дальневосточных детях, вынужденных денно и нощно учиться, вместо того чтобы полноценно гонять собак, сочувственно пишут местные социологи. Многие австралийские фильмы этому посвящены — как эмигрантов от этих невольничьих цепей освобождает просвещенный белый мир. Посмотрела я недавно один из таких полудокументальных фильмов по австралийскому телеканалу SBS.

В нем с надрывом показан конфликт старшего и младшего поколений в семье вьетнамских эмигрантов. Слеза прошибает — как мучают темные вьетнамцы своих бедных детей! Заставляют дочь подростка помогать бабушке по хозяйству и учиться (кошмар!), не дают бедной девочке до утра шляться по улицам с такими же подростками, требуют возвращаться домой в 10, разрешают собираться с друзьями только по выходным... Тюрьма, да и только! Но, по счастью, дело происходит в «свободной стране», правда побеждает, девочка освобождается от рабских пут при поддержке школьных друзей.

Мне лично смотреть этот фильм было смешно. А эмигрантская молодежь свято верит, что помогать бабушке по хозяйству — это насилие над личностью. В местных-то семьях за помощь родителям по хозяйству принято расплачиваться деньгами: помыл папе машину или маме посуду — заработал доллар. Дочке в школе внушают: «Чаще помогайте старшим! Тогда вы сможете заработать больше денег». А в традиционных конфуцианских семьях, оказывается, такая чудовищная эксплуатация... Ну, и захочется вьетнамским (китайским, корейским) подросткам после такого фильма учить язык предков?

Кимчхи и карри — хорошо, остальное — плохо

Вот так и проявляется на практике австралийский мультикультурализм. Узкие глаза и смуглая кожа — это экстравагантно и привлекательно, жена из племени мумбо-юмбо — это круто. Кимчхи, утка по-пекински — это вкусно и хорошо, это национальная культура. А вот то, что почтение к старшим и культ труда — это тоже часть культуры, причем часть определяющая, австралийцы признавать не желают. Для них это дикость и бескультурие. Это — неравенство, это — несвобода, это противоречит принятым здесь принципам жизни, а значит, подлежит осуждению и искоренению.

Подрубая под корень идеологию эмигранта, здешнее общество подрубает и его национальное мироощущение. Оно принимает лишь внешнюю, так сказать, кулинарную форму. Кимчхи едят, не стесняются, национальные рестораны на каждом шагу, а вот все остальное... Впрочем, и внешнюю форму частенько тоже стараются радикально переменить. Ибо форма, как известно, связана с содержанием. Моя знакомая американская кореянка (в Америке у азиатов похожие проблемы) рассказывала мне, что самыми тяжелыми испытаниями детства для нее были школьные родительские собрания, на которые ее отец всегда приходил в строгом костюме.

На фоне растрепанных причесок и застиранных футболок аккуратный кореец смотрелся чуждаковато, его деловой костюм американцами воспринимался как свидетельство зажатости, отсутствия раскованности, и дочь стыдилась этого. Она приложила немало усилий (слезы, уговоры, скандалы), чтобы отец стал «нормальным», то есть приходил в школу таким же обормотом, как и все.

Ассимиляция неизбежна?

Так что на практике провозглашенный мультикультурализм оборачивается своей противоположностью — ассимиляцией. Пусть в Австралии она проводится в мягких перчатках, сути своей от этого не меняет. И осуждать австралийскую национальную политику я не берусь — как не берусь осуждать «пролетарский интернационализм» бывшего СССР.

Государство — оно ведь нюансов не учитывает. Оно действует просто и решительно, как асфальтовый каток, по природе своей не склонный к сентиментальности. Сохранять реальное разнообразие культур с государственной точки зрения невыгодно, а подчас и опасно. Ведь страна — это как семья. Если в ней начинается плюрализм, значит, на горизонте забрезжил развод. Народ должны скреплять единые ценности, а то получится лебедь, рак да щука с известным результатом. А единые ценности диктует тот, чьи позиции в стране сильней. Уж какие эти ценности: хорошие ли, плохие — тут, наверное, объективно судить невозможно. Мы ведь тоже смеялись над традицией продавать невест в фильме «Кавказская пленница» и искореняли этот обычай как дикий и унижительный.

Хотя какие-нибудь талибы с такой оценкой не согласятся.

Вот почему, видимо, в рамках большой и сильной страны ассимиляция малых народов — явление хотя и грустное, но неизбежное. Тем более что, как я написала выше, у самих эмигрантов сопротивления она не встречает. Ведь главное, с практической стороны язык и культура родины предков им ничего не дают, в то время как английский открывает любые двери. До недавнего времени такова была ситуация в Советском Союзе, где корейцы не учили родной язык даже тогда, когда возникала реальная возможность (вышеприведенный пример — восточный факультет ДВГУ, где на корейском отделении корейцы не хотели учиться). А. Н. Ланьков, известный кореевед, рассказал мне как-то о своем интервью с отставным генералом-корейцем, глубоким стариком, который в далекой молодости был в Узбекистане инспектором корейских школ. Старик вспоминал, что в конце 30-х годов настойчивее всех требовали закрытия корейских школ... сами родители-корейцы. Главный аргумент был прост: «А куда нашим детям деваться без хорошего русского?!»

О «зове родины предков» наши корейцы заговорили после перестройки, когда позиции России и, соответственно, русского языка ослабли, а корейский язык стал ассоциироваться не с нищим Пхеньяном, а с преуспевающим Сеулом. То, что в Китае местные корейцы учат родной язык в школах, объясняется, мне кажется, все той же прозаической причиной — Южная Корея по сравнению с Китаем является более развитым государством, и знать этот язык выгодно. Цинично говоря, желание эмигранта учить родной язык и любовь к далекой отчизне чаще всего прямо пропорциональны ВВП на душу населения на исторической родине.

О тех, кто не подрубают своих корней

Конечно, из этой тенденции есть исключения. Среди тех же советских корейцев были и замечательные ученые-корееведы, такие, как Михаил Николаевич Пак, который историей земли своих предков начал заниматься в самые неблагоприятные к этому годы. В Австралии наиболее дальновидные и умные эмигранты стараются, вопреки сильному ассимиляционному давлению государства, приучать своих детей к родной культуре, сохранить язык — хотя бы на разговорном уровне. Те, кто не перерубает своих корней, поступает мудро. В начале 90-х годов, когда начались активные связи России с Южной Кореей, те — очень немногие — из советских корейцев, кто чудом сохранил язык в семье, получили огромные преимущества — переводчики тогда были остро необходимы, им платили колоссальные деньги. Не говоря уже о том, что психологию корейцев эти люди понимали куда лучше русских, что позволяло им легче завязывать в этой стране и деловые, и дружеские связи.

Быть вхожим в еще одну культуру на правах «своего» — это действительно «большой фан». Но удастся он не всем. Слишком много и внутренних, и внешних барьеров приходится преодолевать ради этого человеку.

Глава тридцатая

О корейском кинематографе и не только о нем

Впечатления с фестиваля корейских фильмов в Канберре

До недавнего времени хобби и специальность (корееведение) у меня счастливо совпадали. Но, приехав в Австралию, я приобрела одно вне-профессиональное увлечение — международный кинематограф. Благодаря замечательному местному каналу SBS у меня появилась возможность каждый вечер смотреть фильмы всего мира с английскими субтитрами. Оказалось, что это очень интересно. Кино — относительно молодое искусство, которое зародилось в недрах западной культуры и должно, казалось бы, развиваться по ее законам. Однако этого не происходит. Голливуд на сегодняшний день хотя и задает самое влиятельное направление в мировом кинематографе, отнюдь не исчерпывает его собою. Существует великое множество национальных кинокультур, хороших и разных, в том числе и у стран, от которых этого ожидаешь меньше всего. Я с удивлением узнала, например, что Иран, который в западном массовом сознании предстает землей полоумных фанатиков, способен создавать мудрые «общечеловеческие» фильмы вроде «Отца» Маджида Маджиди — фильмы, все чаще завоевывающие премии различных международных фестивалей. Индия, известная в России в основном как поставщица слезливых мелодрам («бывают фильмы плохие, очень плохие и индийские», как ехидно говорили в советское время), выпускает на экран достаточно много глубоких, философских произведений.

О латиноамериканском кинематографе я и не говорю. Из всего его богатства выбрать для российского экрана одно дешевое «мыло» — это надо было сильно постараться.

Но — вернусь к своей специальности. После того как я открыла для себя фильмы других народов, мне стало особенно досадно, что на этом фоне корейское кино вроде бы не демонстрирует заметных успехов. Зная его в основном по мелодрамам вроде «Письма» и «Рождества в августе», наивным подражательным триллерам вроде «Квартира 31—32» и американоподобным боевикам, я долгое время была уверена, что этот вид искусства корейцам просто не дается. В принципе, ничего страшного в этом нет — не во всем же одинаково проявляется талант народа. Например, Англия, обладающая безусловно великой культурой, не дала миру ни одного классического композитора, не говоря уже о кулинарии... И когда я получила приглашение на фестиваль корейского фильма в Канберре в 2000 году, то ничего особо интересного увидеть там не ожидала. Пошла просто из чувства солидарности к «своим».

Но два фильма, которые я увидела в дни фестиваля, — «Прекрасное время» и «Хочу на этот остров» — явились для меня приятной неожиданностью. Эти фильмы очаровали и

покорили меня. И — безошибочный признак хорошего кино! — они всплывают в памяти отдельными сценами даже сейчас, через два года после просмотра.

Оба фильма посвящены почти одному времени — периоду войны, когда страна оказалась разорванной на «красных» и «белых» («Хочу на этот остров»), и военнопослевоенному периоду с его пришествием американцев и антикоммунистической истерией («Прекрасное время»). Это время для Кореи было политически весьма насыщенным, так что в фильмах, казалось бы, неминуемо должны присутствовать идеологические оценки событий.

Однако их нет. Более того, в фильмах нет ни ярких красок, ни стремительных сцен. Только пронзительная, бездонная печаль, как в простых и прекрасных стихотворениях Ким Со Воля, от которых и через 200 лет у людей будут подступать к глазам слезы.

«Хочу на этот остров» снят режиссером Пак Кван Су, с актером Ан Сон Ги в главной роли (многим иностранцам в Корею он известен лишь по рекламе кофе, хотя это один из лучших корейских актеров, которому одинаково хорошо даются и лирические, и комические роли). Сюжет фильма следующий. Жители небольшого острова не дают захоронить на нем своего односельчанина. Во время войны тот сыграл роковую роль в жизни маленькой деревни: по его ложному навету были как коммунисты расстреляны невинные люди, его односельчане. Фильм построен в виде непрерывной цепи эпизодов из жизни островной корейской деревни. Что это были за люди? Что это была за Корея?

Пак Кван Су очень правдив. Описывая события давних лет, он не попадает в ловушку столь обычного в подобных случаях морализаторства — дескать, и вода была тогда слаще, и бабы моложе. Его герои, жители острова, живут простой, почти животной жизнью — бедность, неграмотность, постоянная забота о еде, изнуряющая работа. Все живут одинаково, все неказисто одеты, лечатся у шаманок, молятся душам умерших родственников, всё про всех знают, все во всем участвуют, подглядывают, по старому обычаю, за новобрачными, сверля пальцем дырку в бумажной стенке. Но когда муж бьет жену — за нее дружно вступаются соседи. Даже ночью, услышав женский стон, доносящийся из соседнего дома, сердобольные супруги решают вылезти из теплой постели и пойти выручать бедную соседку, которую свирепый муж решил поколотить. (Правда, тут же выясняется, что их помощь ни к чему — ночной стон соседки вызван прямо противоположной причиной.) Старики на деревенском сходе решают наказать негодного семьянина, бросившего жену и больного ребенка. Соседка, сама нищая, брошенная мужем, кормит сироту-мальчишку... Вряд ли эти люди ощущают себя особо добрыми или нравственными. Они просто так живут. Не благородные мужи в расписных сувенирных ханбоках, не те сусально-патриархальные образы, каковыми частенько грешит корейский кинематограф, а самые обыкновенные, даже порой слишком простые люди. Вот одна из героинь — деревенская дурочка. Она ничем, по сути дела, не отличается от массы разумных односельчан. Романтичная, простодушная, сердечная, она — воплощение души острова, и односельчане, словно чувствуя это, относятся к ней с необычной для деревни бережностью. Девушка любит нырять в море на большую глубину и мечтает после смерти стать звездой. Увидев, как раскачиваются на качелях любовники, она, очарованная сценой чужого флирта, пытается то же самое проделать сама со своим приятелем — мальчиком-подростком. А потом, утешая этого парнишку, от которого навсегда уехал лучший друг, в мудром порыве, как мать, даст ему грудь — и подросток будет, всхлипывая, сосать ее, как младенец. Ни пошлого фрейдизма, ни тени эротики — эта блаженная девушка чиста, как звездное небо, на которое она любит смотреть по вечерам. В нее первую, как в коммунистку, выстрелит солдат...

Приезд карателей в деревню — еще одна удачная, очень правдивая сцена. Никаких напряженных звуков барабанов а ля Голливуд. Приехали какие-то непонятные люди с Большой земли, и всё вокруг всё так же, и вокруг всё те же. Мальчишки, зевая от жары, ждут, когда их родителей отпустят. Не пройдет и часа — и их отцов не будет в живых.

Простая, простая жизнь... Но есть в ней правда и справедливость. Предатель Мун Док Пэ, бросивший когда-то семью, наказанный за то суровыми деревенскими стариками и отомстивший им всем так жестоко своим ложным наветом, — он давно уехал в город, создал там новый дом, зажил в славе и почете. Но только на этом острове хотел бы он быть похороненным, только по этому бедному кусочку земли скорбит его запятнанная душа. И только сюда — со всем его почетом и деньгами — нет и никогда, даже после смерти, не будет ему входа.

Нельзя сказать, что фильм безупречен. И затянутые сцены, и слабоватая игра некоторых актеров — все то, за что обычно ругают корейское кино иностранцы, в фильме присутствует (правда, при этом очень хорошая музыка). Но сквозь все технические несовершенства внутренняя правда и красота фильма видны даже для тех, кто к Корее никакого отношения не имеет, — для просто внимательных зрителей. Выходя из зала после сеанса, я с радостью услышала, как фильм заинтересованно обсуждают белые австралийцы.

Чувствовалось, что фильм тронул людей. Хотя, к сожалению, слишком многие корейские реалии, которыми наполнен «Остров», оказались иностранцам непонятны. Многие вещи, понятные корейцам с полунамека, мимо иностранного зрителя проходят (женщина со слезами забирается на крышу, держа в руках одежду умершей девочки, — кому из «посторонних» догадаться, что это трогательный, трагический обряд «чхохон» — выкликание умершей души?). «Хороший, хотя и слишком корейский фильм», — выразился мой спутник. Но, в конце концов — почему бы фильму не быть таковым? Точно так же — с совершенно незнакомых реалий — начиналось проникновение в западную культуру японской литературы, живописи, кино. И ничего — со временем узнали, привыкли и полюбили.

Следующий фильм — «Прекрасное время» (режиссер И Гван Мо).

К сожалению, это название исчезло в английском переводе — по-английски фильм называется «Весна в родном городе» (по названию детской песенки из фильма). А ведь корейское название не случайно. Оно точно передает современное отношение многих корейцев к этому времени. Мне самой приходилось читать интеллигентские эссе о 50-х годах, которые описываются там как некая идиллия: дескать, никаких вонючих машин и шумных городов, никаких стрессов, сплошное слияние с природой. Дело не только в том, что частенько пишут это, так скажем, очень сытые люди. Тут срабатывает и естественное сито человеческой памяти (тенденция помнить хорошее и забывать о плохом), и желание поучить молодежь. А время было отнюдь не прекрасным. Нищая, разоренная войной страна, которой не до слияния с природой (безусловно, не испорченной цивилизацией) — уйти бы, убежать от этой природы любыми средствами. Ради этого пойдешь на все что угодно — и будешь смотреть сквозь пальцы на поведение дочери, с которой развлекается американский офицер, в результате чего семья благоденствует (отец главного героя получает место на американской базе), и на поведение самих «благодетелей». На окраине деревни стоит полуразвалившийся сарай — импровизированный дом разврата, в котором тихая деревня никогда прежде не нуждалась. В этом сарае продаются солдатам и офицерам с американской базы по соседству молодые деревенские женщины, которых обрекает на проституцию нищета: продается девушка, которой необходимо лекарство для отца, солдатка, которой надо

кормить детей. Сводник — свой же, кореец из деревни. «Прекрасное время»? Оно было на деле временем нищеты, морального разложения и унижения народа. Как и в «Хочу на этот остров», оккупанты-американцы показаны не какими-то патологическими злодеями. Они просто большие, сытые и богатые хозяева, которым нет никакого дела до внутренней жизни и достоинства своих рабов. Ни злобы, ни интереса не испытывают они ни к женщинам, чьи тела покупают, ни к подглядывающим мальчишкам, ни к этой земле, на которую, согласно очередному приказу командования, вступили.

Этот мотив фильма, хотя и совпадает во многом с нынешними антиамериканскими настроениями корейцев, не является ажиотажно-политическим. Тема американцев как богатых хозяев бедной послевоенной страны не раз поднималась и в прежней корейской литературе — например, в повести «Двор детства» О Чон Хи, написанной о тех же 50-х годах в 1981 году. В повести есть одна выразительная сцена — летнее утро, еще сонный корейский дом, старший брат занимается английским языком. Он готовится наняться в работники на ту же вожделенную американскую базу, что и герой фильма, и зубрит себе под нос английские фразы:

«Я не вор. Я честный человек. Я не вор. Я честный человек...» Никто из домашних, слышащих эти фразы ежедневно, даже не вдумывается, насколько унизителен их смысл. Никто не думает протестовать.

А в фильме находится тот, кто протестует. Главный герой, мальчик-подросток, сжигает сарай после того, как невольно стал свидетелем падения собственной матери. Сжигает — и исчезает бесследно из маленького поселка, оставляя незаживающую рану в сердцах своих родных и друзей.

Режиссер Ли Кван Мо не ставит перед зрителем политических вопросов, хотя политика в фильме присутствует — в виде антикоммунистических «пятиминутки ненависти». Атмосфера их до странности совпадает со знакомыми нам коммунистическими собраниями. Никакой разницы между разными полюсами пропаганды — та же примитивность, жестокость и параноидальное недоверие к людям, та же истерика лозунгов и то же покорное равнодушие рядовых участников митинга. Нет разницы и между освободителями-американцами и колонизаторами-японцами, от которых первые только что освободили страну. Все они одинаково презирают местное население.

Ли Кван Мо не судит историю. Рассказ разворачивается в нейтральной, отстраненной манере, типичной для корейского искусства. Однако нравственный посыл режиссера ясен — даже в самые тяжелые времена невозможно выживать ценой грязи, лжи и унижения, пусть даже они представляются порой здравым смыслом. Такой ценой не купишь ни спокойствия, ни благополучия. Небеса отворачиваются от самой богатой в деревне семьи, облагодетельствованной любовником дочери — офицером с американской базы. Глава семьи выгнан со своего теплого места на базе за попытку контрабанды и с позором возвращен в ту нищету, из которой на время вышел. Дом его в наказание сожжен, дочь осталась беременной, без мужа.

Никому нет счастья в «прекрасном времени» — ни конформисту, ни бунтарю. Что же остается? На этот вопрос отвечает посвящение фильма, которое появляется на экране в последнем кадре: «Моему деду и отцу, которые всегда верили и надеялись».

Вера и надежда — невзирая ни на что, они оставались с людьми. Постоянное присутствие на экране корейского пейзажа — быстрых рек, огромных зеленых гор — непостижимым образом смягчает печаль фильма, не дает безнадежности овладеть сердцем. Родина здесь, и родина прекрасна — словно говорит нам Ли Кван Мо. Даже в

«прекрасное время» Корея продолжала жить, работать и шаг за шагом, постепенно выбираться из трясины нищеты, невежества и вассальной зависимости. Много препятствий ей предстояло преодолеть на пути, много политических деятелей приходили и уходили под разными лозунгами. Как крестьянин пашет землю, отбрасывая валуны с каменистой пашни, — так тяжело, но упорно шел вперед и корейский народ, отбрасывая со своего пути все лишнее. И стойкость, вера, чистота помыслов и усердная работа поколения «прекрасного времени» вознаграждены нынешним благополучием детей и внуков.

По сравнению с первым фильмом, «Прекрасное время» технически уже гораздо совершенней. Их разделяет пять лет, и за это время корейский кинематограф, чувствуется, приобрел немалый опыт. Особенно хороша игра детей.

Оба фестивальных фильма показали Корею без националистического хвастовства, мудро и с большой любовью. И мне приятно было сознавать, что корейское искусство наконец-то начинает выходить из давней замкнутости, находит художественные средства, с помощью которых может донести свои культурные ценности до внешнего мира.

Это было, было...

И насколько сильное, до обиды, разочарование испытала я после просмотра недавнего хита, назойливо раскручивавшегося на российских экранах, — «Шири». В этом боевике о противодействии северо – и южнокорейских спецслужб, несмотря на сугубо национальную тематику, от корейской культуры не осталось и следа. Разливанные моря крови, горы трупов, изобилие несвойственных корейскому искусству жестоких сцен. Знакомых актеров в фильме трудно узнать — их обычно мягкие, приветливые лица искажены свирепостью, манеры резки и грубы, реплики отрывисты. Но, несмотря на все эти оскаленные зубы, металлический хохот и прочие мачо-приемы, я через некоторое время почувствовала, что перестаю воспринимать происходящее на экране серьезно. Было ощущение, что передо мной бегают монстрики из компьютерной игры. И притом старые, надоевшие монстрики. Где-то я уже видела эту стрельбу по бутылкам, разбросанные корзинки торговцев — в каком-то голливудском фильме то ли про арабских террористов, то ли про мексиканскую мафию... Кто же это прыгал вот так же на зрителей с выпученными глазами, на фоне желтого взрыва за спиной, — Шварценеггер? А может, Ван Дамм?

Ощущение искусственности не покидало меня до самого конца фильма. Потом я поняла, что происходит, — на экране не было людей. Шла стрельба, рекой лилась кровь, что-то взрывалось, ослепляло и шумело. А люди исчезли. Люди превратились в пейзаж, фон для дорогостоящих технических эффектов — они существовали в виде визга, бегущих ног, разбросанных тел. Исчезли не только люди, исчез город, улицы. Судя по всему, действие должно происходить в Сеуле — но ни единого признака любимого города, ни единой знакомой улочки, здания я в нем не нашла. Все признаки живой, настоящей Кореи как-то стыдливо вытравлены из фильма. Никто в нем в знак вежливости не кланяется — даже медсестра из больницы. Герой разговаривает с начальством устало-отрывистым ковбойским тоном. Целуясь, влюбленные решительно, с размаху впечатываются друг другу в губы. Где-то я это уже видела. На кого так похожа корейская героиня — на Джуди Фостер? Сьюзен Сэррандон?

Чувствовалось, что режиссер Кан Чже Гю не один год провел за просмотром голливудских и тайваньских боевиков. Он старательно использовал в «Шири» все, что

знал и видел. Но главного автор не достиг — он не смог сделать фильм живым. Фильм мертв — от начала до конца. И это почувствовал российский зритель.

«Шири» сколько угодно могла хвалить наша «свободная и независимая пресса» (даже у нее, несмотря на явно поставленную сверхзадачу, это не очень получалось) — но российских зрителей было провести куда трудней. Даже «морковка по-корейски», которой щедро угощали гостей на презентации фильма в Москве, не сработала: во время показа в зале то и дело раздавались смешки и шуточки.

Наш ехидный и недоверчивый зритель просек и наивные попытки режиссера «косить под Запад», и не корейское, не восточное поведение героев, и всю ложную многозначительность реплик, и стрельбу по бутылкам, как в американском вестерне 50-х годов.

Почему же корейский кинематограф, после таких серьезных удач, повело в сторону пошлого подражательства?

Дело не только в том, что корейские продюсеры недооценили умственный уровень иностранной аудитории и попытались подsunуть «вегугинам» {32 Вегугин — иностранец} привычную, как им казалось, жвачку — та же неудобоваримая жвачка была подsunута и своим. Почему вообще создавался «Шири» — вот вопрос. Плох ведь не жанр — плохо художественное решение конкретной темы.

Всему миру известны хорошие голливудские боевики, в которых действуют персонажи с яркими характерами, а не роботы.

Почему именно Голливуд славится боевиками, понятно. Традиции action лежат глубоко в основе американской культуры, отличающейся повышенной степенью агрессивности и «мачизма».

Корейской же культуре это несвойственно. Война, бой всегда воспринимались и изображались корейцами с тонким романтизмом, что ближе не к динамичному ковбойскому мордобою, а скорее к европейским традициям рыцарства, красивому ритуализованному сражению. Эта традиция отражена в народных преданиях, сказках, обрядах, где, например, охотник на тигра перед нападением специально окликает зверя, чтобы тот обернулся и увидел своего врага, встретил смерть лицом к лицу. С позиций здравого смысла это глупейшее действие — ведь при этом охотник рискует жизнью. Но если судить с позиции смысла высшего, нравственного, то этот ритуал прекрасен. Он обузывает агрессию, учит людей не поддаваться животной злобе, не коварно убивать из-за угла, а справедливо мериться силами. В реальной жизни корейцы тоже не склонны к яростной и слепой агрессии. Недаром перед драками у корейских мужчин принято долго выяснять отношения и — прежде чем ударить — предупредить об этом соперника: дескать, «иду на вы». В «Шири» от этой стороны корейского менталитета не осталось и следа. Противоборствующие стороны тупо, не рассуждая, молотят друг друга с применением современных технологий и боевых приемов — и все. Замени в фильме северокорейскую спецслужбу на банду каких-нибудь космических пришельцев или воскресших динозавров, зритель и не заметит подмены.

А ведь сражаются в фильме северные и южные корейцы — кровные братья, трагически разделенные судьбой и барьером идеологий. Тема слишком большая, слишком глубокая. Она не умещается в рамки стандартного голливудского боевика. Чтобы художественно осмыслить ее, нужно было либо придумать принципиально другое жанровое решение, либо... не касаться этой темы вообще.

К сожалению, «Шири» — не единственный случай безрассудного подражательства. Весьма показательный пример — недавний кинематографический хит «Ложь». Еще одна дань глобализации — попытка эротики. И опять — не жанр плох, плохо художественное решение. У чувственных итальянцев эротические фильмы получаются здорово — со светлой музыкой, непринужденными движениями, прелестными женщинами и страстными мужчинами. Эти фильмы дышат южным морем, солнцем, веселой и грешной свободой. А «Ложь» вышла унылой, скованной и грубой порнографией, герои которой на протяжении всего фильма тупо, старательно, без малейшей искры вдохновения, как в бане, лупят друг друга палками по голым задницам. Чувствуется, что режиссер корейского фильма усердно проштудировал все мыслимые пособия по садомазохизму и со школьной аккуратностью перенес описанные действия в свой фильм. Спрашивается — зачем? В традициях корейской культуры, хотя и в малой степени, но присутствует свой эротизм — хотя бы в том же «Сказании о Чхунхян».

Он не откровенен, не порнографичен. Он передается, как в персидской культуре, символами, иносказаниями, красивыми стихами. У корейских любовников существовали свои ритуалы флирта, игры. Думаю, есть они и сейчас, и вполне достойны художественного осмысления. Но режиссер предпочел уже проторенный кем-то путь. И получилось плохо — как пиджак с чужого плеча.

А ведь корейцы могут хорошо делать не только серьезные фильмы, вроде тех фестивальных, о которых я рассказывала. Свои «облегченные» тенденции в корейском кинематографе тоже есть.

Здесь порой создаются неплохие лирические комедии, вроде «Иска соломенной вдовы». Есть в Корее «ужастики» с участием родных «квисин» (привидений, чертей), красочные исторические фильмы — их по корейскому телевидению с удовольствием смотрят не только корейцы, но и иностранцы. Не понимают ни слова, а смотрят. Потому что это интересно, ярко, самобытно. Потому что это — творчество.

Их имена должны звучать

Почему же корейские режиссеры — причем не нахальные халтурщики, а признанные мастера — порой так легко и с готовностью отказываются от настоящего творчества? Зачем копируют Запад, да еще так неумело? Ладно бы корейское кино зависело от иностранных продюсеров и вынуждено было танцевать под их дудку — нет ведь, свои кровные вонны платят за эти дурные западные копии. Дело тут, на мой взгляд, в комплексе национальной неполноценности, которым страдает значительная часть корейской интеллигенции. Этот комплекс и рождает недоверие к своим творческим силам и к своим культурным традициям.

Первое (и совсем недалекое от нас) поколение южнокорейской профессуры почти всё получило образование на Западе. С Америкой тесно связаны не только корейские экономисты и производственники, но и кинематографисты, лингвисты, историки и литераторы. Многие из них по сей день учатся или проходят практику в западных странах. Ничего дурного в самой учебе нет.

Плохо другое — то, что не только технические приемы, но и творческий путь учителей, каноны их культуры начинают восприниматься учениками как единственно правильные. Американцев тут ругать не за что — это, увы, свое, традиционно конфуцианское восприятие... Неофиты возвращаются домой, горя энтузиазмом создать что-то новаторское в соответствии с этим самым «единственно правильным».

Конечно, новаторства не получается — получается перепев чужого. И представители той самой культуры, которую корейцы так истово копируют, снисходительно усмеваются, вторя расхожему снобистскому суждению: «Азиаты, конечно, трудолюбивы, но они не в состоянии творить...»

Этот порочный круг мог бы разомкнуться, если бы его не скреплял застарелый комплекс национальной неполноценности корейцев. Его корни уходят в глубокую древность, еще во времена вассалитета по отношению к Срединному государству —

Китаю. Да, надо признать, что Китай был мудрым и терпимым сюзереном, он не очень ущемлял свободу соседнего народа, которого в случае войн обязывался защищать. Однако уже в те времена корейские интеллектуалы признавали китайский авторитет в области искусства как нечто само собой разумеющееся и неоспоримое (тоже учились в Китае, кстати).

Последовавшая за этим японская колонизация, которая началась на корейской земле в начале 1900-х годов и длилась почти полвека, недаром именуется в Корее «темным временем». Хотя японцы внесли в жизнь своей колонии немало новшеств, значительно продвинули Корею по пути технической модернизации, в моральном плане ими было сделано все возможное, чтобы сровнять национальную корейскую интеллигенцию с землей. У корейцев не только отобрали родную культуру и язык, но и всячески старались отобрать собственное достоинство. Со всем народом это не прошло, но кое-кем, увы, преуспели.

Помню одну встречу в аэропорту Кимпхо, которая оставила у меня гнетущее чувство. Ожидая самолет из Москвы, я разговорилась с приятным, общительным пожилым корейцем, который стоял в толпе встречающих. Он встречает своего сына, тот сейчас работает в Москве, младший сын учится в Америке, отец уже ездил к обоим, а что делаю в Корее я? Узнав, что я изучаю корейскую литературу в университете, мой собеседник усмехнулся:

«Ну и что вы там изучаете? У нас же читать нечего. В России Толстой, в Америке Марк Твен, а в Корее что? Одна «пяти тысячелетняя история»?» — «Да как же, — растерялась я. — В Корее много хороших писателей, особенно поэтов: Юн Дон Чжу, Со Чжон Чжу... А прозаики какие — вон, замечательный «Рассказ о кроликах» Ли Тхэ Чжуна недавно прочла». Но собеседник мой продолжал иронически: «Вот я побывал в Санкт-Петербурге, в Америке, и стало просто стыдно: там культура, а у нас — так, ерунда какая-то. Мы — нация торгашей, а не интеллигенции».

Я слушала его, и мне было больно. С какой же приниженностью в душе прожил жизнь этот внешне солидный и достойный человек. В молодости он учился наверняка в японской школе и университете, где его навсегда «просветили» относительно места Кореи в мире. И даже сейчас, когда Корея давно уже не колония, он все еще не видит в ней ни самостоятельную страну, ни самоценную культуру — все оглядывается куда-то вовне, не на Японию, так на Россию, на Америку.

Впрочем, что я сужу этого старого человека. Его можно только пожалеть. Он начинал свою жизнь не в свободной стране, а в «Корейском генерал-губернаторстве», как называли свою колонию японцы. Во времена его молодости у образованных корейцев не было даже своих имен. Те, кто хотел поступать в учебные заведения, обязаны были взять себе японские имена.

Ушла в прошлое японская колонизация, вольно звучит прекрасный корейский язык на корейской земле. Но отголосок тех времен слышится порой и сейчас, уже в среде южнокорейской молодежи. Зачастую молодые корейцы, представляясь иностранцам,

называют не свои родные имена, а их американизированные варианты: Джеймс, Лайза, Пит. «Он был монтером Ваней, но в духе парижан себе присвоил званье «электротехник Жан». Маяковский продолжается.

Конечно, это мелочь. Но в основе подобных мелочей лежит все та же неуверенность в себе, все те же беспочвенные комплексы.

Живя в Канберре, я отметила одну деталь. Здесь много индийцев, у которых, как известно, имена такие, что сломаешь язык. И тем не менее они их в угоду коренным австралийцам почему-то не меняют. Моя уважаемая дантист, доктор Нандакобан, и не думает переделывать себя в какую-нибудь Нанди. Зубы она лечит отлично, и австралийские клиенты запоминают ее имя без проблем.

Как и доктор Нандакобан, корейцы вполне заслуживают того, чтобы в мире зазвучали и их имена, и музыка их культуры. У корейского народа свое неповторимое восприятие жизни, у Кореи — своя красота и гармония, не похожая ни на какую другую. Это восприятие, эти красота и гармония достойны воплощения в искусстве. Главное, чтобы сами корейцы ценили свои духовные ресурсы. И тогда голос корейской культуры будет слышен в мире.

Глава тридцать первая

Новая жизнь традиций

В начале книги я упоминала о россиянах, которым в Корее, несмотря на приличные заработки, было трудно — не та еда, не тот простор, другой менталитет, в общем, «все не так, как надо».

Но наряду с этими людьми немало среди моих соотечественников и таких, которые к Корее буквально прикипели душой. Корею они полюбили за необычную культуру и природу, за дружелюбие и мягкость нравов, за вежливых студентов, за улыбчивых продавцов, за изящных женщин — в общем, за все хорошее. К таким людям относился покойный профессор Г. А. Цветов, преподаватель русского языка в университете Конгук, который сотрудничал с газетой «Сеульский вестник» и писал очерки о своих корейских впечатлениях.

Георгий Алексеевич в этих очерках не раз высказывал тревогу по поводу того, что корейская национальная культура находится под угрозой, что ее из Кореи вытесняют, уничтожают безликие импортные образцы. С ним солидарны многие российские преподаватели, инженеры, математики, которые долго живут в стране и начинают принимать ее проблемы близко к сердцу.

Устоит, выживет ли вообще корейская национальная культура под напором глобализации — этим вопросом задаются многие неравнодушные «корейские» россияне.

После таких фильмов, как «Шири», на этот вопрос так и напрашивается грустный, отрицательный ответ. Но не будем спешить. Просто пройдемся по корейским улицам.

Давайте, к примеру, зайдём в замечательный парк в центре Сеула — Чангёнкун. Он хорош в любое время года с его старыми павильонами, деревянными дворцами, вымощенной камнем площадкой, на которой когда-то собирались приветствовать короля его министры — места их по рангу обозначены небольшими каменными столбиками. Рядом с этим дворцовым комплексом, в королевской усыпальнице Чанмё хранятся поминальные таблички многих корейских королей, поэтому вести там себя полагается солидно — не бегать, не ездить на роликах или велосипедах. Даже в кроссовках ходить не рекомендуется — вахтер вас пропустит, но при этом укоризненно поцокает языком. Это — традиционная культура, и с ней надо обращаться почтительно.

Но раз в год, во время осеннего фестиваля, вся элегическая тишина старого парка с грохотом рушится. В парке проходят экзамены кваго. Кваго — это экзамены на должность в старой Корее. Введены они королем Кванчжоном в X веке и представляют собой написание сочинения на некую абстрактную тему вроде «Пришла весна в долины Сораксана». Участники должны написать на эту тему нечто вроде эссе, причем не какой-то жалкой шариковой ручкой, а неторопливой тушью и старинными кистями. Почерк должен быть обязательно ровным и красивым, в соответствии со строгими правилами каллиграфии, а сочинение — непременно содержать стихи и цитаты из трактатов древних мудрецов. Победителю конкурса кваго сегодня не быть, конечно, первым министром при дворе его величества. Зато его ждут шумные поздравления и разноцветные свертки подарков, после окончания экзамена его на лошади провезут, под восторженные крики толпы, по центральной улице города.

Ах, какие живые страсти разжигают кваго и сегодня! Наблюдать их и трогательно, и забавно, в особенности если учесть возраст многих участников — от шестидесяти и старше. Можно увидеть, например, как недовольный результатами дедушка вспыхивает, бросает оземь дорожную шляпу из конского волоса — кат и резко удаляется с поля сражения. Но самое отрадное в традиционном конкурсе — что не только старики наполняют в этот день старый парк. Среди конкурсантов все больше молодых людей, появляются там и женщины — немыслимое нарушение традиций, однако все равно отрадный факт.

Наблюдая за результатами состязаний с большим интересом зрители всех возрастов — в том числе и дети, молодежь. В то время, когда пишутся сочинения и подводятся итоги (это все занимает примерно 6 часов), люди бродят по парку, переходя из одного наспех выстроенного павильона в другой. Вот павильон вежливости и ритуалов. Зайдите — и вас научат, как правильно выполнять обряд поклона алтарю предков, как кланяться на свадьбе и в лунный новый год — собственным родителям. Вот чайный павильон. Нарядные тетушки средних лет живо взобьют венчиком у вас в чашках легкий зеленый порошок и, заварив его кипятком, с поклоном подадут этот удивительно душистый напиток в традиционных глиняных чашечках матового цвета.

А этот павильон переполнен вымазанными до ушей ребятишками. Это павильон традиционной керамики. В нем детям выдаются громадные комки глины, краски и гончарный круг — твори, выдумывай, пробуй. Хочешь, слепи изысканную вазу, подобно тем, которые стоят тут же на полках, хочешь — забавную зверюшку.

Те, кому наскучила глина, могут послушать традиционную оперу и посмотреть на старинные танцы, пометать стрелы в глиняные чаны, попрыгать на доске — кто выше, покачаться на традиционных качелях. Можно взять колотушку и постучать в огромный, выше человеческого роста, гулкий королевский барабан. Что дети и делают — с огромным удовольствием.

В подобные праздники особенно чувствуешь, как прекрасны старые корейские традиции. Но самое главное, самое ценное ощущение — что они в современной Корее не являются сферой интересов исключительно фольклористов, историков и падких до экзотики иностранцев. Они живут и сейчас, в виде сохранившихся обрядов и неподдельного всеобщего веселья, которое сплачивает людей и не дает им забыть, кто они, откуда родом.

Выйдем из шумящего парка и свернем налево, к университету Сонгюнган, а оттуда — на молодежную улицу Тэханно. Многие корейские кафе, магазины, рестораны, которые будут попадаться нам по дороге, оформлены вроде бы сугубо современно, но с явными «восточными мотивами». В современный интерьер удачно вписываются простые каменные светильники с иероглифами, оклеенные бумагой окна, узорчатые балки. Стилизованные детали старого корейского дома придают уют и тишину модным кафе или чайным.

О богах и божественных напитках

По корейским чайным я в Австралии скучаю чуть ли не больше всего. Ничего подобного им по лирической, душевной атмосфере я в этой стране пока не встречала. Если с корейской пищей мы «не сошлись характерами», то посещение корейских традиционных чайных стало одним из моих самых любимых корейских удовольствий.

С чайными в Корее у меня связано много теплых воспоминаний. Привела меня туда подруга-буддистка Чон Хи. Как многие знакомые мне молодые буддисты, Чон Хи — человек умный и неординарный, в котором глубокая любовь к своей стране сочетается с жизнелюбием и хорошим чувством юмора. Мне кажется, это сочетание качеств не случайно. Буддистом быть в

Корее сегодня непросто — эта традиционная религия находится под сильным давлением протестантской церкви. Причем, по моим ощущениям, противодействие идет часто не столько в сфере верований, сколько в отношении к миру и традициям. Не будучи ни протестанткой, ни буддисткой, я не берусь судить, чей бог лучше. Но в личном плане от протестантских активистов впечатление остается не самое приятное. По моим наблюдениям, эти люди чаще всего ориентированы исключительно на Запад, причем безрассудно и непреклонно, и отличаются в проповедях необыкновенной нахрапистостью. Их богословская теория жестко схематизирована, они вооружены до зубов всякими схемками, диаграммками, графиками, которые будут настырно совать вам в лицо и что-то доказывать, доказывать... Их слышно в сегодняшней Корее повсюду: гнусавыми голосами они орут в метро, в автобусах, причем обязательно в часы пик, когда большинство людей дремлют, либо еще не окончательно не проснувшись, либо уже сморенные усталостью после тяжелого трудового дня. Однажды я стала свидетельницей драки, которую затеял в метро пылкий протестантский проповедник с буддистским монахом, хотя последний пришел на место раньше его и, как говорится, «никого не трогал и починаял примус», то бишь тихо бил в свою колотушку. Один из таких доморощенных проповедников как-то испортил нам вечер встречи выпускников языковых курсов, привязавшись к одной из девушек, у которой на запястье углядел буддистские четки — оборвал приятную всеобщую беседу и втянул присутствующих в агрессивный богословский диспут, критикуя несогласных за «дикую» веру и грозя небесной карой. Удивительно, почему ориентированные на Запад христианские проповедники не берут от своей альма-матер самое ценное — уважение к правам личности? Хотя бы к праву на отдых — от их приставаний.

Навязчивость протестантских деятелей в Корее вошла в поговорку: недаром, когда я попросила своих корейских студентов составить предложения с выражением «пристал, как банный лист», пол класса придумало: «Ко мне на улице, как банный лист, пристал христианский проповедник».

К Чон Хи, правда, пристать не так-то просто. Она образованна, прекрасно владеет английским языком, следит за своей внешностью и самым своим обликом разрушает навязываемый протестантами стереотип буддистки как полуграмотной, темной дикарки. Немало проповедников обламывают себе зубы об ее чувство юмора и веселый здравый смысл. Когда один из таких деятелей начал ей угрожать, по обыкновению, небесной карой за неверие в «правильного бога», Чон Хи спокойно заметила: «Давай посмотрим. Христианство пришло в Корею сто лет назад. А сколько существует наша страна? Что же получается — все поколения наших прабабушек и прадедушек твой правильный бог отправил в ад?»

Узнав, что я не буддистка, Чон Хи никогда не пыталась обратить меня в свою веру, не тасила, в отличие от елейно-настырных протестантов, в свой храм. Но она показала мне, по моей просьбе, прекрасные буддистские монастыри, куда сама ездила молиться, а я — смотреть архитектуру. Вместе с ней мы ходили в музеи и на выставки традиционного искусства, ездили смотреть достопримечательности в соседние провинции. В сферу интересов моей подруги входила не только ее национальная культура — как-то раз Чон Хи вытасила меня послушать любимый концерт Рахманинова. И она была первой, кто сводил меня в корейскую чайную в Инсадоне — квартале традиционных ремесел в Сеуле.

До посещения этой чайной я считала, что чаев на свете существует два сорта — черный и зеленый. Ну, может быть, особые ценители назовут еще желтый и красный, недавно появившиеся в России. А в корейской чайной мне предложили меню, где присутствовало 10—15 видов чая. Там был и полюбившийся мне зеленый чай, и неизменный «липтон» (свой черный чай у корейцев явно неудачен — что-то вроде нашего «грузинский, третий сорт»). Но в основном это были не чаи в привычном нам смысле этого слова, а скорее отвары плодов, корней, листьев и коры разных растений. Почти все их я со временем попробовала. Вкуса они оказались самого разнообразного, и к ним в чайных подаются специальные, также непривычные для нас сладости из сладкой патоки, кунжута или рисового теста. Корейцы используют свои чаи не только для утоления жажды — они считают, что чаи эти обладают целебными свойствами. Каждый чай — это не просто гармония вкусовых ощущений, это частичка истории и культуры страны.

Вот, например, камипчха — чай из листьев хурмы. Что такое хурма для россиянина? Странноватый привозной фрукт, который так и не прижился у нас из-за терпковатого вкуса и незнания, что же с ним, собственно, делать. Для корейцев же, как и для других народов Дальнего Востока, хурма — это самый что ни на есть традиционный продукт питания. Здесь распространены несколько видов хурмы, в том числе и совсем мягкие, без костей. Твердые сорта никто в холодильник для размягчения, как в России, не кладет, их так и употребляют в пищу, причем часто — с солью. В одном из японских стихотворений я встретила такой образ влюбленных: «они подходят друг другу, как хурма к соли». Хурма, хотя и продается сейчас в магазинах круглогодично, для корейцев остается символом осени, как для нас ягоды рябины. Хурма связана и с одной милой деревенской традицией: после сбора урожая корейцы всегда оставляют на деревьях несколько плодов для того, чтобы зимой в голодную пору ими могли полакомиться сороки.

Такие «благотворительные» плоды называются «качхи пап» — «сорочья каша». Хурму едят и в сыром, и в сушеном виде.

Вяленая хурма — любимое лакомство детей. А сам чай-камипчха нежного вкуса и аромата, его заваривают из листьев и верхушек плодов.

А вот имбирный чай — сэнганчха. Он — для любителей острых ощущений. Как только вы делаете первый глоток, дыхание буквально перехватывает — настолько у него горький, «шипучий» вкус. И тут же начинаете обливаться потом. Ощущения жесткие, однако начавшуюся простуду этот терпкий напиток убивает в самом зародыше. При похмельном синдроме, говорят, моментально отрезвляет (надо думать!). И еще старинный совет. Этот чай хорошо стимулирует работу печени. Вот почему в случае, когда человек поел много тяжелой пищи, запивать ее рекомендуется имбирным чаем.

А сколько таких чаев еще: чай из дерезы китайской, из аралии, из жужубы... И у каждого свой вкус, своя история. Наслаждаться их вкусом, надо не торопясь и беседовать при этом тоже о чем-то приятном. Деловые встречи в корейских чайных идут плохо — я не раз это подмечала. Чайные — для души, для встреч с друзьями, для бесед о вечном. На это настраивает человека все — и уютный полумрак, и традиционный дизайн помещения, и необычные напитки, которые надо пить смакуя, из крохотных чашечек. Их будет наполнять для вас девушка-официантка в ханбоке — корейском национальном платье. В углу шумит негромко водяное колесо, плавают рыбки в каменном бассейне, и очень уместно играет традиционная музыка.

Корейские чайные — живые свидетельства того, что национальная культура и традиции живут. Да, корейцы полюбили западный кофе, но он не вытеснил из их быта напитки, которые здесь любили исстари.

Дизайн и традиции

В свое время уже упомянутый мною писатель Пхи Чхон Дык, поехав в Англию, удивлялся тому, что в этой стране принято бережно хранить старые вещи — старые дневники, дедушкино кресло... Он замечал, что в Корее, которая вроде бы славится уважением к традициям, ни в одном доме не встретишь предметов, оставшихся от бабушек и дедушек, ни старых мисок, ни шкатулок, ни одежды — все безжалостно выбрасывается. Страна стремительно бежит вперед, оставляя старину по обочинам дороги.

Так оно и складывалось на первых порах. Однако у молодого поколения корейцев к старине понемногу формируется другое отношение. У них находится и время, и мудрость для того, чтобы остановиться и оглянуться назад. И это отношение выразилось в дизайне — искусстве молодых и видении мира молодых.

Дизайнер в современной Корее становится одной из самых популярных и уважаемых профессий — страна богатеет, все больше людей хотят устроить свою жизнь красиво. И «красиво» в Корее далеко не всегда означает «как на Западе». Конечно, западных тенденций здесь много, но они одни корейский дизайн не исчерпывают. Многие молодые дизайнеры, которые создают лицо корейских городов, по-новому переосмысливают свои старые традиции, дают им новую жизнь. Благодаря их работе в современную жизнь корейцев входит все больше вещей, где национальный стиль удачно сочетается с модернистскими тенденциями — украшения, предметы домашней утвари. В таком вот современно-традиционном стиле сейчас модно оформлять интерьер в наиболее культурных и обеспеченных корейских домах.

А одежда? Можно только изумляться тому, как удачно используется стиль ханбока с его широкими линиями и завышенной талией в дорогих шубах для немолодых женщин в Корее.

Такого покроя не встретишь ни в России, ни на Западе — это типично свое, родное. Осовремененное ретро смотрится на редкость элегантно. А главное — выглядят в нем корейки особенно привлекательно, ибо такое пальто учитывает и пропорции корейской фигуры, и невысокий рост. Сам ханбок тоже преобразуется, становится более удобным и на правах модной и дорогой одежды входит в жизнь современных жителей Кореи. Его сейчас надевают не только на праздники и свадьбы. Корейские модельеры смогли разработать буквально за несколько последних лет молодежный национальный стиль — ханбок для бытовой носки, и эти удобные, элегантные костюмы быстро завоевали себе место на изобильном рынке корейской одежды. В осовремененном ханбоке с удовольствием ходят и дети, и юные девушки — придрчивые модницы. Единственный недостаток «повседневного ханбока» — его дороговизна. И окраска ткани, и шитье производятся вручную, что, конечно, отражается на цене. Мне, например, эта одежда была не по карману. И у Маши был только один комплект корейской одежды за четыре года — его нам в подарок преподнесли друзья.

Корейская культура и традиции живут и здравствуют. Они существуют не только в виде музейных экспонатов и памятников, а как живые, осязаемые и действующие явления и предметы сегодняшнего мира. Они активно формируют современность.

Причем не только ее материальные формы.

Ведь культура существует не только в виде книг, одежды, дворцов. Она выражается и в виде того, что не потрогаешь руками, что разлито в воздухе: в манерах и правилах поведения людей, в выражении их лиц, в нравственных ценностях и ориентирах, которыми живет и руководствуется общество. Думаю, читатель, прочитавший эту книгу, не усомнится: в Корее они, несмотря на всю глобализацию, остаются своими, корейскими.

Эти непонятные корейцы продолжают жить по-своему.

Заключение

Моя книга подходит к концу. Что хотелось бы сказать читателю на прощание? Хороший народ корейцы. Хорошая страна Корея. И то, чего она достигла, и то, чего добивается, не может не восхищать. Как образ Золушки, в одночасье ставшей королевой, будоражит воображение тихой провинциальной девушки, так и пример Южной Кореи, еще вчера бедной и неприметной, а нынче завалившей своей электроникой полмира, светит лучом надежды для не слишком преуспевающих стран.

Это вполне естественные чувства, но мне хотелось бы предостеречь читателя от одной распространенной ошибки.

В 2000 году, незадолго до моего отъезда из Кореи, у меня состоялся любопытный разговор с сотрудником посольства Украины в Сеуле — назову его господином Н.

Сотрудник подробно расспрашивал меня о корейской системе образования и просил помочь достать соответствующие материалы. По словам Н., южнокорейским образованием заинтересовались самые высокие лица украинского государства, которых впечатлил экономический рывок Сеула. Киев намерен изучать и перенимать южнокорейский опыт.

При всем искреннем уважении к народу Украины, при всей симпатии к вежливому Н., я не смогла удержаться от улыбки.

Славяне, перенимающие южнокорейский опыт, — это почище Никиты Хрущева с его американской кукурузой. «Скажите, а вы готовы к тому, чтобы ваш ребенок-школьник спал по пять часов в сутки, а на летних каникулах посещал ежедневные учебные курсы? — спросила я Н. — К тому, чтобы он каждый день до десяти вечера торчал в школе и наизусть зазубривал учебники? Готовы ли вы к тому, чтобы ваш сын кланялся учителю (любому, все равно, нравится он вам или нет) и при случае послушно терпел от наставника подзатыльники? Готовы ли к дедовщине среди школьников и студентов? Причем вполне одобряемой, санкционированной обществом, потому что старший в таком обществе всегда прав. Иными словами — готов ли украинский народ к тому, чтобы в одночасье отказаться от всего своего предшествующего опыта, всей своей прежней культуры, национального менталитета — и превратиться в народ конфуцианский? Превратиться и пожить в таком состоянии лет шестьсот. А иначе не получится».

Да если б только это. Чтобы перенять корейский опыт, украинскому народу надо было бы с теплых, щедрых и привольных земель переселиться на другую почву, каменистую, холодную, неплодородную. Да поголодать столетиями, посидеть на рисе и овощах. Да поужиматься во всем, поприхнуть. И много чего еще.

Мудрость генерала Пак Чон Хи — самого симпатичного для меня диктатора истории — заключалась в том, что к успеху он повел корейский народ его собственным путем, использовал его собственные козыри. А из отпущенного судьбой лимона сотворил лимонад — использовал во имя экономического блага те качества корейцев, которые, казалось бы, в корне противоречат самому духу капитализма: коллективизм, беспрекословную лояльность к властям, крепкие узы семей и землячеств, полное отсутствие индивидуализма и т. д. Современное преуспевание Кореи он построил на ее собственной почве, и поэтому результаты оказались столь замечательными. И именно поэтому, к сожалению, пересадить на чужую землю южнокорейские социальные институты невозможно.

Однако в одном опыт Сеула перенять можно и должно. Южная Корея всем своим существованием доказывает нам, что каждому народу в жизни надо искать свой путь успеха и что найти этот путь возможно. Не закрываясь по-страусиному от мира, не цепляясь уперто за старину, не прячась в националистические иллюзии и мифы, но трезво и практично каждый народ должен выбрать то, что ему — именно ему — подходит больше всего.

Выход из тупика каждый может найти только сам.